

S $\frac{2}{3}$

3.

НАУЧНО - БОГОСЛОВСКОЕ САМООПРАВДАНИЕ
ХРИСТИАНСТВА

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА.

О БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА

И

О ПРЕВОХОДСТВѢ ЕГО

НАДЪ БУДДИЗМОМЪ И МОХАММЕДАНСТВОМЪ.

Э.-О. ПРОФ. СПБ. Д. АКАДЕМИИ,

прот. Е. Аквилонова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.

1904.

f²/₃

О БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА

И

О ПРЕВОСХОДСТВѢ ЕГО

НАДЪ БУДДИЗМОМЪ И МОХАММЕДАНСТВОМЪ.

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКОЕ

САМООПРАВДАНИЕ ХРИСТИАНСТВА.

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА.

О БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА

И

О ПРЕВОСХОДСТВѢ ЕГО

НАДЪ БУДДИЗМОМЪ И МОХАММЕДАНСТВОМЪ.

Э.-О. ПРОФ. СПБ. Д. АКАДЕМИИ,

прот. Е. Аквилонова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

1904.

8²/₃

О БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСТВА

И

О ПРЕВОСХОДСТВѢ ЕГО

НАДЪ БУДДИЗМОМЪ И МОХАММЕДАНСТВОМЪ.

Э.-О. ПРОФ. СПБ. Д. АКАДЕМІИ,

прот. Е. Аквилонова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. МЕРКУШЕВА, Невскій пр., № 8.

1904.

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе» за 1903 г.

2007041651

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

СТР.

1. Предварительныя замѣчанія о происхожденіи разсматриваемыхъ религій.—Предки Будды.—Историческія и миѳическія свидѣтельства о его рожденіи.—Дѣтскіе и отроческіе годы Будды.—Душевный переворотъ и бѣгство въ уединеніе.—Озареніе аскета.—Побѣда надъ искушителемъ и первая проповѣдь 3
2. Происхожденіе Мохаммеда.—Впечатлѣнія дѣтства.—Путешествіе и женитьба.—Значеніе іудейства и христіанства для склада его религіозныхъ вѣрованій.—Вліяніе на нихъ же эпилепсіи „пророка“.—Первыя его неудачи въ распространеніи новой вѣры.—Нѣсколько замѣчаній о нравственныхъ качествахъ Мохаммеда сравнительно съ Буддой. 9
3. „Книга родства І. Христа“.—Его происхожденіе „отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы“.—Безгрѣшность Богочеловѣка.—Его дѣтство и отрочество.—Крещеніе отъ Іоанна.—Искушеніе отъ діавола.—Значеніе этихъ событій.—Аналогичность священныхъ повѣствованій въ разсматриваемыхъ религіяхъ и соображенія въ пользу божественности христіанства 14

ГЛАВА II.

1. Буддійское ученіе объ искушеніи.—Уничтоженіе кастъ.—Причины усѣха проповѣди Будды.—Монашество.—Противники Будды.—Буддизмъ и браминство.—Взглядъ на буддійскую этику. 30
2. Мохаммедъ—проповѣдникъ единобожія.—Политическое значеніе его проповѣди.—Геджра, и значеніе этого событія въ жизни Мохаммеда.—Отношеніе Мохаммеда къ христіанству.—Фатализмъ.—Коранъ.—Ученіе объ Аллахъ.—Средства распространенія ислама.—Послѣдніе дни Мохаммеда.—Заключеніе 35
3. Выступленіе Господа Іисуса на проповѣдь.—Характеристика Его ученія по сравненію съ буддійскимъ и мохаммеданскимъ.—Проповѣдь о царствѣ небесномъ.—Христіанское „обращеніе“.—Искушеніе и его отличіе отъ буддійскаго.—Чудеса Христовы, возраженія противъ чудесъ, отличіе послѣднихъ отъ мусульманскихъ.—Общее заключеніе о разсматриваемыхъ религіяхъ 46

ГЛАВА III.

СТР.

1. Кончина Будды. — Его обоготворение. — Характеристика Будды. — Общественно-государственное значеніе буддизма. — Исторія буддійской „церкви“: соборы, составленіе канона свв. книгъ и монашескихъ правилъ. — Свѣтлые и черные дни буддизма. — Его распространеніе въ Китаѣ и въ Японіи. — Расколы. — Ламаизмъ. — Далай—и богдо—ламы. — Религіозный механизмъ

57

2. Смерть Мохаммеда. — Его внутреннія качества и внѣшній обликъ. — Религіозный фанатизмъ мусульманъ и побѣды ихъ надъ христіанами. — Первые калифы. — Омайяды и Абассиды. — Турки Османлисы. — Паденіе Константинополя. — Эволюція исламскаго вѣроученія. — Реформаторское движеніе въ мусульманскомъ мірѣ и порожденныя реформой секты. — Гаданія о будущемъ ислама.

67

3. Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о безцѣнномъ значеніи принесенной Христомъ жертвы. — Глубина прародительскаго грѣхопаденія и его тяжкія послѣдствія. — Невозможность „культурнаго“ самоискупленія, — искупленія посредствомъ ангела или какого-либо другого тварнаго существа и потребность въ Искупителѣ-Богочеловѣкѣ. — Вопросъ о причинѣ страданій Искупителя. — Ихъ добровольная неизбѣжность и необыкновенная тяжесть. — Рѣшеніе возраженій противъ Божія правосудія и страданія Невиннаго за виновныхъ. — Смерть и воскресеніе Христовы. — Заключение

82

О божественности христіанства и о превосходствѣ его надъ буддизмомъ и мохаммеданствомъ.

ЕСЛИ справедливо положеніе, что вещи познаются сравненіемъ, то особенно слѣдуетъ имѣть это въ виду при защитѣ христіанства отъ нападающихъ на него внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Казалось бы на первый взглядъ, что, съ развитіемъ просвѣщенія, должно уменьшаться число ихъ, потому что наука проливаетъ духовный свѣтъ, а христіанская вѣра вотъ уже девятнадцать вѣковъ служитъ главнымъ источникомъ этого свѣта, ибо Самъ Божественный Основатель христіанства, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, есть «истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ». Къ сожалѣнію, иное выходитъ на дѣлѣ. Въ то время, какъ одни сѣютъ въ мірѣ сѣмя добра и правды, другіе, подобно приточному «врагу», сѣютъ плевелы всякихъ заблужденій.

Отдѣленные отъ четвертаго вѣка христіанской эры длиннымъ разстояніемъ въ цѣлыхъ пятнадцать вѣковъ, мы, тѣмъ не менше, живемъ въ условіяхъ, аналогичныхъ съ условіями того времени. И у насъ, какъ тогда, въ высокой степени возросла религіозная любознательность: многіе, особенно изъ интеллигентовъ, принялись за обсужденіе волнующихъ современное общество религіозныхъ вопросовъ, причемъ нѣкоторые имѣютъ рѣшимость самоизмышленныя фантазіи выдавать за истинно-христіанское ученіе.

Очарованные выдающимся успѣхами сравнительнаго вѣровѣдѣнія, другіе хотя и видѣтъ въ христіанствѣ не богооткровенную религію, а только одну изъ совершенныхъ формъ проявленія религіознаго сознанія. По такому взгляду, лучи религіозной истины изобильно разсѣяны по всему лицу земному, и для спасенія совершенно безразлично, къ какой бы кто ни принадлежалъ вѣрѣ. При этомъ общезвѣстный законъ психи-

ческой жизни, по которому къ чему мы привыкли, то менѣе цѣннымъ, проявляется во всей своей неумолимой строгости. Всѣмъ своимъ духовнымъ величіемъ обязанный христіанству, современный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ нѣкоторыхъ «просвѣщенныхъ» его представителей, съ черной неблагодарностью относится къ своей благодѣтельницѣ и, мало того, даже, съ завистью оглядывается на «египетскія мяса».

Можетъ быть, пессимистическое настроеніе нашего времени значительно содѣйствовало тому, что апатичный къ жизни *буддизмъ* приобрѣлъ себѣ среди нашего общества довольное число горячихъ приверженцевъ, считающихъ его послѣднимъ словомъ доступной человѣку мудрости, равно и наилучшимъ противоядіемъ отъ мучившей еще древнихъ «скуки жизни». Для иного ученаго индифферентиста вопросъ объ отношеніи буддизма къ христіанству можетъ имѣть одно лишь академическое значеніе. Но только не слѣдуетъ забывать, что для другихъ, дорожащихъ истиною вѣрой, какъ родникомъ живой воды, тотъ же вопросъ приобретаетъ, благодаря этому, именно, серьезному отношенію къ вѣрѣ, особенную важность, ибо для стремящихся къ истиной жизни совсѣмъ безразлично, гдѣ могутъ они найти послѣднюю. Вѣровать—значить, прежде всего, *жить*, а потомъ уже и умствовать!

Въ свою очередь и *мохаммеданство*, не смотря на крайнюю запутанность и несамостоятельность своихъ религіозныхъ идей, мирно уживающихся рядомъ съ самыми нелѣпыми и фантастическими вымыслами, имѣетъ еще довольно смѣлости, чтобы не только защищаться отъ своихъ противниковъ, но, даже, и переходить въ наступленіе. Какъ по географическому положенію, такъ и по своимъ историческимъ судьбамъ намъ, русскимъ, больше всѣхъ другихъ христіанскихъ народовъ суждено считаться съ Мохаммедовой вѣрой. Разумѣется, побѣда за нами; но, прежде чѣмъ мечтать о ней, мы должны хорошенько уразумѣть содержаніе мохаммеданства и опредѣлить его удѣльный по отношенію къ христіанству вѣсъ.

Всѣмъ вышесказаннымъ вполне достаточно мотивируется появленіе на свѣтъ предлагаемыхъ нашимъ читателямъ статей. Ихъ высокій апологетическій интересъ и практическое значеніе безспорны. Чтобы не ходить въ потемкахъ, гдѣ дѣло касается религіи, и чтобы по достоинству оцѣнить христіанство, необходимо знать, въ чемъ, именно, превосходитъ оно буддизмъ и мохаммеданство. Безпристрастно-научная оцѣнка его, по сравне-

нію съ названными религіями, несомнѣнно покажетъ его недосягаемую высоту и радостно будетъ привѣтствована тѣми, сердца которыхъ ищутъ твердой опоры для оправданія своей вѣры, а умы—доказательства своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ.

Мы выражаемъ эти надежды за чужой счетъ, если только намъ не откажутъ въ правѣ отнестись съ глубочайшей признательностью къ нашимъ и къ заграничнымъ ученымъ, съ такою пользою потрудившимся въ уясненіи и въ обработкѣ взятаго предмета. Разумѣемъ достопочтенныхъ гг. Ольденберга, Васильева, Бартелеми-Сентъ-Илера, А. И. Введенскаго, А. Ѳ. Гусева, Саблукова, Шпренгера, Фальке, Неймана, Келлога и другихъ ученыхъ, трудами которыхъ пользовался авторъ печатаемыхъ статей, рѣшившійся подписаться подъ ними своимъ полнымъ именемъ только потому, что нѣкоторыя и подчасъ значительныя измѣненія въ трудахъ поименованныхъ ученыхъ, а особенно въ интересномъ сочиненіи Фальке: «Будда, Магометъ и Христосъ», изъ котораго онъ главнымъ образомъ заимствовалъ содержаніе предлагаемыхъ статей, видоизмѣняя послѣднее прѣимънительно къ русскимъ читателямъ,—ставили его въ невозможность возлагать на другихъ отвѣтственность за тѣ мысли, въ которыхъ они ни вмѣстѣ, ни порознь совсѣмъ неповинны.

По самому существу взятой задачи мы должны исполнять ее подобно тому, какъ напримѣръ, геометръ, проводящій послѣдовательно одна за другою три параллельныхъ линіи, то есть по принятому порядку сравнивать буддизмъ, мохаммеданство и христіанство между собою, причемъ — разумѣется — мы не можемъ избѣжать сравненія между собою также и основателей трехъ упомянутыхъ религій, отнюдь не желая этимъ непріятно потревожить чье-либо религіозное чувство, а только уступая научной правдѣ, стоящей выше всякихъ подозрѣній и узкихъ партійныхъ взглядовъ.

I.

1. Предварительныя замѣчанія о происхожденіи разсматриваемыхъ религій.—Предки Будды.—Историческія и мифическія свидѣтельства о его рожденіи.—Дѣтскіе и отроческіе годы Будды.—Душевный переворотъ и бѣгство въ уединеніе.—Озареніе аскета.—Побѣда надъ искусителемъ и первая проповѣдь.

На Востокѣ, гдѣ восходитъ солнце и гдѣ блеснула заря всемірной исторіи, родились два великихъ азійца, принесшіе людямъ двѣ міровыхъ религіи: Будда изъ племени арійцевъ въ

Индостанъ и Мохаммедъ изъ племени семитовъ въ Аравіи. Тамъ же, въ Палестинѣ, родился и Спаситель міра Христосъ. Раздѣленные правильными промежутками времени приблизительно въ 500 лѣтъ каждый (Будда за 500 л. до Р. Х., Магометъ въ 571 послѣ Р. Х.), они всѣ трое родились не въ главныхъ городахъ тогдашняго міра, а въ отдаленныхъ неизвѣстныхъ углахъ: въ *Капилавасть*, *Виолеемъ* и *Меккѣ*. Уходя, они оставили за собою длинную лучезарную полосу, изъ вѣка въ вѣкъ принимавшую все большіе и большіе размѣры и теперь озаряющую три четверти человѣчества. Съ востока, вмѣстѣ съ солнцемъ, шли ихъ вѣрованія; но буддизмъ такъ и остался на востокѣ¹⁾; исламъ достигъ полудня, и только одно христіанство описало вмѣстѣ съ солнцемъ путь съ востока на западъ и съ запада на востокъ, осынивъ весь міръ своею благодатью.

Къ сожалѣнію человѣческой родъ забывчивъ, и величайшимъ памятникамъ даетъ покрыться пылью вѣковъ. Проходитъ время—теряется слѣдъ. Гдѣ тѣ жилища, въ которыхъ родились и выросли эти величайшіе изъ завоевателей міра? Гдѣ города, въ которыхъ стояли ихъ колыбели? Капилаваста исчезла съ лица земли послѣ землетрясенія; древній Виолеемъ въ развалинахъ; Мекка измѣнилась. Мы не знаемъ точно даже года, въ которомъ родились и умерли Будда и Господь Иисусъ, не говоря уже о мѣсяцѣ и часѣ. Личности всѣхъ трехъ религіозныхъ реформаторовъ окутаны точно непрозрачнымъ флеромъ. Подобно утреннему туману, заслоняющему восходящее солнце, благочестивыя легенды²⁾ мѣшаютъ намъ проникнуть взоромъ въ интереснѣйшій періодъ жизни трехъ учителей. Тѣ же легенды вилотную окружили и дальнѣйшую ихъ жизнь, ихъ слова и дѣянія, такъ что требуется не мало долгаго и тяжелаго труда, чтобы отдѣлить золото исторической истины отъ негоднаго плака. Жизнь и личность Господа Иисуса Христа, если отбросить въ сторону апокрифъ,—представится намъ, на основаніи Евангелія, наиболѣе ясной и неизмѣримо болѣе достоверной по сравненію съ позднѣйшими біографіями такъ называемыхъ «пророковъ». Цѣльная личность Будды, благодаря

¹⁾ Попытка перенести буддизмъ въ Европу, не взирая на изрядное число его исповѣдниковъ, свидѣтельствуетъ о нихъ только, какъ о невѣдущихъ, что они творять. Впрочемъ, объ этомъ ниже.

²⁾ Напримѣръ, у насъ—апокрифическія евангелія, Пилатовы акты и пр.

неудержимому полету индiйской фантази и отсутствiю историческаго чутья у индiйскихъ писателей, изображена такъ, что научная критика лишь очень пемное изъ этихъ описанiй можетъ признать вполне достовѣрнымъ. Это особенно слѣдуетъ замѣтить въ отношенiи Мохаммеда.

Княжескiй сынъ, *Сиддаттха*, впоследствии названный «Буддой», родился около 560 г. до Р. Х. въ м. *Капилавасть*, теперешнемъ селенiи *Удъ*, расположенномъ на южномъ склонѣ Гималаевъ. Онъ происходилъ изъ древняго владѣльческаго рода. Предки его не были, впрочемъ, царями. Это были только знатные и богатые князья, подвергнувшiеся по смерти Будды нападенiю со стороны болѣе могущественныхъ кочаловъ. Родителями его были *Суддхадано* и *Мая*, умершая на седьмой день послѣ рожденiя сына. Согласно позднѣйшему сказанiю, рожденiе великаго человѣка было предвозвѣщено Брамию. Когда Брама рѣшилъ снизойти на землю для спасенiя людей, то онъ, произведя выборъ своей будущей матери, остановился на Маѣ. Онъ вселился въ нее, проникнувъ въ ея утробу въ видѣ солнечнаго луча. До этого времени она не имѣла дѣтей. Рожденiе Будды сопровождалось различными знаменiями: въ городахъ замѣчалось небесное сиянiе, земля колебалась, слѣпые прозирали, хромые стали ходить, глухiе слышать. Новорожденнаго младенца погрузили въ крещальную купель. Громкимъ голосомъ онъ всѣмъ возвѣстилъ свое божественное происхожденiе и близкое искушенiе. Изъ глухой горной пещеры къ нему пришелъ старецъ-отшельникъ и, упавъ передъ нимъ ницъ, сказалъ: «воистинну младенецъ этотъ будетъ высшимъ и совершеннѣйшимъ Буддой, воистинну онъ укажетъ путь спасенiя» *Но все это, разумьется, данныя апокрифическiя.* Исторически достовѣрно только то, что Сиддаттха выросъ, окруженный восточною роскошью княжескаго двора, среди общей распущенности нравовъ. Отецъ выстроилъ ему три дворца, рассчитанные на три времени года,—на время дождей, на жаркое и на холодное время. Здѣсь росъ будущiй реформаторъ, проводя время въ роскошныхъ, тѣнистыхъ садахъ, съ прудами, покрытыми цвѣтами лотоса, днемъ блестящими подъ лучами ослѣпительнаго солнца, а вечеромъ издававшими дивное благоуханiе, въ тѣни манговыхъ деревьевъ и раскидистаго тамаринда, между которыми ѣздили на слонахъ. Еще когда онъ былъ юношей, его женили на знатной принцессѣ и преподнесли цѣлый гаремъ красавицъ, отличныхъ танцовщицъ и пѣвицъ.

Но вдругъ почему-то въ душѣ молодого принца произошелъ переворотъ. Ему стало душно, свѣтская жизнь перестала интересоваться его,—и онъ началъ задумываться надъ ничтожествомъ міра.

Какъ произошелъ этотъ переворотъ, чѣмъ онъ былъ обусловленъ, объ этомъ исторія молчитъ. Легенда говоритъ слѣдующее: однажды, когда Будда гулялъ въ своемъ паркѣ, онъ увидѣлъ дряхлаго старика, опиравшагося на посохъ и медленно двигавшагося впередъ. Будда, передъ которымъ до этого времени скрывали всякое горе, крайне удивленный, спросилъ своего возницу *Чанно*: «что это за удивительное существо»? Чанно отвѣтилъ: «старецъ». — «Развѣ онъ родился такимъ»? продолжалъ спрашивать князь. — «Нѣтъ, господинъ, раньше онъ былъ такимъ же молодымъ и цвѣтущимъ, какъ ты». — «Много такихъ стариковъ»? — «Очень много, господинъ». — «А какимъ образомъ онъ оказался въ такомъ положеніи»? — «Отъ естественной причины, ибо всѣ люди, въ концѣ концовъ, должны сдѣлаться дряхлыми стариками, разъ они не умерли въ дни своей юности». — «И я, Чанно»? — «И ты, господинъ»... — Случай этотъ настолько разстроилъ молодого принца, что онъ тотчасъ-же вернулся домой. Нѣсколько дней спустя, онъ наткнулся на прокаженнаго. Чанно опять объяснилъ ему замѣченное явленіе. Принцъ былъ настолько потрясенъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, что немедленно отказался отъ всѣхъ утѣхъ жизни и предался размышленіямъ о человѣческихъ страданіяхъ. Нѣкоторое время спустя, онъ увидѣлъ на дорогѣ разложившійся трупъ чловѣка. Замѣтивъ его, онъ въ величайшемъ волненіи вернулся домой и воскликнулъ: «Горе мнѣ! На что весь блескъ и роскошь,—разъ они не могутъ предохранить отъ старости, болѣзни и смерти! Какъ несчастны люди!! Неужели нѣтъ средства, которое могло бы положить конецъ болѣзнямъ и смерти»? И, вотъ, не успѣлъ онъ кончить этихъ словъ, какъ передъ нимъ появился аскетъ; онъ облаченъ былъ въ желтую одежду; лицо его носило отпечатокъ внутренняго покоя. Аскетъ указалъ Буддѣ, что жизнь—не благо, а зло, отъ котораго нужно бѣжать.

Подъ неотразимымъ вліяніемъ этихъ словъ принцъ рѣшилъ отказаться отъ жены, дѣтей, отъ всякой роскоши и уйти въ пустыню. Въ послѣднюю ночь, проведенную имъ во дворцѣ, его, по обыкновенію, забавляли плясуньи и пѣвицы. Подъ звуки пѣнья онъ заснулъ... Проснувшись черезъ нѣкоторое время, онъ

увидѣлъ обнаженные тѣла танцовщицъ. Ему показалось, что передъ нимъ поле, усыянное человѣческими трупами, и что дворецъ его объять пламенемъ. «Горе мнѣ, кругомъ меня несчастье», воскликнулъ онъ въ ужасѣ, «пастало время идти по большому пути!» Уходя, онъ вспомнилъ о своемъ новорожденномъ сынѣ. «Взгляну еще разъ на него», подумалъ онъ. Сиддатха направился въ спальню жены, спавшей на усыянномъ цвѣтами ложѣ. Протянутая рука ея покоилась подъ головой ребенка. «Если обниму ребенка—она проснется; когда сдѣлаюсь буддой—вернусь, тогда посмотрю на сына». Сказавъ это, онъ выбѣжалъ на дворъ, гдѣ его ожидала лошадь; на ней княжескій сынъ ускакалъ отъ жены и ребенка въ глубокую почь, вѣроломно покинувъ ихъ на произволь судьбы,—бѣжалъ, чувствуя омерзѣніе къ бытію съ его удовольствіями. Отвращеніе отъ міра дало первый толчекъ къ превращенію принца въ «будду», оно же и впоследствии проходило красною нитью черезъ всю жизнь пророка. Но вслѣдъ за бѣглецомъ, какъ тѣнь, отправился и его искуситель, чаявшій дожидаться минуты, когда въ душу пророка заповзетъ червь сомнѣнія, или въ ней проснется затихнувшая жажда наслажденій. Принцу было 29 лѣтъ, когда онъ вступилъ на новый для него житейскій путь. Теперь для принца наступило время скитальчества, постовъ и поисковъ за душевнымъ покоемъ. Поученіе двухъ браминновъ, утверждавшихъ, что молитва и мистическое углубленіе въ самого себя открываетъ путь къ истинѣ, не удовлетворило скитальца. У браминновъ онъ перенялъ, однако, духъ пессимизма,—ученіе о переселеніи душъ и нирванѣ. Истязанія, которымъ онъ подвергалъ свое тѣло, также мало удовлетворяли его. Шесть лѣтъ онъ истязалъ себя: пятерыхъ учениковъ привлекли къ нему его подвиги: шесть лѣтъ сидѣлъ онъ съ прижатымъ къ небу языкомъ, «крѣпко держа, крѣпко сжимая и крѣпко терзая свои мысли», но просвѣтлѣнія все не было. Тѣло его превратилось въ скелетъ. Онъ началъ опять ѣсть и пить, за что его покинули ученики, и онъ остался одинъ. Но вотъ, наконецъ, просвѣтленіе нашло на него ночью, когда онъ лежалъ подъ деревомъ познанія бодхи (смоковницей) и тщетно ломалъ себѣ голову надъ рѣшеніемъ мучившей его загадки. Внезапное вдохновеніе озарило его и указало ему путь къ освобожденію отъ страданій,—дало ему ядро будущаго ученія ¹⁾.

¹⁾ Подъ просвѣтлѣніемъ здѣсь не надо понимать ничего чудеснаго

Таково начало буддизма. Полный восторга, *Будда* воскликнул: «благодаря познанному и видѣнному, моя душа очистилась отъ грѣховныхъ похотей, освободилась отъ грѣховнаго земнаго существованія, очистилась отъ грѣховныхъ заблужденій и отъ грѣховнаго незнанія. Въ искупленномъ пробудилось знаніе объ искупленіи, уничтожено возрожденіе, исполнился образецъ святой жизни, совершень долъгъ; не вернусь я больше въ міръ. Такъ позналъ я».

Этотъ поворотный пунктъ въ жизни Будды—фактъ *историческій*. Проведя нѣсколько дней въ глубокихъ размышленіяхъ у подножія священнаго дерева, Будда отправился къ смоковницѣ «айяпаля», къ «дереву пастуховъ козь», гдѣ онъ въ послѣдній разъ подвергся искушенію. Злой духъ, Мара, началъ внушать ему сейчасъ же покончить съ жизнью и погрузиться въ *нирвану*, не возвѣстивъ своего ученія людямъ; если онъ это сдѣлаетъ, то одинъ избѣгнетъ злого духа, а не все человечество. Будда началъ колебаться. Представлявшаяся ему впереди, полная страданій и лишеній, жизнь проповѣдника испугала его. «Если я возвѣщу свою вѣру, и меня не поймутъ, то я только устану и измучусь,—думалъ онъ.— Къ чему вѣщать міру то, что съ трудомъ лишь мнѣ самому удалось достигнуть. Пусть истина скрытой останется отъ злыхъ и обуянныхъ гнѣвомъ. Вещь это трудная, глубокая, простому уму недоступная; видѣть не долженъ ее тотъ, чей разумъ мракомъ окутанъ».

Только послѣ того, какъ самъ Брама, упавъ передъ нимъ ницъ, сказалъ: «въ странѣ Магада завелась недавно печеть, грѣшниковъ ученіе. Открой, о, мудрецъ, врата вѣчности, повѣдай, безгрѣшный, все, что узналъ ты. Кто на верху стоитъ—на верхушкѣ скалы, — чей взоръ народъ, страны обозрѣваетъ? Такъ и ты, о, мудрецъ, возстань и брось безстрастный свой взглядъ на людей, страждущихъ отъ рожденья и лѣтъ. Впередъ, впередъ, побѣдный герой! Пройди весь міръ, безгрѣшный, путей возвѣститель; заговори, владыко! Твои слова понятны будутъ многимъ». Будда рѣшается и говорить: «пусть передъ

и мистическаго, вызваннаго сверхъестественными силами, а лишь непосредственное познаніе истины, интуитивное проникновеніе въ сущность вещей, отличающееся отъ интуиціи художественнаго гевія лишь по степени, а не по существу, и представляющее собою только высшую степень таковой. Сиддатха теперь сталъ считать себя „буддой“, т. е. „познавшимъ истину“. См. Neumann, Buddhist. Katechismus von Subhadra Bhikschn. 3 Aufl. Braunsch. 1892. s. 16.

всѣми откроются врата вѣчности, кто имѣть уши, да слышать и вѣруеть». Не смотря на всѣ происки искусителя и цѣлый рядъ всевозможныхъ препятствій, Будда твердо рѣшается возвѣстить людямъ средство, при помощи котораго можно было бы избѣжать жизни со всѣми ея страданіями, радостями, счастьемъ и душепреселеніями. Онъ возвѣстилъ догму полного умерщвленія души. Первыми прозелитами были два купца, давшіе ему свои чашки съ кушаньемъ. Съ отрѣзанными волосами, въ желтой одеждѣ, съ тарелкой для сбора милостыни, похожій съ виду на браминскаго аскета, Будда пошелъ съ своею проповѣдью, «вращая», по буддійскому выраженію, «колесо ученія».

Не трудно убѣдиться въ томъ, что благочестивая легенда сильно прикрасила начало буддизма множествомъ мнимыхъ чудесъ. Такъ, напр., рассказываютъ, что, когда перевозчикъ отказалъ Буддѣ въ лодкѣ, то Будда перешелъ по волнамъ Ганга съ одного берега на другой. Пяти покинувшимъ его ученикамъ, въ доказательство своей святости, онъ удлинилъ языки до самаго носа, и, когда тѣ въ обращеніи называли его словомъ «друже», то онъ сказалъ имъ: «не называйте, монахи, совершеннаго именемъ «другъ». Святъ, монахи, совершенный, всецѣло просвѣщенный Будда. Откройте, монахи, ваши уши; безсмертіе найдено». Но изъ этихъ и подобныхъ имъ восточно-мистическихъ прикрасъ ясно только одно то, что дѣйствительно въ жизни новаго реформатора произошелъ рѣшительный переломъ. Прежній чувственный князь, благодаря отвращенію къ жизни, обрѣлъ призваніе пророка.

2. Происхожденіе Мохаммеда.—Впечатлѣнія дѣтства.—Путешествіе и женитьба.—Значеніе іудейства и христіанства для склада его религіозныхъ вѣрованій.—Вліяніе на нихъ же эпидеміи „пророка“.—Первыя его неудачи въ распространеніи новой вѣры.—Нѣсколько замѣчавій о нравственныхъ качествахъ Мохаммеда сравнительно съ Буддой.

Если мы перенесемъ отъ Будды за 1000 лѣтъ впередъ и познакомимся съ вліяніями, среди которыхъ росъ Мохаммедъ, то окажется, что въ исторіи двухъ «пророковъ» есть много сходнаго. Подобно Буддѣ, Мохаммедъ происходилъ изъ стариннаго, знатнаго рода Корейшитовъ. Впрочемъ, родители его *Абд-Аллахъ* и *Амина* были бѣдны, и мать, вскорѣ овдовѣвшая, не могла воспитать сына въ роскоши и богатствѣ, какъ Шакья—принца Сиддатха. Тѣмъ не менѣе, по крови онъ при-

надлежалъ къ первой аристократіи страны. Подобно тому, какъ основатель буддизма впослѣдствіи перемѣнилъ свое наименованіе Сиддатха на должностное имя «Будда», такъ и родившійся въ апрѣлѣ 571 г., въ Меккѣ, пророкъ носилъ, кажется, имя *Котамъ*, и только незадолго до или послѣ бѣгства въ Медину назвалъ себя Мохаммедомъ, т. е. «давно желаннымъ, достохвальнымъ». Онъ самъ говорилъ о себѣ: «я Мохаммедъ: я Амадь (параклиторъ), Гашидь (будитель мертвыхъ), Махій (истребитель), Хатимъ (печать), Акибъ (послѣдній)». Вообще, онъ далъ себѣ шесть прозваній, изъ которыхъ, по его желанію, самымъ употребительнымъ сдѣлалось прозвище Мохаммеда ¹⁾. И его рожденіе благочестивая легенда окружила чудесами, сіяніями, явленіями ангеловъ и предсказаніями. Аминъ будто явился ангелъ и сказалъ: «ты носишь подъ сердцемъ господина и пророка своего народа». Дѣдъ поворожденнаго—*Абд-аль-Матталибъ* взялъ его на руки, пошелъ съ нимъ въ Каабу и благодарилъ Бога за подарокъ. Затѣмъ архангелъ Гавріиль разверзъ грудь младенца, вынулъ его сердце, омылъ и, выбросивъ кусокъ черной запекшейся крови, положилъ сердце обратно на мѣсто. Какъ легко видѣть, обрядъ этотъ означаетъ освобожденіе отъ грѣха. Также и исторія виолеемскаго избіенія младенцевъ опять находится въ сказаніяхъ о гоненіи, поднятомъ арабскими прозорливцами и іудеями. Если откинуть все легендарное, то окажется, что Мохаммедъ вмѣстѣ со своей матерью велъ тихую, бѣдную, незамѣтную для міра жизнь. На шестомъ году жизни онъ потерялъ мать, и тогда сироту-мальчика взялъ къ себѣ его бѣдный дядя *Абу-Талибъ*. Между тѣмъ какъ принцъ Сиддатха наслаждался роскошной жизнью въ чувственныхъ удовольствіяхъ юности и сладострастныхъ оргіяхъ, *Котамъ* просиживалъ днями на голой скалѣ, или на краю пустыни и стерегъ овецъ. Только одинъ разъ, на 12-мъ году жизни, онъ ближе увидѣлъ свѣтъ, когда дядя повезъ его въ Боцру, на базаръ. Болѣе точныхъ свѣдѣній о его юношеской жизни не имѣемъ. Вскорѣ, однако, судьба ему улыбнулась. Въ противоположность скромному Буддѣ, оставившему свое богатство ради бѣдности, *Котамъ* изъ бѣднаго сдѣлался богатымъ. Онъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ одной богатой вдовы *Хаджиджи*, бывшей уже дважды замужемъ.

¹⁾ *Sprenger*. Das Leben und die Lehre des Mohammed. 3 Bde. 1861—1865. I. 155—162.

Практическая ловкость и коммерческій талантъ, хитрость и оборотливость настолько возвысили его въ глазахъ вдовы, что онъ сдѣлался предводителемъ ея каравановъ и объѣздилъ всю южную Аравію. Въ концѣ концовъ 40-лѣтняя вдова предложила 25-лѣтнему юношѣ свою руку, и Котамъ сдѣлался обладателемъ большого богатства. Отецъ Хаджиджи былъ противъ этого брака; однако хитрая вдова сумѣла устранить это препятствіе. Она напоила отца пьянымъ и получила разрѣшеніе на бракъ. Все пужное для свадьбы было заранѣе приготовлено, и, прежде чѣмъ старикъ протрезвился, Хаджиджа была уже женою Мохаммеда. Такимъ образомъ, подобно Буддѣ, послѣдній вкусилъ сладостей супружеской жизни; жена любила его и имѣла великое вліяніе на развитіе ислама. Мохаммедъ нашелъ въ ней надежную опору своей пророческой миссіи. Сначала у него не было больше женъ, но послѣдствіи, по смерти Хаджиджи, пророкъ впалъ въ любострастіе. Отъ первой жены у него было шестеро дѣтей; всѣ они умерли, за исключеніемъ самой младшей — *Фатимы*, чрезъ которую родъ пророка продолжается и по-нынѣ. До сорока лѣтъ *Котамъ* велъ жизнь торговца и семьянина, не помышляя о званіи пророка. Если теперь мы зададимъ себѣ вопросъ: что же заставило его сдѣлаться пророкомъ, то разгадку этого найдемъ, прежде всего, въ противорѣчій между религіозными убѣжденіями *Мохаммеда* и соплеменнаго ему народа.

Подобно Буддѣ, впитавшему въ себя предварительно всѣ духовныя теченія своего времени, и Мохаммедъ усвоилъ себѣ основныя идеи монотеизма, благодаря частому соприкосновенію съ евреями и съ іудео-христіанами. Съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ онъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ сношеніяхъ. Самъ онъ сдѣлался «ганифомъ», т. е. іудео-христіаниномъ, и отрекся отъ языческой религіи своихъ соотечественниковъ. Но главная причина коренилась, все-таки, въ немъ самомъ. Будда пришелъ къ разумнѣю своего призванія путемъ размышленій подъ деревомъ боди; Мохаммедъ сдѣлался пророкомъ вслѣдствіе болѣзни. Исторически несомнѣнно, что онъ былъ эпилептикъ. Еще въ молодыхъ лѣтахъ съ нимъ случались припадки; но особенно острое теченіе болѣзни приняла въ его зрѣлые годы. Пророкъ падалъ на землю, закрывалъ глаза, губы его покрывались пѣною и «самъ онъ ревѣлъ, какъ молодой верблюдъ». Съ этой истеричной, болѣе душевной, чѣмъ тѣлесной болѣзنیю соединялось еще много другихъ симптомовъ, которые объясняютъ

намъ характеръ исламскаго пророка. Такимъ большимъ свойственна не только ненасытная жажда наслажденій, но и склонность ко лжи. Послѣдняя у истеричныхъ индивидовъ переходитъ сплошь и рядомъ въ привычку. Въ истеричномъ субъектѣ вырабатывается нѣчто въ родѣ духа лжи; больной старается внушить всѣмъ окружающимъ ложное о себѣ представленіе. Къ этому присоединяются еще истерическіе сны, галлюцинаціи и видѣнія. Гарить-Ибнъ-Гишамъ спросилъ однажды пророка: «какимъ путемъ онъ получаетъ откровеніе»? Пророкъ отвѣтилъ: «иногда ко мнѣ является ангелъ подѣ видомъ человѣка и говоритъ со мною, порою—я не вижу никого, а только слышу звуки бубна или колокольчика; въ такомъ случаѣ становится мнѣ очень не по себѣ. Когда затѣмъ невидимый ангелъ меня покидаетъ, я воспринимаю все то, что онъ мнѣ внушилъ».

Религіозное броженіе у пророка началось по достиженіи послѣднимъ 40-лѣтняго возраста. Мохаммедъ сдѣлался крайне безпокойнымъ; ночью ему являлись привидѣнія, припадки усилились. Онъ началъ часто ходить на гору Хира къ пустынножителю іудео-христіанину Саиду, и здѣсь, *льтомъ 612 года*, пробилъ часъ рожденія ислама. Однажды во время припадка Мохаммедъ увидѣлъ ангела ¹⁾, который трижды повторилъ свое требованіе, чтобы онъ прочелъ принесенное съ неба откровеніе и сказалъ: «выскажись во имя Творца», т. е., выступи пророкомъ». Не зная навѣрное, былъ ли это самообманъ, или, дѣйствительно, Самъ Богъ повелѣлъ призвать его, истеричный Мохаммедъ былъ близокъ къ помѣшательству. «Не былъ ли это сонъ? злая шутка со стороны нечистаго духа»? Долго считалъ онъ все это дьявольскимъ навожденіемъ и помышлялъ даже, о самоубійствѣ. Такимъ образомъ, и *онъ*, подобно Буддѣ, долженъ былъ пройти черезъ рядъ искушеній; оба боролись съ самими собою. Будда боролся съ эгоизмомъ и страхомъ, Мохаммедъ—съ болѣзненными иллюзіями. Въ этой борьбѣ существенную поддержку оказала Мохаммеду его жена Хаджиджа и іудео-христіанинъ Варака. Они успокаивали его и сдѣлались, такимъ образомъ, основателями, а вмѣстѣ и первыми приверженцами новой вѣры. Когда Мохаммедъ началъ вѣрить въ собственную иллюзію, что онъ призванъ возвѣстить монотеизмъ, то мало-по-малу успокоился. Чудныя видѣнія ангела участились, причемъ всѣ его наставленія пророку стали заканчиваться те-

¹⁾ Чего и кого только не видѣлъ онъ, по словамъ его біографовъ!

перь неизмѣннымъ: «о, Мохаммедъ, воистину ты посланникъ Божій, а я—Гавріиль». Если первое откровеніе было галлюцинаціей, то слѣдующія были жаждой его большой души. Въ этотъ періодъ Мохаммедъ еще не выработалъ себѣ яснаго представленія о своемъ будущемъ ученіи. Въ то время, какъ Будда выступилъ передъ народомъ съ опредѣленной проповѣдью, Мохаммедъ все еще колебался, и только послѣ бѣгства въ Медину создалъ до извѣстной степени стройную систему ученія. Сначала Мохаммедъ и не думалъ создавать міровую религію: онъ имѣлъ въ виду только одну національную. Его колебанія объясняются очень просто его необразованностью, въ частности, неимѣніемъ богословскаго образованія и зависимостью отъ чужихъ мнѣній. Сначала онъ сдѣлалъ попытку примирить свои монотеистическіе взгляды съ религіозными взглядами своихъ родственниковъ. На первый разъ онъ не рѣшался посягнуть на языческой культъ Каабы и самъ участвовалъ въ церемоніяхъ праздника пилигримовъ и, такимъ образомъ, санкціонировалъ фетишистское поклоненіе черному камню. Впослѣдствіи онъ оставилъ фетишизмъ и перешелъ на сторону іудео-христіанства, у котораго позаимствовалъ цѣлый рядъ обрядовъ и церемоній, молитвы и омовенія, названія и имена, а, главнымъ образомъ, «Кыблу», т. е. обычай ежедневнаго произношенія троекратной молитвы—съ лицомъ, обращеннымъ къ Иерусалимскому храму; впослѣдствіи, когда пророкъ совершенно прекратилъ свои сношенія съ іудео-христіанами, онъ всѣмъ правовѣрнымъ повелѣлъ обращаться къ Каабѣ.

Всѣми этими уступками Мохаммедъ не достигъ, впрочемъ, ничего существеннаго; уже многіе и тогда считали его лжецомъ и лицемеромъ. Правда, партія пророка въ первые мѣсяцы насчитывала до 100 человекъ, въ томъ числѣ—его ближайшихъ родственниковъ: Хаджиджу, Вараку, Абу-бекра, двоюроднаго брата Али, сильнаго Омара, много рабовъ и другихъ низшаго званія людей; но корейшиты не переставали дурно относиться къ приверженцамъ новой религіи и часто убивали ихъ. Многіе изъ нихъ спасались бѣгствомъ въ Абиссинію, найдя защиту въ лицѣ тамошняго христіанскаго царя, — другіе умерли мученическою смертію. Самъ Мохаммедъ долженъ былъ перенести много обидъ и ѣдкихъ насмѣшекъ; корейшиты, во главѣ съ заклятыми врагами Мохаммеда, забрасывали его на улицѣ грязью, считали его сумасшедшимъ и, даже, покушались на его жизнь. Этихъ-то враговъ своихъ Мохаммедъ и рѣшилъ во чтобы ни

стало переманить на свою сторону. Сопротивленіе придадо силы его убѣжденію и закалило его энергію. Первоначально его изреченія отличались силой, простотою и римической стройностью, теперь его фантазія начала дѣлаться все болѣе страстной и необузданной. Онъ грозилъ корейшитаѣ божьими ка-рами, каменнымъ дождемъ и страшнымъ судомъ. А такъ какъ ничего такого не наступало, то изобрѣтательный на подобныя выдумки пророкъ, въ концѣ концовъ, сдѣлался предметомъ еще болѣе ѣдкихъ насмѣшекъ. Однажды, во время проповѣди, онъ разсказалъ своимъ слушателямъ, что совершилъ на крылатомъ скакунѣ Варакъ воздушное путешествіе въ Іерусалимъ, а оттуда на седьмое небо, гдѣ его привѣтствовали патриархи и пророки, какъ излюбленнаго посланника Божія. Даже Самъ Богъ, по словамъ Мохаммеда, назвалъ его перломъ и конечной цѣлью созданія. Противники этотъ разсказъ встрѣтили смѣхомъ, приверженцы недоумѣніемъ, третьи отпали отъ него, пока пророкъ не объявилъ все это за сонъ. Впрочемъ, впослѣдствіи онъ опять утверждалъ, что все это случилось съ нимъ на-яву. Такъ въ душѣ пророка, не желавшаго теперь отказаться отъ своего призванія, боролись самыя противоположныя чувства: чувство правоты и лукавства, истины и лжи. Какъ видно, исламъ, будучи болѣе близкимъ къ христіанству, чѣмъ буддизмъ съ его атеизмомъ и нигилизмомъ, въ то же время стоитъ гораздо ниже буддизма въ смыслѣ нравственной силы и чистоты волевыхъ движеній. Будда никогда не былъ такимъ наглымъ лжецомъ и лицемеромъ, какимъ былъ Мохаммедъ. Все сказанное о религіозномъ развитіи Мохаммеда изображаетъ его, какъ еще неопредѣлившася и измѣнчиваго въ своихъ воззрѣніяхъ мечтателя. Но такое направленіе неминуемо должно было низринуть пророка въ бездну самыхъ ужасныхъ преступленій.

3. „Книга родства І. Христа“.—Его происхожденіе „отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы“.—Безгрѣшность Богочеловѣка.—Его дѣтство и отрочество.—Крещеніе отъ Іоанна.—Искушеніе отъ діавола.—Значеніе этихъ событій.—Аналогичность священныхъ повѣствованій въ разсматриваемыхъ религіяхъ и соображенія въ пользу божественности христіанства.

«Книга родства Іисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова»—такъ начинается Евангеліе св. апостоль Матѣей, и затѣмъ перечисляетъ главнѣйшихъ членовъ родословной Спасителя. Необыкновенная книга! Имѣющая цѣлью показать плотское родство между Христомъ и Его царственнымъ пред-

комъ и еще болѣе раннимъ, великимъ праотцемъ Авраамомъ, она заключается словами: «Иаковъ родилъ Иосифа, мужа Маріи, отъ которой родился Иисусъ, называемый Христосъ». Каждому члену великой родословной указать свой родитель, и только одинъ Христосъ-Спаситель не имѣеть такого: Ему дана только одна Мать. Потонувшій въ пучинѣ грѣха человѣческой родъ не могъ своими усиліями произвести на свѣтъ безгрѣшнаго и святого: отъ грѣшныхъ рождаются только грѣшники. Другими словами: какого необыкновеннаго человѣка, пусть онъ будетъ гениальный ученый, законодатель или правитель, ни произвелъ бы человѣкъ, все-таки, въ немъ гнѣздились бы грѣхъ со всѣми горькими его плодами, а великій гений не только не могъ бы искупить міръ отъ грѣха, но самъ прежде другихъ нуждался бы въ искупителѣ. Сколько разъ лучшіе люди въ до-христіанскомъ язычествѣ пытались выступать въ качествѣ самоискупителей—и какъ же горько раскаявались въ своемъ безуміи! Слова и стремленія ихъ были прекрасны, но разбивались о несокрушимую для человѣческихъ силъ твердыню грѣха и всякихъ пороковъ. Не даромъ, полный горестнаго отчаянія въ невозможности одними человѣческими средствами избавиться отъ царящаго въ мірѣ зла, великій Платонъ устремляется своимъ умственнымъ взоромъ въ неопредѣленную даль, когда придетъ желанный Спаситель.

Еще болѣе, чѣмъ въ языческомъ мірѣ, это сознаніе безсилія рода человѣческаго спастись безъ вышней помощи проявлялось въ подзаконной церкви. Какъ ни великъ былъ своей вѣрой праотецъ Авраамъ, котораго Самъ Богъ называетъ Своимъ «другомъ»,—однако въ настоящемъ послѣдній былъ безотраденъ и чаялъ утѣхи только отъ грядущаго Мессіи: «Авраамъ, отецъ вашъ, говоритъ Спаситель, радъ былъ видѣть день Мой, и видѣлъ и возрадовался». Какъ ни праведенъ былъ въ своихъ житейскихъ путяхъ страдалецъ Іовъ, однако и его великая праведность исчезаетъ предъ грознымъ прасудіемъ Божиимъ, и онъ уповающе смотритъ въ далекое будущее, когда «Присносущный искупитъ его и исцѣлитъ его терпящую недугъ кожу».

Спасъ міру Христосъ долженъ былъ произойти отъ Давида «корня», по человѣчеству, но такъ какъ Ему надлежало избавить людей отъ грѣха и смерти, то Отцомъ Своимъ Онъ долженъ былъ имѣть только Бога. Вотъ почему іудеи такъ тщательно сохранили вышеупомянутую «книгу родства» Мессіи,

такъ что въ разсужденіи этой книги не можетъ рождаться никакихъ основательныхъ сомнѣній. Что касается самаго главнаго, а именно, происхожденія Христа *отъ Давида*, то мы можемъ быть на счетъ этого совершенно спокойны, даже и въ томъ случаѣ, когда бы не располагали подробною родословною въ Евангеліи. О Давидовомъ Сынѣ мы могли бы заключать изъ молчанія враговъ Иисуса, нисразу не дерзнувшихъ утверждать, что Онъ не можетъ быть Мессіей, такъ какъ не происходитъ отъ Давида, хотя Самъ Спаситель подавалъ близкій поводъ къ тому (Мѡ. 22, 42—45). Мы могли бы заключать о царственномъ происхожденіи Христа, далѣе, изъ находящихся въ Мѡ. 9, 27; 15, 22 исповѣданій, по которымъ плотское родство между Христомъ-Спасителемъ и Давидомъ оказывается всѣмъ извѣстнымъ и всѣми признаваемъ фактомъ. Наконецъ, мы освѣдомлены были бы насчетъ этого апостоломъ Павломъ (Рим. 1, 3; 2 Тим. 2, 8), который располагалъ совершенно достовѣрными данными касательно того, что Иисусъ Назарянинъ и съ генеалогической стороны вполне отвѣчалъ тѣмъ признакамъ, которые, по свидѣтельству в.-завѣтныхъ писаній, должны были принадлежать Мессіи. Сколько священныхъ воспоминаній тѣснится въ нашей душѣ при чтеніи въ «книгѣ родства» именъ такихъ, напримѣръ, язычницъ и «грѣшницъ», какъ Руоь, Раавъ и Тамарь, состоящихъ въ числѣ прародительницъ нашего Господа! Но вотъ и другія думы, порождаемая той же книгой. Не замѣчаете ли вы, съ какой поразительной симметрией изображается великая родословная у евангелиста Матоея? Трижды—«родове четыренадесяте»: четырнадцать родовъ отъ Авраама до Давида, четырнадцать отъ Давида до вавилонскаго плѣненія, четырнадцать отъ плѣненія до Христа. Что хочеть сказать намъ евангелистъ такую, построенной по правиламъ строгой симметріи, трехчастной родословной?

На основаніи извѣстныхъ, наблюдаемыхъ въ планетныхъ системахъ, явленій одинъ астрономъ указываетъ на опредѣленный и доселѣ считавшійся незанятымъ пунктъ въ небесномъ пространствѣ и говоритъ: здѣсь еще должна находиться новая планета. Другой астрономъ направляетъ болѣе сильный телескопъ на указанный пунктъ и—планета открыта! Такъ и въ міровой исторіи задолго впередъ могъ обозначиться извѣстный пунктъ, на которомъ слѣдовало ожидать или появленія какого либо необыкновеннаго лица, или какого-нибудь первостепенной важности событія. Такимъ пунктомъ было явленіе во плоти Хри-

ста. Когда, начиная отъ Авраама, прошло четырнадцать поколѣній, тогда наступила пора политическаго и религіознаго расцвѣта народа Божія при царѣ Давидѣ. По истеченіи, начиная съ Давида, четырнадцать поколѣній, настало великое народное бѣдствіе плѣненія. Слѣдовательно, по аналогіи, надо было ожидать того, что чрезъ четырнадцать послѣднѣйшихъ родовъ Богъ посѣтитъ или Своимъ гнѣвомъ или милостью Своей. Произошло послѣднее. Итакъ, Спаситель пришелъ въ міръ,—такова мысль, положенная въ основѣ книги родства,—*когда исполнилась кончина лѣта*. Богъ изначала такъ расположилъ времена, что они должны были располагаться симметрически отъ одного періода до другого и, наконецъ, найти свое гармоническое завершеніе въ рождествѣ Господа Иисуса.

Если теперь три части книги родства подвергнуть хронологическому измѣренію, то нетрудно будетъ убѣдиться въ существованіи здѣсь своего рода ритма. Считаая Авраама отстоящимъ отъ Христа на 2200 лѣтъ, Давида мы увидимъ тогда удаленнымъ отъ Него же на 1100 лѣтъ, какъ разъ посредниѣ между Авраамомъ и Христомъ; но, въ такомъ случаѣ, Вавилонскій плѣнъ окажется въ 550 году, ровно среди Давида и его божественнаго Потомка. Богъ, Который, какъ Богъ природы, въ столь удивительной симметріи расположилъ разстоянія планетъ отъ солнца, какъ Богъ исторіи, въ строгой законѣрности расположилъ такъ же разстоянія отдѣльныхъ историческихъ эпохъ отъ Христа, этого Солнца всемірной исторіи.

Возникновеніе всякой человѣческой жизни является глубокою тайною уже по своей физической, а еще болѣе по духовной, личной сторонѣ. Ибо положеніе, по которому человѣкъ представляетъ собою не что иное, какъ произведеніе своихъ родителей и, далѣе, всей окружающей обстановки, рѣшительно опровергается многократнымъ опытомъ, каждою сильно развитой и образованной личностью. Духовныя дарованія, отличающія талантливыхъ людей отъ посредственныхъ, не состоятъ въ роковой зависимости отъ закона такъ называемаго естественнаго подбора. Они встрѣчаются сравнительно очень рѣдко, обнаруживая изумительныя варіаціи въ своемъ развитіи, такъ какъ на своей высочайшей точкѣ талантъ и еще болѣе гений во сто или, даже, въ тысячу кратъ возвышается надъ обыкновенной посредственностью.

Такимъ образомъ, всякій человѣкъ представляетъ собой своеобразную личность, такую индивидуальность, внутреннюю

сущность которой невозможно произвести изъ свойствъ родителей или изъ особенностей окружающей обстановки, по которой объясняется исключительно творческою силою Божіей. Съ поразительной очевидностью это наблюдается у выдающихся дѣятелей, призванныхъ Высшею Волею къ проложенію новыхъ путей въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни. На такихъ людей нельзя смотрѣть какъ только на произведенія извѣстнаго времени;—ибо какъ можетъ время дать своимъ великимъ сынамъ то, что впервые оно само должно получить отъ нихъ? Наоборотъ, они уже однимъ своимъ существованіемъ являются въ качествѣ живыхъ памятниковъ творческаго Божьяго дѣйствія, представляя собою въ собственномъ смыслѣ слова чудо. Но, съ другой стороны, призванный къ проложенію новыхъ путей жизни не могъ бы сдѣлаться такимъ, какимъ онъ быть долженъ, если бы на встрѣчу ему не устремлялось самое время, съ его свободной воспримчивостью и съ жаждой того, что именно этотъ человѣкъ можетъ дать ему. Другими словами: когда въ міровой исторіи должно произойти что-либо новое и великое, тогда творческое Божіе дѣйствіе оказывается въ наибольшемъ соотвѣтствіи съ глубочайшими потребностями человѣческаго духа. Въ томъ-то и состоитъ царственная тайна Божьяго міроуправленія, чтобы отмѣтить часъ, въ который томительное ожиданіе и исполненная надеждъ воспримчивость человѣчества достигаютъ такой степени духовной зрѣлости, на которой только и возможно нисхожденіе на землю высочайшей творческой силы. Эти часы суть подлинно великіе часы Божьяго посѣщенія въ исторіи, часы рожденія новыхъ и очень важныхъ историческихъ эпохъ.

Такъ и въ тотъ знаменательный часъ, въ который Спасъ міра долженъ былъ вступить въ этотъ міръ, воспримчивость рода человѣческаго къ спасенію и потребность въ послѣднемъ заявляли себя, какъ никогда еще прежде. Съ особою силою жажда спасенія развилась среди сравнительно небольшихъ числомъ, но за то великихъ вѣрою «истинныхъ израильтянъ», къ числу которыхъ принадлежала также и обрученная старцу Іосифу Дѣва Марія. Нѣжная и вмѣстѣ разсудительная открытость ея чистой души къ воспріятію божественнаго воздѣйствія расцвѣла въ Ней роскошнымъ благоухающимъ цвѣтомъ. Вотъ почему дѣвственная Маріамъ представляетъ собой ту высочайшую ступень въ человѣческомъ родѣ, на которой явилось возможнымъ дѣйствіе творческой силы, чтобы проявиться въ

завершительномъ моментѣ божественнаго откровенія и проявить въ условіяхъ человѣческаго существованія величайшаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами. «По обрученіи Матери Его Маріи съ Иосифомъ», читаемъ у евангелиста Матоея, «прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имѣеть во чревѣ отъ Духа Святаго».

Здѣсь предъ нами совершенно иное, по сравненію съ вышеупомянутымъ содѣйствіемъ творческой Божіей силы при рожденіи знаменитыхъ геніевъ въ родѣ человѣческомъ. Тамъ проявляется только содѣйствіе Божіе, а здѣсь—исключительно только Божіе *дѣйствіе*, устранившее всякое участіе мужского фактора. Въ силу этого, именно, обстоятельства никакое другое событіе изъ жизни Спасителя не подвергается большимъ нападкамъ со стороны отрицательной критики сравнительно съ этою «главизной» Боговоплощенія. Но такъ какъ здѣсь приходится трактовать о предметѣ, требующемъ особенно деликатнаго къ себѣ отношенія, то неудивительно, что, наряду съ непримиримую рѣзкостью непосредственнаго отрицанія, на этотъ таинственный пунктъ священной исторіи изобильно пролились такъ же и цѣлыя рѣки всякой клеветы и позора. И, однакоже, если поразмыслить о томъ, что Родившійся отъ Маріи долженъ былъ сдѣлаться *Искупителемъ отъ грѣха* и единымъ Посредникомъ божественной жизни для всего человѣчества, и потому не могъ быть только относительно лучшимъ и менѣе грѣховнымъ, сравнительно съ другими людьми, но долженъ былъ явиться олицетвореніемъ *совершенной чистоты и святости*, то нельзя будетъ не согласиться съ тѣмъ, что и происхожденіе Его могло быть только такимъ, о которомъ повѣствуютъ евангелисты Матоей и Лука. Здѣсь не довольно было одного только содѣйствія Божія, но требовалось Его *единодѣйствіе*.

Сказанное будетъ яснѣе, если обратимъ вниманіе на то, что Господь Иисусъ долженъ былъ не только возстановить человѣческую природу въ ея первобытной чистотѣ, но долженъ былъ явиться воплощеніемъ высочайшаго ея *совершенства*, какою она была только предугазана и предуготована въ Адамѣ: какъ «духъ животворящій», «последній Адамъ» долженъ былъ открыть Собой, по человѣчеству, новую высочайшую ступень рода человѣческаго вмѣсто первой, только «душевной» (ср. 1 Кор. 15, 45—47). Такимъ образомъ, по истеченіи пятитысячелѣтней остановки въ творческой дѣятельности, опять настало время открытія послѣдней въ ея высочайшемъ совершенствѣ.

Какъ же теперь въ первотвореніи совершался переходъ отъ низшихъ ступеней къ высшимъ? Такъ, что въ матеріаль предшествовавшихъ низшихъ ступеней творенія творческимъ Божіимъ словомъ вливалась божественная жизнь, посредствомъ которой низшая форма бытія восходила къ высшей. По такому же закону происходитъ и открытіе начинающейся въ Самомъ Спасителѣ высшей ступени человѣческаго развитія. Представляемое Дѣвой Маріей человѣчество даетъ матеріаль, или образуетъ такую почву, изъ которой произрастаетъ Началоположникъ и Носитель этого новаго развитія. Но для осуществленія послѣдняго должно произойти непосредственное нисхождение Божіей творческой силы на эту исторически данную почву. Другими словами: Иисусъ долженъ имѣть Мать изъ дочерей человѣческихъ, но родиться отъ Нея Онъ долженъ дѣйствіемъ творческаго Духа Божія.

Опасеніе, что, благодаря соучастію женскаго фактора, Родившійся не будетъ свободенъ отъ грѣховнаго прираженія, если не призвать на помощь римско-католическій догматъ о непорочномъ зачатіи,—это опасеніе совершенно не основательно, а только такимъ представляется. Ибо, что касается, прежде всего, самого момента зачатія, то Дѣва Марія выступаетъ въ немъ только воспріемлющей, безъ какого либо возбужденія своей природы, исполненная одного священнаго восторга: «се, раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему!» Такимъ образомъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о примѣшеніи какого либо грѣховнаго элемента. Послѣдующее непорочное развитіе, вмѣстѣ съ возрастомъ, младенца Иисуса состояло въ томъ, что Онъ отстранялъ отъ Себя всякое грѣховное прираженіе, въ то же время усвая Себѣ только одно святое, божественное. Гдѣ же находится первоначало этого безгрѣшнаго развитія Младенца Иисуса? Не въ одномъ только рожденіи, но тамъ, гдѣ было сокрыто зерно этой безгрѣшной и святой жизни, то есть, еще въ моментъ зачатія. Если же, тѣмъ не менѣе, въ послѣдствіи народъ называлъ Господа сыномъ Іосифовымъ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо такое, какъ безсѣменное зачатіе, событіе, вѣроятно, оставалось нѣкоторое время достояніемъ только тѣснаго родственнаго круга. Если же, далѣе, апостоль Павелъ въ своихъ посланіяхъ не выражается ясно о зачатіи Спасителя отъ Св. Духа, то послѣднее, тѣмъ не менѣе, является необходимымъ предположеніемъ какъ апостольскаго ученія объ искупленіи, такъ и проповѣди объ Иисусѣ, какъ о второмъ

Адамъ. Если, наконецъ, ап. Иоаннъ умалчиваетъ о томъ же предметѣ, то мы находимъ у него два главныхъ положенія: во-первыхъ, что «рожденное отъ плоти плоть есть, а рожденное отъ духа духъ есть», и, далѣе, что Иисусъ есть безгрѣшный Сынъ Божій, составляющій едино со Отцемъ. Вторымъ изъ этихъ положеній необходимо требуется сверхъестественное происхожденіе Господа Иисуса.

Обстоятельства рожденія Господа Иисуса Христа всѣмъ намъ настолько извѣстны, что здѣсь не требуется подробно разсказывать о нихъ. Нельзя себѣ представить праздникъ рождества Христова безъ ангеловъ, пастырей и яслей. Мы не имѣемъ никакихъ основаній въ настоящемъ случаѣ раздѣлять тревожныя сомнѣнія тѣхъ, которыхъ міровозрѣніе не можетъ мириться съ бытіемъ и съ явленіемъ ангеловъ. Что ангелы существуютъ и могутъ являться на землѣ и воспѣвать славу въ вышнихъ Богу,—этого наука не можетъ ни доказать, ни опровергнуть. Но, во всякомъ случаѣ, она располагаетъ данными въ пользу того, что признаки, прилагаемые въ Св. Писаніи ангеламъ, не содержатъ въ себѣ ничего противорѣчиваго, и что, слѣдовательно, бытіе такихъ существъ, съ точки зрѣнія науки, возможно; она можетъ, далѣе, указать на то, какъ уже сама по себѣ близка человѣку мысль, что твореніе, въ которомъ находятся безчисленныя ступени, отъ высшей до низшей, не обрывается сразу на человѣкѣ, какъ на единственномъ представителѣ духовной жизни тварей, а продолжается въ незримомъ мірѣ духовъ, въ постепенномъ восхожденіи отъ низшихъ къ высшимъ, включительно до такихъ высочайшихъ существъ, которыя ближе всѣхъ стоятъ къ Богу. Особенно же важно для вѣрующихъ то, что бытіе ангеловъ составляетъ важнѣйшую часть ученія Самого Господа, Который говоритъ о нихъ не приточно только, но въ самомъ толкованіи притчей (Мѡ. 13, 39), или въ нравственныхъ увѣщаніяхъ (Мѡ. 18, 10), слѣдовательно, въ чисто предметномъ порядкѣ. Что же касается ангельскаго благовѣстія не знатымъ и ученымъ, а простымъ пастырямъ, то будемъ ли дивиться столь необыкновенному, съ житейской точки зрѣнія, направленію послѣдняго, когда сообразимъ, что и первыми слушателями Христова евангелія были не высшихъ ранговъ люди, а бѣдные рыбаки? Чистый свѣтъ истины отражается вѣдь только въ младенчески-чистыхъ душахъ.

Восьми дней отъ рожденія Младенецъ Иисусъ былъ обрѣ-

зашь, сорокадневнымъ—быль принесенъ въ храмъ,—«сталь подъ закономъ, да подзаконныя искупить». Достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, Онъ крестился отъ Іоанна. Послѣдній, увидѣвъ грядущаго ко крещенію Іисуса, вначалѣ недоумѣвалъ: какъ онъ, рабъ, будетъ крестить своего Господа? Это первоначальное «возбраненіе» Предтечи—крестить Избавителя отнюдь не указываетъ на предварительное соглашеніе ихъ между собой. Происходящее нерѣдко, хотя и не въ такой напряженной степени, на почвѣ естественной душевной жизни явленіе, когда два человѣка, двѣ души при первой встрѣчѣ непосредственно уже понимаютъ одна другую, здѣсь происходитъ особенно живо, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ этой встрѣчи. Какъ только Іоаннъ, вѣдавшій о близкомъ пришествіи Большаго, увидѣлъ Іисуса, тотчасъ же подумалъ: это Тотъ, предтечей Котораго являюсь я; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, у Крестителя созрѣло и рѣшеніе: въ такомъ случаѣ я не могу крестить Его, но самъ долженъ креститься отъ Него. Однако Іисусъ отвѣтилъ ему: «оставь теперь, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду». Тогда Іоаннъ допускаетъ и крестить Его. Когда Іисусъ выходилъ изъ воды, разверзлись небеса, и Духъ Божій въ видѣ голубя сошелъ на Него, и гласъ былъ съ неба: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ».

Какъ безгрѣшный, Господь не требовалъ крещенія, а крестился для того, «чтобы явиться Израилю», и чтобы Іоаннъ съ достовѣрностью «узналъ» вземлющаго грѣхъ міра, Агнца Божія. «И я видѣлъ», свидѣтельствуетъ Іоаннъ, «и засвидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій». Среди тысячъ кающихся грѣшниковъ, пришедшихъ на берега Іорданскіе, среди гордыхъ своей мнимой праведностью фарисеевъ и напыщенныхъ всеотрицающимъ раціонализмомъ садукеевъ, среди неправедныхъ мытарей и воиновъ, полагавшихъ право въ силѣ меча, въ толпѣ отверженныхъ сыновъ вѣка сего и блудницъ,—появленіе Христа было подобно возникновенію источника ключевой «воды въ землѣ жаждущей». Собравшіеся на берегахъ Іорданскихъ люди всякихъ общественныхъ классовъ и положеній, богатые и бѣдные, ученые и простые, всѣ самымъ присутствіемъ своимъ здѣсь свидѣтельствовали о невозможности удовлетворить надломленную душу благами міра сего и о потребности иныхъ для нея благъ. За этими послѣдними они и пришли къ Іоанну. Но что могъ дать имъ онъ? Что иное могъ онъ проповѣдывать, кромѣ покаянія? Каяться въ надеждѣ получить царство небе-

сное—это еще не значить наслаждаться блаженствомъ, а только видѣть его въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но, вѣдь, и Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, «видѣлъ день Господень, и возрадовался»,—и, однакоже, сколько горя и всякихъ бѣдствій расположилось между его радостью и радостью съ пришествіемъ въ міръ его Спасителя! Ко времени Рождества Христова человѣческій родъ разучился терпѣливо сносить житейское бремя и пламенно ждалъ пришествія Мессіи. То, что было возможно древнимъ праотцамъ, являлось совершенно невозможнымъ для современниковъ Христова пришествія. Такъ и крестившіеся отъ Іоанна, въ концѣ концовъ, становились безпомощными жертвами собственнаго ожиданія—Его, Спасителя міра. Очищенная покаяніемъ совѣсть подсказывала всѣмъ, что *человѣкъ долженъ быть святъ, потому что долженъ былъ явиться на землю...*

Святой Человѣкъ. Личности рождаются только подъ воздѣйствіемъ личностей, жизнь возгарается только отъ жизни, какъ свѣтъ отъ свѣта. Цѣлые фоліанты прекрасныхъ разсужденій о добродѣтельной и счастливой жизни исписали философы, а жизнь ничуть не улучшалась. Блестящимъ великолѣпіемъ одѣлись міровыя столицы, зато какія жалкія рубища едва покрывали наготу нуждающихся! Съ самыхъ первыхъ страницъ и кончая послѣднимъ пророкомъ Св. Писаніе воспитывало вѣру въ Избавителя,—но безъ Него даже и подвигъ вѣры подчасъ испытывалъ страшныя колебанія. Все говорило о томъ, что самъ человѣкъ своими силами не въ состояніи устроить себѣ блаженную жизнь, что ему нуженъ Цѣлитель, а послѣдняго пока все еще не было. Въ радости покаяннаго чувства крестившіеся думали вначалѣ, что Іоаннъ—Спаситель, но самъ же пророкъ отклонилъ отъ себя не принадлежавшую ему честь. Спасать людей или долженъ былъ прійти отъ вѣка предопредѣленный Агнецъ Божій, или они вовѣкъ не спасутся, и современемъ достигнуть еще худшаго состоянія по сравненію съ тѣмъ, въ которомъ застало ихъ христіанство. Въ это-то, именно, тревожное и подлинно критическое время и «явилась спасительная всѣмъ благодать Божія». Съ какимъ неземнымъ восторгомъ, надо полагать, Грядущій ко крещенію Христосъ былъ привѣтствованъ трепетнымъ Предтечѣй! Ему и только ему одному суждено было своей десницей указать на грядущаго Мессію, и онъ первый произнесъ знаменательная слова: «се, Агнецъ Божій!» Съ крещеніемъ Господнимъ отверзлось небо и впервые послѣ грѣхопаденія среди сыновъ человѣческихъ нашелся во-

злюбленный Божій Сынъ! Правда, только Онъ одинъ пока со-
стоитъ такимъ, но не всегда же Онъ будетъ одинокимъ: при-
детъ время, и, вознесенный на крестъ Агнецъ, всѣхъ привле-
четъ къ Себѣ.

Итакъ, исполнилась радостная, но вмѣстѣ и мучительно-
долгая надежда міра: онъ увидѣлъ, близко, среди себя самого,
своего Спаса. Крещеніе со всѣми сопутствующими обстоятель-
ствами свидѣтельствовало чающимъ спасенія объ открытіи по-
слѣдняго. Не мнимую грѣховность Спасителя подтверждало
оно, а, наоборотъ, Его безмѣрную святость и Богосыновство,
съ одной стороны, и, съ другой, удостовѣряло людей, что только
въ Немъ одномъ они могутъ обрѣсти спасеніе.

Великое таинство представляетъ собою крещеніе Иисуса,—
великое для Самого Крестившагося, равно и для Крестителя
съ народомъ. Теперь Спасителю предлежало первое и рѣши-
тельное *испытаніе*. Въ актѣ крещенія Онъ выразилъ совер-
шенную готовность творить волю небснаго Отца. Но, чтобы
эта рѣшимость Иисуса была вмѣстѣ съ тѣмъ и *свободнымъ* че-
ловѣческимъ подвигомъ, для этого требовалась близость другой
возможности: въ Своемъ общественномъ служеніи идти путемъ,
противнымъ волѣ Отца. Благое и богоугодное дѣло становится
въ собственномъ смыслѣ нравственнымъ подвигомъ, истинно-
личнымъ приобрѣтеніемъ дѣлающаго только подъ тѣмъ усло-
віемъ, когда оно избирается въ ясно сознаной противополож-
ности къ злему и богопротивному, которое съ его призрачными
благами такъ же стучится въ двери человѣческаго сердца. Какъ
истинный человѣкъ, Христосъ не могъ не испытать, хотя и
безгрѣшнаго, искушенія, чтобы, «бывъ искушенъ по всяческимъ,
могъ и искушаемымъ помочь». Томимый голодомъ и жаждой,
Онъ могъ подпасть искушенію—утолить ихъ и несвоевременно
и незаконными средствами. Содрагаясь, опять по естественному
человѣческому чувству, передъ страданіями, Онъ могъ испы-
тывать искушеніе—уклониться отъ нихъ, даже, и въ томъ
случаѣ, когда они предопредѣлены были въ предвѣчномъ Со-
вѣтѣ. Воспріимчивый къ воздаянію Ему чести и признатель-
ности со стороны своихъ соотчичей, Онъ могъ искушаться—
добывать Себѣ знаки почтенія насчетъ Своего послушанія
Богу-Отцу. «Хотя Онъ и Сынъ, однако, страданіями навѣкъ
послушанію». Онъ былъ, «подобно намъ, искушенъ во всемъ,
кромѣ грѣха».—Отъ внимательнаго читателя исторіи искушеній
Спасителя не ускользаетъ то общее, чѣмъ такъ ярко характе-

ризуются всё три искушения, а именно, вызовомъ дѣлать противоположное тому, что принялъ на Себя Иисусъ въ крещеніи. Хотя Онъ и не долженъ отказаться отъ Своего мессіанскаго призванія, однако, въ *иномъ* смыслѣ Онъ долженъ признать и осуществить его: не въ совершенномъ послушаніи Своему Отцу, а, наоборотъ, въ богоборномъ, своевольномъ, чисто-мятежномъ употребленіи Своихъ силъ, для достиженія мірскаго владычества и славы. Причемъ Онъ имѣлъ бы существенную выгоду— достигнуть цѣли безъ особыхъ усилій, не подъемля креста и страданій, между тѣмъ какъ уготованный Ему въ предвѣчномъ Совѣтѣ путь былъ усѣянъ самыми острыми иглами. Итакъ, вопросъ въ слѣдующемъ: съ Богомъ или противъ Бога? Быть ли Мессіей по сердцу Божію, или по сердцу князя мірскаго? Путемъ скорбей и лишеній, или, въ преклоненіи предъ богопротивными вождельніями свѣта, посредствомъ матеріальныхъ стяжаній и виѣшняго насилія? Предъ нами не притча, по историческое *событіе*, записанное евангелистами со словъ Самого Испушеннаго. Если бы Онъ выражался приточно, то Его ученики не обинуясь отмѣтили бы это, чему довольно примѣровъ въ евангеліи. Невозможно такъ же видѣть въ искушеніяхъ только внутреннія, въ душѣ Господа-Спасителя, породившія сомнѣнія насчетъ Своего посланничества и цѣлесообразныхъ для совершенія его средствъ. Можемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ думать, что, спустя тридцать лѣтъ подготовительной къ общественному служенію жизни, Спаситель только въ пустынѣ, впервые составилъ ясное представленіе о Своемъ мессіанскомъ дѣлѣ? Противъ этого свидѣтельствуетъ, именно, Его крещеніе отъ Іоанна въ связи съ твердой рѣшимостью исполнить всякую правду. Нужно совсѣмъ отречься отъ всякаго пониманія законовъ духовной жизни, чтобы допустить предположеніе, въ силу котораго столь неправильныя и находившіяся въ непримиримомъ противорѣчій съ ветхозавѣтнымъ откровеніемъ мессіанскія чаянія современнаго іудейства могли бы поработить Его въ такой мѣрѣ, чтобы Онъ серьезно задался вопросомъ о томъ: не перейти ли на сторону сильныхъ князей міра и не сдѣлаться ли орудіемъ ихъ земныхъ цѣлей? Христосъ преодолѣлъ искушенія—не Своей внутренней природы, но *духа злого*; Онъ, по самому понятію о мессіанскомъ служеніи, не могъ, отстранить отъ Себя искушителя, какъ и впоследствии не отстранилъ чаши Своихъ горчайшихъ страданій; не могъ еще и потому, что въ пустыню былъ «возведенъ Духомъ, чтобы искушиться

отъ діавола». Принятіемъ крещенія отъ Іоанна и побѣдой надъ искушеніями Спаситель разъ навсегда утвердилъ за Собой непоколебимое положеніе въ Своемъ общественномъ служеніи.

Не правда ли, какъ много *аналогичнаго* между буддизмомъ и мохаммеданствомъ, съ одной стороны, и христіанствомъ, съ другой? Наблюдается не малое сходство въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ рожденію основателей разсматриваемыхъ религій, въ сопровождавшихъ самое рожденіе обстоятельствахъ, а равно и въ первыхъ годахъ ихъ общественнаго служенія. Во всѣхъ жизнеописаніяхъ такъ много сверхъестественнаго элемента, всѣ такъ проникнуты благоухающей небесной поэзіей, что невольно, даже, въ самой чистой душѣ возникаетъ вопросъ: насколько мы въ правѣ приписывать божественность только одному христіанству и отрицать ее за другими религіями? Не вѣрнѣе ли держаться болѣе широкаго взгляда на *относительное* только превосходство перваго надъ послѣдними, тѣмъ болѣе, что и по древнеотеческому свидѣтельству божественный Логосъ обиталъ въ лучшихъ людяхъ языческаго міра? «Мы научены», пишетъ философъ Іустинъ въ своей первой Апологіи, «что Христосъ есть Слово, Которому причастенъ весь родъ человѣческій. Жившіе согласно съ Словомъ и суть христіане, хотя бы считались за безбожниковъ». Если же, дѣйствительно, дѣло обстоитъ такъ, то вопросъ объ абсолютномъ превосходствѣ христіанства надъ другими религіями, повидимому, слѣдуетъ считать плодомъ только недоразумѣнія, и христіанская апологетика должна будетъ произвести у себя «переоцѣнку цѣнностей», должна будетъ очистить и нашу богословскую науку отъ засоренія разными вредными порослями, а за нею, разумѣется, и практическая жизнь необходимо измѣнить свое теченіе и вмѣсто несбыточныхъ идеаловъ потусторонности обратиться къ другимъ, болѣе сподручнымъ ей идеаламъ.

Итакъ, что же сказать въ оправданіе христіанства и въ доказательство его божественности? Какъ мы уже видѣли, находящійся въ немъ сверхъестественный элементъ настолько тѣсно связанъ съ содержаніемъ и средствами нашего спасенія, что ни одной іотой христологіи нельзя поступиться безъ того, что бы не разрушить стройную систему христіанской сотеріологіи. Христіанская догматика и правоученіе — это въ высочайшей степени поразительный духовный космосъ, построенный съ со-

блюденіемъ стройной пропорціональности частей и гармоническаго ихъ взаимоотношенія. Въ этомъ чудномъ космосѣ есть свое духовное солнце—Богъ, на его тверди красуются безчисленныя звѣзды и планеты, управляемыя законами высшей духовной жизни, есть свои стремленія и средства къ ихъ достиженію. Исторгните изъ духовной тверди хоть одну наименьшую звѣздочку — и тотчасъ рушится вся система. Допустите, напримѣръ, что Христосъ родился, какъ обыкновенный человѣкъ, отъ плотскаго отца—отъ ученія о Спасителѣ и спасеніи не останется камня на камнѣ. Тогда Христосъ оказался бы такимъ же, какъ и мы, грѣшникомъ и поэтому не только не въ состояніи былъ бы сдѣлаться нашимъ Искупителемъ, а, наоборотъ, Самъ нуждался бы въ послѣднемъ. Пусть земнымъ Его родителемъ былъ бы не пазаретскій древодѣль Іосифъ, а знаменитѣйшій изъ философовъ, славнѣйшій завоеватель или какой угодно великій и сильный міра сего,—отъ этого ни Ему, ни намъ не было бы лучше: Онъ былъ бы только высокопоставленнымъ грѣшникомъ, а мы вмѣстѣ съ Нимъ все еще ожидали бы Мессію. И если насъ поражаетъ горестное состояніе рода человѣческаго предъ пришествіемъ въ міръ Спасителя, то трудно себѣ и представить, что было бы съ нами въ двадцатомъ вѣкѣ христіанской эры, если бы не родился Спаситель міра. Уповать на самоискупленіе человѣчества могутъ только самые легкомысленные мечтатели, не знающіе ни глубокой порчи человѣческой природы, ни дѣйствительныхъ размѣровъ господствующаго въ мірѣ зла. Но, если прислушаться къ горестнымъ и подчасъ доходящимъ до отчаянія жалобамъ лучшихъ людей до-христіанскаго міра на радикальную его испорченность, если собрать всѣ эти слезы, пролитыя милліонами надорванныхъ тяготою жизни сердець, если исчислить эти ужасныя гекатомбы принесенныхъ во славу языческихъ мерзостей жертвъ, то едва ли кому серьезно придетъ въ голову мысль о возможности спастись человѣчеству одними естественными силами. Но, въ такомъ случаѣ, остается преклониться предъ великой благочестія тайной: именно «*Богъ* явился во плоти!» И Сей воплотившійся Богъ есть, именно, таковой, какимъ Его намъ изображаетъ евангеліе.

Иное дѣло, когда мы обратимся къ Буддѣ и Мохаммеду. Прежде всего, для чего въ ихъ біографіяхъ сверхъестественный элементъ? Развѣ только для того, чтобы свидѣтельствовать противъ недостойныхъ носителей совершенно не подходя-

щаго къ нимъ званія какихъ-то страшныхъ чудотворцевъ и ничего не спасающихъ спасателей. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ и Будда рождается отъ проникнувшего въ утробу Майи солнечнаго луча, и ангелы воспѣваютъ появленіе въ міръ великаго учителя объ освобожденіи отъ страданій. Казалось бы, что сверхъестественное рожденіе принца Готамы гарантируетъ ему безгрѣшную жизнь. Совсѣмъ нѣтъ. Наоборотъ, онъ въ юности предаѣ чувственнымъ удовольствіямъ и живетъ подлинно «несытъ блуда». Правда, у Шакия-Муни хватило рѣшимости порвать связь съ плотоугодничествомъ, съ роднымъ кровомъ и съ семьей, и въ тиши уединенія предаться размышленіямъ о житейскихъ страданіяхъ и средствахъ къ освобожденію отъ нихъ. Но, что касается нравственнаго усовершенія индійскаго мудреца, то, какъ бы высоко ни возносили его многочисленныя почитатели, онъ оттого не сдѣлался безгрѣшнымъ и святымъ. Родившись во грѣхахъ, онъ и скончался въ нихъ же. Его «святость» совсѣмъ другой природы по сравненію съ Христовой. Вымученная и выстраданная нравственная анестезія—это совсѣмъ не то, что разумѣемъ мы, хрістіане, подъ саморавенствомъ и гармоническимъ настроеніемъ духа, выдающаго въ этомъ мірѣ не цѣль, а только средство къ достиженію своего богоподобнаго назначенія, между тѣмъ какъ для Будды онъ является какимъ-то повапленнымъ гробомъ, а человѣкъ—его несчастнымъ обитателемъ. Самъ Будда, какъ извѣстно, никогда не приписывалъ себѣ безгрѣшности, а получилъ ее отъ своихъ восторженныхъ поклонниковъ, постаравшихся приписать своему учителю не только это божеское свойство, но, даже, и обожествовать его. Самъ Будда вычеркнулъ изъ своей догматики Бога.—тогда почитатели произвели въ Бога самого Будду; послѣдній не считалъ себя безгрѣшнымъ, но суевѣріе ихъ произвело его въ безгрѣшные. Такъ творится исторія—нелѣпная и нестройная, съ чудовищнымъ героемъ, украшеннымъ знаками призрачнаго величія, съ непостижимо-странною догматикой и моралью,—и, все-таки, находящая своихъ защитниковъ. Такова психологія религіи. Но, что касается логики, то ея здѣсь нѣтъ, пока мы дорожимъ исторической и всякой правдой и не хотимъ подражать такимъ легкомысленнымъ изслѣдователямъ, для которыхъ сравненіе есть доказательство. Встрѣтили двѣ — три виѣшне сходныхъ черты въ буддизмѣ и хрістіанствѣ—и сейчасъ готовы кричать объ отсутствіи оригинальности въ хрістіанствѣ и объ его, даже, зависимости отъ буддизма. Нѣтъ, человѣкъ, поистинѣ,

не можетъ предвосхитить себѣ ничего, если то не будетъ дано ему свыше. Когда я читаю въ евангеліи объ ангельскомъ славословіи въ честь рожденнаго Спасителя міра, для меня понятно оно; но, когда я слышу, что ангелы пѣли и въ честь рожденнаго Сиддаттхи,—я рѣшительно изумляюсь ничѣмъ не мотивированной пѣснѣ, потому что съ его рожденіемъ еще однимъ страдальцемъ увеличилось число такихъ же, какъ и принцъ, повинныхъ страдальцевъ, которыхъ онъ не только не искушилъ отъ страданій, но своимъ личнымъ примѣромъ убѣдилъ въ совершенной невозможности такого искупленія, а въ пресловутой нирванѣ далъ самый вредный суррогатъ того, что мы называемъ блаженствомъ. Когда я читаю въ жизнеописаніи Будды объ искушеніи его злымъ духомъ, то еще разъ убѣждаюсь въ истинѣ знаменательныхъ словъ книги Бытія: «зміи же бѣ мудрѣйшіи всѣхъ звѣрей сущихъ на земли» и въ безсиліи индійскаго мудреца предъ хитрымъ искушителемъ. Вѣдь жить — значить всею душою любить другихъ людей, любить весь Божій міръ и страдать во имя безкорыстной любви, такъ могуче и вмѣстѣ съ такою нѣжностью проявленной нашимъ Спасителемъ. Богъ есть любовь, и Сынъ Божій явился на землѣ, какъ совершенное воплощеніе этой чистѣйшей любви, съ особой силой воспламенившейся въ Немъ (пусть простятъ намъ предположеніе) при видѣ плакавшихъ и кающихся грѣшниковъ на берегахъ Иорданскихъ и дьявольскаго искушенія въ пустынѣ. Во имя этой любви Спаситель вышелъ на служеніе страждущему человечеству готовымъ испить до дна чашу самыхъ горькихъ страданій, только бы спасти людей. На борьбу со зломъ Онъ выступилъ во всеоружіи добра, какъ добровольная жертва безпримѣрнаго подвига, непоколебимо увѣренный въ окончательномъ торжествѣ свѣта надъ тьмой. Тщетно сталъ бы кто искать такой увѣренности у Будды. Великій философъ былъ вмѣстѣ и великимъ пессимистомъ, не вѣрившимъ въ торжество добра надъ зломъ. Зло, по взгляду такого мудреца, сильнѣе добра, и, слѣдовательно, бороться съ нимъ бесполезно. Есть только одно средство къ человѣческому «искупленію»—это искусственное притупленіе собственной воспріимчивости къ дѣйствию зла, чтобы «глазами смотрѣть и не видѣть и ушами слышать и не слышать». Человѣкъ долженъ вести себя, какъ покойникъ въ гробу, для котораго потеряно все земное.

Итакъ, или въ высшей степени активная, съ полнымъ забвеніемъ о себѣ и готовностью, даже, самую жизнь жертво-

вать въ пользу ближняго, борьба со зломъ, или совершенно пассивное непротивленіе злу, съ нескрываемою заботой о своихъ мелкихъ интересахъ; или вѣра въ торжество добра, или граничащій съ отчаяніемъ страхъ предъ несокрушимою силой зла; или свѣтлый оптимизмъ, оздоравлиющій жизнь и укрѣпляющій нравственную энергію призванныхъ къ ней дѣятелей, или мрачный пессимизмъ, погашающій въ нихъ едва тлѣющую искру вѣры и убивающій всякое желаніе подвизаться на тернистомъ житейскомъ пути. Для каждаго, думаемъ, ясно, какой вѣрный можетъ быть выходъ изъ поставленной дилеммы.

Но почему же онъ не въ сторону мусульманства, спросятъ поклонники Мохаммеда? Потому что, какъ видно уже изъ вышесказаннаго, Мохаммедова вѣра представляетъ собою чудовищный плагиатъ изъ іудейства и христіанства, съ примѣсю язычества. Что есть хорошаго въ мохаммеданствѣ, то неоригинально, а чѣмъ оно оригинально, то нехорошо. Встрѣчающійся въ изобиліи сверхъестественный элементъ въ немъ умѣстенъ не болѣе, какъ въ какой-либо героической поэмѣ, имѣющей только на своей сторонѣ преимущество поэтической прелести и художественной законченности.

II.

1. Буддійское ученіе объ искупленіи. — Уничтоженіе кастъ. — Причины успѣха проповѣди Будды. — Монашество. — Противники Будды. — Буддизмъ и браминство. — Взглядъ на буддійскую этику.

Ученіе объ *искупленіи* является основною мыслью буддійской системы, — объ искупленіи только не отъ грѣховъ, а отъ житейскихъ страданій, пока умерщвленная душа не погрузится въ нирвану. Человѣкъ *самъ* совершаетъ дѣло своего искупленія, и отрицаемые Буддою боги, разумѣется, ему въ этомъ не помощники. Своимъ просвѣтлѣніемъ, призываніемъ, освобожденіемъ и славой обязанъ единственно самому себѣ, индійскій мудрецъ наименовалъ себя «совершеннымъ».

Вмѣстѣ съ браминскими богами Будда, естественно, отвергъ и всѣ іерархическія подпорки, зачеркнулъ всю школьную богословскую науку, авторитетъ ведъ и многочисленныя религіозныя церемоніи, браминскія догмы, покаяніе, истязанія и жертвы. Вмѣсто многообразныхъ обрядовъ и церемоній онъ установилъ *свое* краткое и ясное ученіе съ немногими заповѣдями и выдвинулъ, въ качествѣ главнаго условія спасенія, внутреннее душевное настроеніе и чистоту сердца, благожелательность и милосердіе,

терпѣніе и готовность жертвовать собой для другихъ. Будда придавалъ нѣкоторое значеніе также и добрымъ дѣламъ, какъ необходимому подтвержденію религіозной жизни; такъ, онъ требовалъ, какъ жертвы, подаянія монахамъ. Болѣе высокой жертвой Будда считалъ «преданіе себя Буддѣ, ученію и общинѣ», т. е., принятіе его ученія; еще болѣе высокой—монашество, а высшей,—«когда человѣкъ завоевываетъ себѣ освобожденіе вмѣстѣ съ увѣренностью, что онъ не вернется больше въ міръ. Это—высочайшее завершеніе всѣхъ жертвъ».

Рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ Буддою браманизму, было уничтоженіе *кастъ*. Его религія должна была явиться религіей народной и объединить всѣхъ, безотносительно къ происхожденію, національности и возрасту. «Подобно четыремъ рѣкамъ, впадающимъ въ Гангъ и съ моментомъ впаденія въ святую рѣку теряющимъ свои названія, послѣдователи буддизма перестаютъ быть браминами, воинами, земледѣльцами и ремесленниками». Казалось бы, что ужасныя путы, наложенныя браминами съ незапамятныхъ временъ на народъ, и задерживавшія его развитіе, уничтожены къ его спасенію, и что Будду, такимъ образомъ, слѣдовало бы привѣтствовать въ смыслѣ величайшаго освободителя народа. Но двумя своими мѣропріятіями Будда свелъ на нѣтъ и обезцѣдилъ свою реформу. Снявши съ индусовъ однѣ путы, онъ наложилъ на нихъ двойныя и, притомъ, тяжелѣйшія — прикрѣпленіемъ спасенія къ монашеству. Только монахъ могъ надѣяться сдѣлаться совершеннымъ и войти въ нирвану; мірянинъ-же обо всемъ этомъ не могъ и думать. Міряне могли быть только «упазакасъ», т. е., «близъ стоящимъ», а монахи—«бикшусъ», т. е., «избранными», переходившими впослѣдствіи въ разрядъ «арахатсъ», т. е. «совершенныхъ». Такимъ образомъ, уже по своему существу буддизмъ былъ предопредѣленъ *не для всѣхъ*. Онъ одностороненъ и ограничивается одною лишь кастой отрекающихся отъ міра монаховъ, покидающихъ его прелести, домъ и семью и умерщвляющихъ свою душу въ монастыряхъ. Буддизмъ съ принудительными безбрачіемъ и бѣдностью исключаетъ народную массу отъ участія въ блаженствѣ, такъ какъ не каждый же въ состояніи сдѣлаться монахомъ! Насколько ужасны послѣдствія этого принужденія,—видно изъ другого постановленія, по которому въ монашество не допускаются больные, дѣти—до 15 л., рабы и крѣпостные, солдаты и чиновники. Такимъ образомъ, лишенными религіознаго утѣшенія и поддержки являются именно тѣ лица, которыя

болѣ другихъ пуждаются въ томъ. Для нихъ буддизмъ какъ бы не существуетъ. Будучи аристократомъ, Будда, естественно, и самъ тяготѣлъ къ аристократамъ; и лишь немногіе изъ низшихъ слоевъ населенія были имъ приняты въ число монаховъ. *По этому-то Будда не былъ социальнымъ реформаторомъ*; вмѣсто старыхъ перегородокъ, онъ воздвигъ новыя, болѣе крѣпкія; онъ былъ лишь религіознымъ поваторомъ, не оказавшимъ широкаго вліянія на нравственно-соціальную жизнь своего народа. Однако, уста, проповѣдывавшія атеизмъ и нигилизмъ души, монашество съ его неестественными жертвами—въ то же время проповѣдывали любовь и милосердіе. Жалость и состраданіе—вотъ основная мысль буддійской морали,—дисциплина и самообузданіе—вотъ главныя заповѣди ея. Отсюда правило: «оставленіе всего дурнаго, дѣланіе добра, обузданіе мыслей,—вотъ ученіе Будды». Будда задумалъ основать новую церковь. Проповѣдуя «львинымъ» голосомъ на мягкомъ и звучномъ простонародномъ нарѣчій восточнаго Индостана, и употребляя при этомъ много неестественныхъ и скучныхъ абстракцій, нагроможденныхъ другъ на друга повтореній, тяжелыхъ и неудобопонятныхъ оборотовъ, Будда переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ. Успѣхъ былъ поразительный. Благодаря силѣ своего ученія и располагающей наружности, Будда, въ теченіе своего сорокалѣтняго проповѣдничества, приобрѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ.

Когда Будда сидѣлъ въ роскошномъ іетаванскомъ паркѣ, подаренномъ ему однимъ богачемъ, подъ тѣнью пальмы, на берегу лотосомъ покрытаго пруда или въ «роцѣ газелей»,—къ нему туда приходили цари и князья, брамины и отшельники и, униженно кланаясь, просили позволенія сидѣть и слушать его мудрыя рѣчи. «Къ аскету Готамѣ приходятъ люди изъ далекихъ странъ—просятъ у него совѣта». Въ путь Будду сопровождали толпы народа. Нѣкоторые изъ владѣтельныхъ князей издавали даже такого рода постановленія: «кто не выйдетъ на встрѣчу Совершенному, тотъ заплатитъ штрафъ 500». Будда опять увидѣлъ свою жену и сына. Когда онъ проходилъ вблизи роднаго города,—на встрѣчу ему вышелъ отецъ со всею родней. Увидѣвъ на Буддѣ рубище нищенствующаго монаха, родные были непріятно поражены, причѣмъ отецъ сказалъ ему: «сынъ мой, для чего ты позоришь меня, одѣваясь точно выпрашивающій подаваніе нищій?» Но Будда утѣшилъ ихъ своимъ ученіемъ, принялъ своего сына *Рахуло* въ общество монаховъ и затѣмъ опять вернулся къ своему проповѣдничеству.

Всѣ обращенія въ буддизмъ имѣють одинъ и тотъ же характеръ. Такъ какъ буддизмъ есть преимущественно *ученіе* и такъ какъ причину всѣхъ страданій онъ видитъ въ *незнаніи* даннаго ученія, то и самыя обращенія состоятъ только во внѣшнемъ принятіи послѣдняго. Обращенія эти совершались поэтому чрезвычайно быстро, не имѣя ни въ своемъ основаніи, ни въ слѣдствіи какихъ-либо внутреннихъ духовныхъ перерожденій. Достаточно было принять и считать истиннымъ ученіе, чтобы сдѣлаться послѣдователемъ Будды. Обычная формула буддійскихъ неофитовъ гласитъ: «*я приближаю къ Буддѣ, къ ученію и общинѣ*». Къ насилію Будда не прибѣгалъ, а также и не творилъ никакихъ чудесъ въ подтвержденіе своего ученія. Наряду съ преданнѣйшими учениками, содѣйствовавшими своему учителю въ распространеніи пессимистическаго атеизма, у Будды были также и заклятые враги; это—брамины и аскеты, вліяніе которыхъ въ корнѣ подрывалось новымъ ученіемъ. Впрочемъ, побѣда надъ ними не принадлежала къ числу трудныхъ. Браминамъ не доставало сплоченной организаціи, а множество сектъ только ослабляли одна другую, да къ тому же, и въ глазахъ народа брамины перестали пользоваться прежнимъ значеніемъ. Аскеты относились враждебно къ Буддѣ потому, что онъ отвергалъ касты. Главными его противниками были монахи Яйна во главѣ съ Натапуттой. Монахи эти проводили цѣлые дни, изображая собою неподвижные столпы, съ лицомъ, обращеннымъ къ солнцу. По ихъ мнѣнію Будда былъ свѣтскимъ сибаритомъ. О немъ было сложено этими монахами слѣдующее стихотвореніе:

„Ночью на мягкой постели лежитъ,
„Добрый напитокъ онъ пьетъ по утрамъ,
„Въ полдень обѣдаетъ, вечеромъ пьетъ,
„Сласти съѣдая, ложится онъ спать,
„И въ заключенье — спасень:
„Вотъ что мерещится сыну Сакья“!...

Въ отвѣтъ на всѣ порицанія Будда убѣжденно замѣчалъ монахамъ, что ни слабая, ни черезъ-чуръ натянутая струна надлежащаго звука издать не можетъ, и совѣтовалъ поэтому соблюдать внутреннее равновѣсіе. Такъ былъ основанъ буддизмъ въ теченіе сорокалѣтней реформаторской дѣятельности Будды.

Какъ жаль, что Буддѣ не доставало правильнаго воззрѣнія на существо производимой имъ религіозной реформы, и что онъ не двинулъ пальцемъ для искоренія радикальнаго зла въ официальной религіозной жизни. Предъ взорами реформатора

стояли только тяжкія слѣдствія, но онъ не проникаль въ принципы самаго зла и, далекій отъ разоблаченія пагубныхъ и давшихъ опору послѣдному софизмовъ, онъ бессознательно усвоилъ, въ качествѣ неопровержимыхъ аксіомъ, браминскія посылки, изъ которыхъ только продолжили дальнѣйшіе выводы. Зачѣмъ онъ не изучаль славное прошлое своего народа, — разумѣется, совершенно независимо отъ предвзятыхъ мнѣній! Почему онъ не обратился къ священнымъ ведамъ! Онъ нашель бы тамъ, вмѣстѣ съ вѣрой въ Бога, позитивную вѣру въ безсмертіе и, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, въ блаженное безсмертіе!

Гдѣ жизнь протекаетъ свободно, на третье небо, гдѣ міры лучезарны, туда пресели меня, безсмертный!

Гдѣ собраны стремленья и желанья, гдѣ чаша лучезарнаго Сомы, гдѣ изобиліе и радость, туда водвори меня, безсмертный!

Гдѣ блаженство и утѣхи, гдѣ возсѣдаютъ удовольствіе и радость, гдѣ исполняются наши наиболѣе дорогія желанья, туда всели меня, безсмертный!

Если бы индусскій реформаторъ поболѣе проникся возвышенными ведійными гимнами, то ему не трудно было бы понять, что браманизмъ представляль собой только пагубное отклоненіе отъ праотеческой вѣры; онъ убѣдился бы въ томъ, что догматъ о душепереселеніи, причинявшій ему столько страданій, не былъ въ древнемъ символѣ индусской вѣры, а появился только впоследствии, какъ чужеземный, чисто хамитскаго происхожденія, придатокъ; и тогда, увѣренный въ обладаніи истиннымъ преданіемъ, онъ могъ бы выступить на борьбу съ враждебными ему браминами, — выступить во имя священныхъ книгъ, въ качествѣ обновителя національной религіи. Но Шакья-Муни дѣлаль все наоборотъ; онъ довершилъ крушеніе старинной вѣры. Поглощенный пагубной идеей уничтоженія загробной жизни, онъ и не думаль, хоть разъ, оглянуться назадъ; ему и въ голову не пришло то вѣрное соображеніе, что познаніемъ прошедшаго дается разгадка будущаго; его сердце возымѣло роковую власть надъ разсудкомъ. Буддѣ не доставало того критическаго чутья, которое служитъ магическимъ ключемъ къ отысканію истины; но, въ особенности, ему не доставало того философски—свѣтлаго умозрѣнія, которому дается столь счастливое преодолѣніе встрѣчающихся трудностей, — этого пронизательнаго взгляда на самую суть вещей и полезнаго въ его предпріятіи хладнокровія.

Какъ бы то ни было, и сдѣланное Буддой немаловажно. Духъ кротости, равенства и братства, повелѣвающій любить враговъ, отмѣняющій смертную казнь и запрещающій охоту и кровавыя жертвы, воздвигающій благотворительныя учрежденія для страждущихъ и, даже, госпитали для больныхъ животныхъ, и призывающій людей къ подвигамъ благотворительности и самоотверженія; духъ терпимости, который никогда не призывалъ Будду къ распространенію своего ученія силою меча, который не возбуждалъ никакихъ преслѣдованій противъ еретиковъ и не проповѣдывалъ ненависти къ иномыслящимъ, а, наоборотъ, стремился признать за истину все то, что онъ видѣлъ хорошаго въ другихъ религіяхъ и что не противорѣчило чистотѣ его собственнаго вѣроученія, свободный отъ претензіи находиться въ исключительномъ обладаніи всякой религіозной истиной; духъ чистоты и умѣренности, для котораго все сводится къ освобожденію сердца отъ страстей и отъ наклонности ко грѣху, — такой духъ, воплощенный въ самомъ основателѣ буддизма и пронцающій все его ученіе, является необыкновеннымъ и обнаруживаетъ міропобѣждающую и душеобновляющую силу. И, при всемъ томъ, предъ нами только *красивый миражъ*: любовь и добродѣтель являются высочайшею заповѣдью въ буддизмѣ не ради ихъ самихъ, а только какъ средства къ уменьшенію міроваго страданія и, особенно, къ постепенному освобожденію мятежной души отъ всякаго пристрастія къ жизни...

Но если-бы мрачный философъ родился нѣсколькими вѣками позднѣе и если-бы онъ просвѣтился христіанскимъ ученіемъ, — то какая пламенная любовь возгорѣлась бы въ немъ къ послѣднему! Кто знаетъ? Можетъ быть, изъ него произошелъ бы другой апостоль языкъ, особенно при томъ необыкновенномъ зилотизмѣ, съ которымъ онъ распространялъ свое ученіе!..

2. Мохаммедъ—проповѣдникъ единобожія. — Политическое значеніе его проповѣди.—Геджра, и значеніе этого событія въ жизни Мохаммеда.— Отношеніе Мохаммеда къ христіанству.—Фатализмъ.—Коранъ.—Ученіе объ Аллахѣ.—Средства распространенія ислама.—Послѣдніе дни Мохаммеда.—Заключеніе.

Исламъ по своему внутреннему содержанію стоитъ выше буддизма, но въ то же время онъ ниже его во всемъ, что касается личности основателя, ученія, его возникновенія и распространенія.

Мохаммедъ во время своей тяжелой болѣзни вообразилъ о себѣ, что онъ призванъ быть пророкомъ. Приближенные укрѣпили его въ этомъ предположеніи. Стремясь къ насажденію іудео-христіанства взамѣнъ арабскаго политеизма, пророкъ велъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ борьбу съ своими родственниками, прибѣгалъ къ обману и въ результатъ не добился таки ничего. Вражда корейшитовъ росла изо дня въ день. Жизнь его и его родственниковъ находилась въ опасности. Въ 619 г. Мохаммедъ потерялъ свою вѣрную опору—Хаджиджу и дядю Абу-Талиба, которому онъ также былъ многимъ обязанъ, и казался находящимся уже на краю гибели, какъ вдругъ помощь явилась изъ Медины.

На праздникъ пилигримовъ къ Каабѣ въ Мекку стекалось со всей Аравіи множество правовѣрныхъ. Мохаммедъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для распространенія своего ученія. Онъ началъ навѣщать отдѣльныя племена въ ихъ лагерныхъ стоянкахъ и говорилъ: «О люди, повторяйте лишь за мною слова: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога», и вы спасетесь, будете властвовать надъ арабами и смирять иноземцевъ. Если увѣруете, то будете царями въ раю». Сначала Мохаммедъ имѣлъ мало успѣха. На праздникъ пилигримовъ въ 621 г. ему удалось обратить шестерыхъ жителей Медины, которымъ онъ прочиталъ нѣкоторые отрывки изъ своего «откровенія». Обращеніе ихъ,—какъ и всѣ обращенія въ исламъ и буддизмъ,—заключалось только въ мысленномъ согласіи принять вѣроученіе и въ повтореніи формулы символа;—покаянія не требовалось.

Мединцы руководились, впрочемъ, въ своемъ рѣшеніи *эгоистическими* побужденіями. Эгоизмъ въ отношеніи къ Богу и къ людямъ съ самаго начала и до нашихъ дней является одною изъ основныхъ чертъ ислама. Въ Мединѣ жило очень много евреевъ, отъ которыхъ мединцы узнали о предстоящемъ появленіи Мессіи, имѣющаго истребить язычниковъ. Услышавъ о Мохаммедѣ, мединцы сказали себѣ: «ясно, что онъ Мессія, которымъ намъ угрожаютъ евреи; *они не должны опередить насъ*». Вотъ причина, по которой они признали его *своимъ* пророкомъ. Другая причина также политическая. Арабы много страдали отъ своей разобщенности. Подъ знаменемъ національной религіи объединеніе племенъ представлялось единственно возможнымъ, а потому мединцы и сказали пророку: «мы пойдемъ домой и возвѣстимъ твою вѣру, послѣдователями которой ты насъ сдѣлалъ. Если при помощи ея удастся намъ достиг-

нуть объединенія, — ты великій мужъ». Такимъ образомъ, не религіозная потребность, а политическій эгоизмъ увеличили шансы пророка. И, дѣйствительно, въ исламѣ политика и религія находятся въ тѣснѣйшей между собою связи, страшной по послѣдствіямъ, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Мохаммедъ послалъ одного ученика въ Медину, — и скоро не было тамъ дома, въ которомъ бы не жилъ вѣрующій: обстоятельство это побудило Мохаммеда дѣйствовать въ Меккѣ смѣлѣе, чѣмъ прежде. Весною 622 г. явились въ Меккѣ къ празднику 42 мединца, желавшихъ вступить въ заговоръ съ пророкомъ. Послѣдній требовалъ отъ нихъ совершеннаго подчиненія Богу, страха Божія, терпѣнія въ несчастіяхъ, молитвъ и милостины. Кромѣ того онъ требовалъ признанія себя главою будущей общины. Присутствовавшіе обѣщали ему все это и воскликнули: «мы принимаемъ пророка, мы готовы ради него жертвовать нашимъ имуществомъ и кровью». Партія Мохаммеда сдѣлалась политической силой. Мекканцы замѣтили опасность; предстояла борьба. Послѣ этого Мохаммедъ еще разъ видѣлся съ мединцами и рѣшилъ переселиться въ Медину. Небольшими группами, въ общей сложности 100 ч., приверженцы Мохаммеда покинули Мекку. Въ Меккѣ еще оставались пророкъ, Абубекръ и Али... Тогда корейшиты рѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ и убить его. Только хитрость спасла опаснаго революціонера. Ночью Мохаммедъ вмѣстѣ съ Абубекромъ бѣжалъ въ пещеру горы Тавра. Дочь Абубекра приносила имъ каждый вечеръ пищу. Послѣ трехдневнаго пребыванія въ пещерѣ пророкъ и Абубекръ поскакали въ Медину. Путешествіе это, по арабскимъ сказаніямъ, было ознаменовано многими чудесами. Впереди путниковъ неслась по небу звѣзда; много разъ чудеснымъ образомъ они избѣгали опасностей. Въ сентябрѣ 622 г. путники достигли деревни Куба, вблизи Медины, гдѣ ихъ ожидали приверженцы. Мохаммедъ произнесъ тамъ свою первую проповѣдь и поѣхалъ въ Медину. Это — *хеджра*, *бѣгство*, — событіе, съ котораго мохаммедане считаютъ свою эру, поворотный пунктъ въ жизни пророка. Изъ неувѣреннаго въ самомъ себѣ и дѣйствовавшаго ощупью проповѣдника, послѣдній превратился теперь въ увѣреннаго въ свои силы пророка и полководца, для котораго всѣ средства казались хорошими, разъ дѣло касалось укрѣпленія собственной власти. Безъ Медины не было бы ислама, безъ насильственныхъ дѣйствій со стороны пророка — не было бы успѣха.

Съ построеніемъ въ изгороди первой мечети (наподобіе скиніи) и съ устройствомъ на восточной ея сторонѣ гарема исламъ приобрѣлъ осядлость, а Мохаммедъ могъ теперь приступить къ своему, призывающему на кровавую брань, побѣдному шествію по Аравіи.

Ученіе Мохаммеда не оригинально и представляетъ собою смѣсь язычества съ іудео-христіанствомъ, причемъ послѣднее преобладаетъ. Проповѣдуя свое откровеніе, пророкъ постоянно колебался и дѣйствовалъ непослѣдовательно. Онъ всегда сообразовывалъ свои изреченія съ господствующимъ политическимъ настроеніемъ въ Меккѣ и былъ поэтому то мягкимъ, то строгимъ, то вѣротерпимымъ, то фанатичнымъ, и потому часто бывалъ вынужденъ отрицать то, что раньше возвѣщалось имъ, какъ Божье откровеніе. Мохаммедъ первоначально признавалъ трехъ языческихъ богинь Мекки и «джинна» (ангела). Отношенія съ іудеями и христіанами первоначально были у него дружественныя. Мохаммедъ и не думалъ создавать религіи, противоположной іудео-христіанству. Впослѣдствіи, однако, когда іудеи и христіане не хотѣли отказываться отъ своей религіи, пророкъ порвалъ съ ними всякія сношенія, предписалъ совершать «кыблу» съ лицомъ, обращеннымъ къ Меккѣ, запретилъ мусульманамъ сближаться съ ними и началъ преслѣдовать противниковъ огнемъ и мечемъ. Пророкъ не постигалъ разницы между іудействомъ и христіанствомъ; вражда между этими двумя религіями всегда удивляла Мохаммеда. Онъ былъ великимъ предводителемъ своего народа, не будучи богословомъ. Мохаммедъ самъ однажды назвалъ себя совершенно основательно «неучемъ». Благодаря всему этому, исламъ носить и нынѣ отпечатокъ неувѣренности, незрѣлости и идейной зависимости.

Мертвенный монотеизмъ ислама діаметрально противоположенъ атеистическому буддизму. Аллахъ, т. е. «свѣтящійся», есть единственный Богъ. «Онъ—Богъ—единъ, вѣчный Богъ. Онъ не рождалъ и не рожденъ: никогда не было существа Ему равнаго» (Сура 112, 1—4). Мохаммедъ отвергалъ поэтому христіанскую Троицу. «Иса-бенъ Маріамъ» — вовсе не Сынъ Божій; Онъ «только слуга, на котораго Богъ излилъ свою благодать»,—великій пророкъ и предшественникъ Мохаммеда. Иисусъ не былъ распятъ, а только Богъ въ голгоескомъ событіи прибѣгъ къ хитрости, «ибо Онъ хитрѣе всѣхъ» (Сура 3, 47). По Его устройенію, вмѣсто Христа былъ распятъ другой, а Христосъ умеръ естественной смертію и пошелъ прямо въ рай.

Аллахъ—настоящій восточный деспотъ, котораго надо не столько любить, сколько бояться. Подчиненіе его волѣ, т. е. «исламъ», вотъ и вся религія! Тѣ, которые подчиняются, суть «мослимэ», т. е. «преданные». Съ неумолимою строгостью предопредѣляетъ Аллахъ человѣческую судьбу: «къ выѣ каждаго человѣка мы привязали птицу его», т. е. назначеніе (Сура 17, 14). Не смотря на нѣкоторое количество находящихся въ Коранѣ изреченій, подчеркивающихъ нравственную отвѣтственность человѣка, въ общемъ оффиціально—ортодоксальнымъ ученіемъ является *фатализмъ*, побѣдоносно возставшій противъ болѣе свободныхъ умозрѣній нѣкоторыхъ сектъ.

Теперь спрашивается: какъ самъ Мохаммедъ относился къ своему призванію? Будда, самъ себя производя въ реформатора, находилъ, что задача его заключается въ мирномъ распространеніи новыхъ истинъ; Мохаммедъ придерживался совершенно иного взгляда.

По его, заимствованному у іудео-христіанской секты, мнѣнію пророкомъ бываетъ тотъ, кому черезъ божественное озареніе открыто содержаніе хранящейся на небѣ книги, — источника всякой истины. Избранныхъ Богъ знакомитъ съ текстомъ этой книги для того, чтобы они могли повѣдать содержащаяся въ ней истины людямъ, и дѣлаетъ такихъ пророковъ ихъ руководителями. Это избраніе соединено съ высокимъ почетомъ, и пророкъ имѣетъ право считаться духовнымъ повелителемъ мірянъ. Пророками — предшественниками Мохаммеда были: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Давидъ, Соломонъ, Іовъ, Іосифъ, Моисей, Ааронъ, Захарія, Іоаннъ, Іисусъ, Измаиль, Елисей, Іона и Лоть. Сначала первымъ пророкомъ и основателемъ монотеизма Мохаммедъ считалъ Ноя, но впоследствии, когда онъ познакомился съ дѣяніями Авраама, онъ призналъ его основателемъ древней религіи, приписывалъ ему же постройку Каабы, установленіе Мекканскаго богослужебнаго ритуала, праздника шилигримовъ и обряда омовенія. Изъ всѣхъ пророковъ Мохаммедъ считалъ себя наивысшимъ. Его *коранъ* — буквальная копія небесной книги, данная ему Гавріиломъ въ часы видѣній. Поэтому, собственно, Коранъ и пачинается словами: «Это писаніе есть руководство благочестивымъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія» (Сура 2, 1).

Съ библейской исторіей и съ іудео-христіанскимъ ученіемъ пророкъ познакомился не столько посредствомъ чтенія св. книгъ, сколько благодаря бесѣдамъ съ іудео-христіанскимъ аскетомъ

Баширой. Послѣдній оказалъ огромное вліяніе на Мохаммеда, хотя все время дѣйствовалъ, такъ сказать, изъ-за кулисъ. *Башира* *познакомилъ пророка съ библейскимъ матеріаломъ*. Матеріаль этотъ пророкъ обработалъ по-своему и выдалъ за новое откровеніе. Однако, эти откровенія не считались мекканцами достаточными доказательствами пророческихъ полномочій Мохаммеда. Они хотѣли видѣть *чудеса*, требовали, чтобы Мохаммедъ бесѣдовалъ съ мертвыми, чтобы онъ превратилъ холмъ Сафа въ золотой, чтобы вывелъ изъ песка родникъ и пальмовую рощу; требовали, чтобы Богъ ниспослалъ ему Свою книгу днемъ черезъ двухъ ангеловъ и проч. На это пророкъ возражалъ, что они все равно и чудесамъ не повѣряютъ. Мохаммедъ часто грозилъ своимъ врагамъ каменнымъ дождемъ и гееннскими муками; но такъ какъ угрозы не сбывались, то Мохаммеду оставалось только быть терпѣливымъ. Всѣ эти неудачи заставляли его иногда думать о ранней смерти. Сначала пророкъ вѣрилъ тому, что онъ обладаетъ даромъ чудотворенія. Впослѣдствіи, убѣдившись въ противномъ, онъ, какъ и Будда, не думалъ придавать этому какого-либо значенія. Онъ только сталъ считать себя богопросвѣщеннымъ пророкомъ, а свое откровеніе — величайшимъ чудомъ. Такимъ образомъ, Мохаммедъ занялъ *центральное положеніе въ исламъ*. Въ этомъ заключается *второе* великое различіе между атеистическимъ буддизмомъ и монотеистическимъ исламомъ ¹⁾. Личность Мохаммеда представляетъ собою составную часть самой религіи, — исламъ получилъ характеръ откровенія, именно, благодаря ему; что же касается буддизма, то дальнѣйшее его существованіе отнюдь не зависѣло отъ личности самого Будды. Будучи чистой этикой, буддизмъ отвергъ откровенія. Присоединивъ къ понятію о Богѣ и пророкѣ ислама еще ученіе о чувственныхъ раѣ и адѣ, предписанія постовъ, обязательныхъ молитвъ, пилигримствъ къ Каабѣ, милостынь, запрещеніе вина и различныя очистительныя церемоніи, мы тѣмъ самымъ исчерпаемъ все содержаніе ислама.

Нравственно-религіозное *значеніе* ислама заключается не только въ объединеніи разрозненныхъ арабскихъ племенъ подъ однимъ знаменемъ національной религіи, но и преимущественно въ томъ, что онъ привилъ языческимъ племенамъ вѣру въ еди-

¹⁾ *La illah il Allah; Mohammed resoul Allah*, т. е., нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Мохаммедъ есть пророкъ Аллаха. Въ этомъ двухсоставномъ изреченіи выражена самая сущность мохаммеданскаго вѣроученія въ его отличіи отъ буддйскаго.

наго Бога и, такимъ образомъ, нравственно очистилъ ихъ при помощи единственно возможнаго въ такихъ случаяхъ средства— монотеизма. Изъ языческой религіи природы получилась самопреданность человѣка Божьей волѣ, благочестивая жизнь по Его завѣту; произошла исламская этика съ ея заповѣдями поста, милостыни и молитвы; умерщвленіе поворожденныхъ дочерей было запрещено, запрещены были пророкомъ также употребленіе крови и нечистыхъ животныхъ, азартныя игры, ростовщичество. Мѣсто различныхъ пороковъ и насилій заняли самоусовершенствованіе и любовь къ ближнему, *впрочемъ только къ единовѣрцамъ*. Но—главное—Мохаммедъ открылъ предъ ними потусторонній міръ и озарилъ земную жизнь свѣтомъ вѣчности. Буддизмъ съ его ширваной, съ его понятіемъ души, угасающей, какъ огонь, по недостатку горячаго матеріала, приковываетъ человѣка къ землѣ, рождая въ немъ желаніе смерти; исламъ съ его надежной на вѣчность, наоборотъ, взялся освободить душу отъ земныхъ узъ и привести ее къ вѣчному блаженству. Недостатокъ ислама въ томъ, что у него не достаетъ для этого средствъ.

Разъ къ неприступному, замкнутому въ себѣ и жестокому Аллаху чувствуется не любовь, а только страхъ, то, разумѣется, и соотвѣтствующая послѣднему религія не приводитъ человѣка къ нравственному возрожденію: исламизмъ сохраняетъ одно только внѣшнее отношеніе къ Аллаху, проявляющееся въ жертвахъ, въ обрядахъ и въ добрыхъ дѣлахъ. Правда, такое пониманіе Божества можетъ сдѣлать человѣка смѣлымъ, рѣшительнымъ и стойкимъ въ перенесеніи страданій, ниспосылаемыхъ по волѣ Бога, и имѣющихъ прекратиться въ раю; но за то здѣсь нѣтъ мѣста истинному смиренію и радости, даруемой прощеніемъ грѣховъ. Исламъ—религія внѣшнихъ подвиговъ, а не внутренней жизни. Если еще присоединить къ сказанному дурной примѣръ безнравственной личности лжепророка, утомительную пустоту, корана съ его тысячами повтореній, множество ведущихъ къ кощунству или религіозному отупленію предписаній, нетерпимость теократіи, дѣлающую невозможнымъ свободное развитіе, и, наконецъ, многоженство и ужасное рабство, то трудно будетъ заключить, которая изъ обѣихъ религій имѣетъ меньшую цѣнность. Обѣ онѣ стоятъ очень низко, и ни одна не въ состояніи вызвать къ жизни врожденнаго человѣку образа и подобія Божія.

Такова Мохаммедова вѣра. Для ея распространенія тре-

буется, прежде всего, могущественная личность основателя. Личность основателя—это живое сердце, служащее источникомъ религиозной жизни. Не смотря на свои недостатки, Мохаммедъ былъ, именно, такою личностью, хотя и не творилъ чудесъ. Даже будучи на вершинѣ славы и располагая несмѣтными богатствами, онъ, какъ и прежде, оставался простымъ и довольствующимся малымъ человѣкомъ: вмѣстѣ со своими женами жилъ въ простыхъ шатрахъ; спалъ на кожаномъ, набитомъ пальмовыми волокнами, матрацѣ; зимою покрывался грубымъ шерстянымъ одѣяломъ. Но и помимо того, личность Мохаммеда обаятельно дѣйствовала на окружающихъ. Объ этомъ можно судить уже по тому вліянію, какое онъ оказывалъ на своихъ родственниковъ и первыхъ приверженцевъ. Было бы исторической неправдой приписывать распространеніе ислама только однимъ военнымъ успѣхамъ и совсѣмъ игнорировать полную силу и убѣжденія личность пророка. Впрочемъ, мы не должны забывать и обратной стороны медали. «Истерія не только сдѣлала Мохаммеда пророкомъ, но и надѣлила его такими качествами, которыя въ данныхъ обстоятельствахъ были необходимы для народнаго предводителя. Нужно замѣтить, что въ большинствѣ эти качества отрицательныя. Истеричный пророкъ мало чѣмъ отличался отъ истеричныхъ женщинъ. Всѣ его понятія были темны и неопредѣленны и всѣ имѣли своимъ началомъ одну идею или, вѣрнѣе, одно чувство. Къ этой идеѣ пророкъ относился особенно тепло—чисто съ женской экзальтированной утрировкой и пророческимъ неумѣньемъ выразить ее ясно и опредѣленно. Онъ былъ очень упрямъ, но въ то же время легкомысленно поддавался наветамъ друзей; вслѣдствіе дивинаторской чувствительности, свойственной истеріи, онъ улавливалъ тончайшія дуновенія общественнаго мнѣнія; къ этому присоединялись еще самообманъ и родственныя ему изворотливость и болѣзненное воображеніе. Болѣе способнаго руководителя для сильной общины и органа для воплощенія въ реальныя формы національно-религіознаго чувства нельзя было себѣ представить. *Если народный духъ арабовъ былъ отцемъ ислама, то матерью его былъ Мохаммедъ. Его величіе заключалось въ его слабостяхъ*».

Другое средство для распространенія религіи—*сила устного слова*. Мохаммедъ былъ мастеръ говорить. Въ началѣ онъ проносилъ свои проповѣди стоя на землѣ и опираясь спиной о пальмовое дерево; затѣмъ, передъ большой аудиторіей, онъ

сталъ говорить съ трехступеннаго возвышенія. Сперва его рѣчь была высокопарна и фантастична, но въ то же время поэтически красива и сильна; пророкъ говорилъ короткими ритмическими фразами. Впослѣдствіи, находясь во главѣ большой партіи, онъ сдѣлался болѣе спокойнымъ прозаикомъ. Сила пророческаго вдохновенія исчезла, и, когда Мохаммедъ хотѣлъ подняться надъ житейскими буднями, то долженъ былъ прибѣгать къ искусственно оживленной рѣчи. Сердце перестало служить источникомъ откровеній, и они сдѣлались продуктомъ одного холоднаго разсудка. Скорому распространенію ислама содѣйствовали такъ же самоотверженные помощники Мохаммеда, первымъ изъ которыхъ былъ Абу-Бекръ, «отецъ дѣвы» Айши. Невысокаго роста, худой, сѣдой, онъ обладалъ яснымъ, трезвымъ умомъ и разсудкомъ. Онъ вѣрилъ въ Мохаммеда и былъ ему самоотверженно преданъ. Чрезъ свою красивую и умную дочь Айшу онъ оказывалъ огромное вліяніе на пожилого сластолюбца и былъ первымъ его послѣдователемъ.

Сильнымъ физически и духовно, настоящимъ героемъ, храбрымъ, прямымъ, порою дѣйствовавшимъ насильственно, но въ общемъ самоотверженнымъ и благороднымъ былъ *Омаръ*. Его плѣнило нравственное превосходство пророка; но за то въ чисто житейскихъ дѣлахъ онъ оберегалъ послѣдняго какъ мать ребенка, и подобно матери руководилъ имъ. Но всѣхъ ихъ значительнѣе—*Али*. Онъ былъ одной изъ тѣхъ благородныхъ, возвышенныхъ натуръ, которыя не знаютъ притворства. Али былъ великодушнымъ, мягкимъ и вѣрнымъ въ любви, быстрымъ въ дѣйствіяхъ, но незнающимъ жизни и непрактичнымъ. Исламу онъ оказалъ неоцѣненные услуги. Всегда съ мечомъ въ рукѣ, онъ презиралъ опасности, и не одинъ десятокъ враговъ пали подъ его ударами. Будучи калифомъ, Али побуждалъ правовѣрныхъ къ внутреннему благочестію. Послѣ его смерти между его партіей и партіей Абу-бекра произошелъ расколъ; въ междоусобной войнѣ побѣжденной оказалась партія Али, вслѣдъ затѣмъ отдѣлившаяся отъ ортодоксальной общины. Въ настоящее время приверженцы Али, извѣстные подъ именемъ *шиитовъ*, населяютъ преимущественно Персію; что же касается приверженцевъ преданія и Абу-бекра, *суннитовъ*, то они образуютъ вторую, большую половину магометанскаго міра.

Есть еще одно средство, при помощи котораго религія можетъ быть насаждена въ народѣ, это—война, сила меча. Будда пренебрегъ ею, Мохаммедъ же значительно обязанъ ей своимъ

успѣхомъ. Мохаммедъ не стѣснялся убивать, отравлять, обманывать и лгать, какъ простой злоумышленникъ. И все это онъ дѣлалъ, служа Богу и прикрываясь плащомъ спасительной любви. Съ прибытіемъ въ Медину, Мохаммедъ началъ, въ качествѣ предводителя преданной ему толпы, свое разбойничье дѣло. Въ пустынныхъ ущельяхъ, на подобіе вора, высматривающаго добычу, исламскій пророкъ ковалъ мечь для своей мекканской родни и сталъ нападать на проходящіе купеческіе караваны. На что сдались теперь терпѣніе и кротость? Пока пророкъ былъ безсильнымъ,—онъ говорилъ, что они—лучшее украшеніе вѣрующаго; но, захвативъ въ свои руки политическую власть, онъ заговорилъ другое: «тѣмъ вѣрнымъ, съ которыми вступаютъ они—невѣрующіе—въ битву, позволяется сражаться съ ними, за то, что ими были обижены они».

Мохаммедъ прежде всего принялся за уничтоженіе стоявшихъ ему на дорогѣ противниковъ. Особенно жестокъ онъ былъ къ евреямъ: выгонялъ ихъ изъ пасиженныхъ мѣстъ, сжигалъ ихъ финиковыя пальмы и дѣлилъ между своими отнятую у нихъ добычу. Постоянные набѣги все больше и больше стѣсняли мекканцевъ; дѣло дошло до того, что имъ предстояло одно изъ двухъ: или побѣдить, или совсѣмъ прекратить торговлю. Они собрали войско числомъ въ 3000 человекъ и выступили къ Мединѣ въ 625 году. Мохаммедъ выставилъ противъ нихъ 700 человекъ, но былъ разбитъ наголову. Враги его еще разъ соединились впоследствии и въ 627 году осадили Медину, но постоянные раздоры помѣшали имъ довести дѣло до конца. А, между тѣмъ, власть Мохаммеда росла изъ года въ годъ, и арабскія племена одно за другимъ переходили въ его подданство. Наконецъ пророкъ рѣшилъ завладѣть Меккой. Сначала онъ хотѣлъ сдѣлать это мирнымъ путемъ, но, послѣ постигнувшей его неудачи, онъ прибѣгъ къ оружію. Во главѣ 10,000-го отряда онъ двинулся противъ нея въ 630 г. Мекканцы сдались; пророкъ въѣхалъ въ городъ на верблюдѣ, не проливъ ни единой капли крови. Семь разъ онъ объѣхалъ Каабу, привѣтствуя каждый разъ черный камень (ниспосланный самимъ Богомъ съ неба, по мусульманскому повѣрью) движеніемъ палки, которую держалъ въ рукѣ. Затѣмъ онъ слѣзъ съ верблюда и вошелъ въ храмъ со словами: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога единого. У Него нѣтъ никакого товарища. Онъ исполнилъ Свое обѣщаніе, даровалъ Своему слугѣ побѣду и обратилъ въ бѣгство язычниковъ».

Теперь пророкъ стоялъ на вершинѣ могущества и славы. Мекка и Аравія принадлежали ему. Войска соединенныхъ бедуинскихъ племенъ были безъ труда разбиты, и огромная добыча досталась въ руки мусульманъ. Мекку въ послѣдній разъ Мохаммедъ увидѣлъ въ 632 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Онъ отправился туда на праздникъ пилигримовъ во главѣ огромной толпы народа и въ сопровожденіи всѣхъ своихъ женъ, по праздничному разодѣтый, съ волосами намащенными масломъ. На каждомъ привалѣ жители устраивали мѣсто для молитвы. Его путешествіе было настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Въ Меккѣ пророкъ обошелъ Каабу, посѣтилъ всѣ свята мѣста и присутствовалъ при всѣхъ церемоніяхъ. Онъ собственноручно зарѣзалъ 63 верблюда и велѣлъ мясо ихъ раздавать бѣднымъ. Затѣмъ обрилъ себѣ голову и намастился благовоніями. Этимъ и закончился праздникъ. Сдѣлавъ нѣсколько гуманнхъ распоряженій, Мохаммедъ вернулся *въ Медину, идъ и умеръ* въ 632 г. Кровавымъ заревомъ взошла его звѣзда, нѣжной вечерней зарей она закатилась. Тяжело было начало, велики были позоръ и мученія, но мечъ проложилъ Мохаммеду дорогу и заставилъ всю Аравію признать его пророкомъ. Такъ какъ покоренныя племена должны были ему выплачивать десятину съ земли, и, кромѣ этого, согласно уговору, одна пятая добычи шла также въ его пользу, то онъ и имѣлъ возможность обращать вліятельныхъ людей при помощи цѣнныхъ подарковъ и содержать цѣлую армію авантюристовъ. Благодаря такимъ средствамъ онъ сдѣлалъ исламъ господствующей религіей въ Аравіи. Ужасная религія! Холодная и непреклонная, какъ мечъ, съ помощью котораго она завоевала себѣ положеніе среди другихъ религій, и чуждая истинно-братской любви и живительной теплоты, она похожа на свой символъ—полумѣсяцъ, бросающій на землю тусклый, мертвенный свѣтъ, даже и въ томъ похожая на него, что не представляетъ изъ себя ничего цѣльнаго: ни іудейство, ни христіанство, ни язычество, а только какой-то необыкновенный сплавъ изъ всѣхъ трехъ,—не для того-ли существующій, чтобы служить переходной ступеню къ христіанству?

3. Выступление Господа Иисуса на проповѣдь.—Характеристика Его ученія по сравненію съ буддѣйскимъ и мохаммедайскимъ.—Проповѣдь о царствѣ небесномъ.—Христіанское „обращеніе“,—искупленіе и его отличіе отъ буддѣйскаго.—Чудеса Христовы, возраженія противъ чудесъ, отличіе послѣднихъ отъ мусульманскихъ.—Общее заключеніе о разсматриваемыхъ религіяхъ.

Съ самыхъ первыхъ дней своего общественнаго служенія Господь Иисусъ Христосъ проявляетъ Себя необыкновеннымъ Посланникомъ Божіимъ. Въ Его проповѣди нѣтъ даже и тѣни безпомощнаго, затруднительнаго, ошибочнаго начала, изъ котораго только съ постепенностью развивался бы болѣе совершенный способъ ученія; отсутствуютъ малѣйшее колебаніе или неувѣренность въ отысканіи правильнаго выраженія религіозныхъ идей, особенно ярко выступающія въ проповѣдяхъ исламскаго пророка; отъ начала до конца здѣсь говоритъ увѣренный въ Себѣ богопросвѣщенный Наставникъ, не въ человѣческой школѣ получившій свое образованіе, а отъ небснаго Отца, Который «любитъ Сына и вся показываетъ Ему». Слышимъ-ли мы первоначальныя или позднѣйшія рѣчи Господа — ни тѣ не являются болѣе юношескими, ни эти — болѣе зрѣлыми или законченными, но всѣ одинаково носятъ печать божественнаго совершенства. Какъ трудна была учительная задача Господа Иисуса! Совершенно новую, доселѣ неслыханную проповѣдь о совершившемся пришествіи на землю Единороднаго Сына Божія, а вмѣстѣ и о наступленіи небснаго царства, требовалось облечь въ такую форму, въ которой она была бы понятна не однимъ только премудрымъ и разумнымъ, но всѣмъ безъ различія, начиная съ простыхъ и уничиженныхъ міра, и въ то же время нисколько не теряла бы изъ своего глубочайшаго содержанія. Господь Иисусъ съ безпримѣрнымъ превосходствомъ исполнилъ свою миссію. Въ своихъ, взятыхъ изъ повседневнои жизни, притчахъ Онъ съ неподражаемымъ умѣньемъ изложилъ предъ слушателями возвышенное ученіе о *царствѣ небесномъ*.

Съ трогательной простотою и ничѣмъ совѣй не выдѣляясь отъ самыхъ заурядныхъ людей безвѣстнаго Назарета, открылъ Христосъ свою проповѣдь словами І. Крестителя: «покайтесь, ибо приблизилось царство небсное!» Намѣренно Проповѣдникъ не выставлялъ на первый планъ свое Липо, но предупредительно заслонялъ Его въ притчахъ о названномъ царствѣ, предоставляя самимъ слушателямъ выводить изъ послѣднихъ близ-

кое заключеніе о самомъ Проповѣдникѣ. Въ притчахъ Мѹ. 13 Христось излагаетъ *развитіе*, въ эсхатологическихъ рѣчахъ Мѹ. 24 и 25—*завершеніе* и въ нагорной проповѣди—*существо* царствія небеснаго. Царство небесное, царство Божіе—эти два выраженія, первое изъ которыхъ употребляется преимущественно евангелистомъ Матѳеемъ, означаютъ въ сущности одно и тоже, ибо царство небесное становится именно таковымъ только потому, что самъ Богъ является Его царемъ.

Что же означаетъ оно? нирвану? приснившійся рай? ожидаемую въ будущемъ награду, въ смыслѣ эквивалента совершенныхъ на землѣ дѣлъ? Отвѣтъ на предложенные вопросы даетъ самъ Христось. «Бывъ спрошенъ фарисеями, когда придетъ царствіе Божіе, отвѣчалъ имъ: не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ, оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо вотъ, царствіе Божіе *внутри васъ* есть». Въ этомъ заключается, по словамъ самого Христа, «тайна». Она не можетъ быть выражена въ словахъ, не поддается также и логическому опредѣленію; и, тѣмъ не менѣе, самъ же Спаситель стремится посредствомъ притчей приблизить ее къ пониманію слушателей: «царствіе Божіе подобно горчичному сѣмени» на полѣ, оно меньше всѣхъ сѣмянъ; но, при старательномъ уходѣ, изъ сѣмени произрастаетъ дерево, такъ что «птицы небесныя укрываются въ вѣтвяхъ его». Царство небесное подобно «закваскѣ, которую женщина взявши положила въ три мѣры муки, доколѣ не вскисло все». Яснѣе всего царствіе небесное является подъ образомъ «зарытаго въ полѣ сокровища». Что поле означаетъ міръ,—это ясно выражено Христомъ». Итакъ, *въ этомъ мірѣ*, т. е. въ земной жизни находится зарытымъ сокровище; внутри насъ самихъ сокрыто царствіе небесное; здѣсь оно открывается, а тамъ, въ загробномъ мірѣ, достигаетъ своего полнаго раскрытія—откровенія. Такова тайна царствія небеснаго, какъ выражается самъ Спаситель, и въ тоже время это тайна Его собственной жизни, тайна Его Лица. У Христа нѣтъ, какъ у Будды, отвращенія отъ жизни, а, наоборотъ, у Него «*обращеніе*» въ другую сторону направленія жизни, по Его же словамъ: если не «*обратитесь*, то не войдете въ царство небесное». Здѣсь не какъ у Будды—нѣтъ только ученія; здѣсь нѣтъ никакого органическаго соприкосновенія съ іудейскою мудростью; наоборотъ, подлинно изъ другого міра слышатся эти изреченія: «блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю. Блаженны чистые серд-

цемъ, ибо они Бога узрять... Возмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, потому что Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко есть». Такъ еще никто не говорилъ до Христа и послѣ Него никто не сказалъ и не скажетъ ничего лучшаго. Но эти рѣчи, какъ легко видѣть, отнюдь не имѣють характера «ученія», а подобно тому, какъ интонація голоса, посредствомъ чего-то таинственно-невъразимаго, посредствомъ персональнѣйшаго самой персоны, восполняетъ то, что мы знаемъ о человѣкѣ изъ чертаній его лица и по его дѣйствіямъ, такъ, полагаемъ, и въ этихъ рѣчахъ Христовыхъ слышится Его *голосъ*; можетъ быть, въ точности намъ неизвѣстны Его слова (о чемъ свидѣлствуютъ различные варианты въ ихъ передачѣ евангелистами), при всемъ томъ, съ исключяющею всякую тѣнь сомнѣнія достоверностью до нашего слуха доносится незабвенный *тонъ* ихъ и отсюда достигаетъ сердца. И вотъ, мы открываемъ глаза и видимъ этотъ образъ, эту жизнь! Черезъ тысячелѣтія доносятся къ намъ Его слова: «научитесь отъ Мене!» и мы теперь понимаемъ значеніе ихъ: быть подражателями Христу, жить, какъ жилъ Христосъ, умереть, какъ умеръ Онъ, — въ этомъ *состоитъ* царствіе небесное, въ этомъ—вѣчная жизнь.

Въ наше время, въ которое такъ часто приходится сталкиваться съ пессимизмомъ и съ отрицаніемъ свободной воли, нѣкоторые и во Христѣ хотять видѣть проповѣдника мрачной философіи самоуничтоженія. Но если понятія о крайнемъ пессимизмѣ и детерминизмѣ приложить къ Буддѣ, то послѣдній будетъ представлять собою ихъ конкретное воплощеніе, какъ, и наоборотъ, Христосъ—совершенное отрицаніе. Если царствіе Божіе въ насъ, то причемъ же пессимизмъ? Какимъ образомъ человѣкъ будетъ представляться только страждущимъ и на одно горе рожденнымъ существомъ, если въ его сердцѣ заключается начало божественной жизни? Какъ мы назовемъ этотъ міръ «худшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ», если съ нимъ лобзается само небо? Такая мрачная философія—не христіанская. Самъ Спаситель горько изобличаетъ мертвенныхъ книжниковъ, которые затворяютъ царствіе небесное предъ людьми, и сами не входятъ въ него и хотящихъ войти не пускають, и, наоборотъ, славословить своего Отца за то, что Онъ «сокрылъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ». Самъ Христосъ, по выраженію одного изъ древнихъ апологетовъ, не былъ «софистомъ», «но сила Божія обитала

въ Немъ». «Въ Томъ *животъ бѣ*», — и вотъ почему: Спаситель не отвращался прочь отъ жизни, а, наоборотъ, обращался къ ней. Происходящій изъ внутренней Азіи, не буддизмомъ впервые открытый, а только подтвержденный имъ, пессимистическій аскетизмъ съ его міроненавистничествомъ достигъ границъ Галилеи; но кто же назоветъ Христа проповѣдникомъ унылаго монашества въ буддійскомъ духѣ? Наоборотъ, въ противоположность своему Предтечѣ, «пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣсть и пить; и говорятъ: вотъ, человекъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ». Впрочемъ, Господь Иисусъ представляетъ намъ образецъ абсолютнаго воздержанія отъ многого, чѣмъ наполняется жизнь большинства людей; но это воздержаніе и есть то именно «обращеніе», которое ведетъ въ царство небесное, и является не внѣшнимъ, а чисто внутреннимъ подвигомъ. Чему учить Будда, то представляетъ собой въ нѣкоторомъ родѣ физическое явленіе, это — фактическое умерщвленіе тѣлеснаго и душевнаго человѣка; желающій искупленія долженъ дать три обѣта: цѣломудрія, бѣдности и послушанія. У Христа нѣтъ ничего подобнаго: Онъ присутствуетъ на бракѣ въ Канѣ галилейской, а самый бракъ объявляетъ святымъ установленіемъ. Правда, богатство Онъ называетъ препятствіемъ къ *обращенію*: «удобѣ велбуду сквозѣ иглы уши проити, нежели богату въ царствіе Божіе внити», но тотчасъ прибавляетъ, — и въ этомъ заключается самое главное, — что «невозможное у человѣковъ возможно у Бога». Опять предъ нами одно изъ такихъ мѣстъ, которое не могло быть вымыслено, ибо нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не находится ничего подобнаго. И прежде раздавались громовыя рѣчи противъ пристрастія къ богатству, но онѣ не предвосхитили Христова ученія. Для Христа богатство есть нѣчто совершенно внѣшнее, обладаніе которымъ не можетъ служить неодолимымъ препятствіемъ къ спасенію, ибо Онъ имѣетъ въ виду только внутреннее обращеніе, — что въ послѣдствіи такъ неподражаемо выразилъ апостоль языкомъ въ чудномъ гимнѣ хр. любви. Богатому юношѣ Спаситель сказалъ: «если хочешь совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ»; апостоль дѣлаетъ слѣдующее разъясненіе этихъ словъ: «и если я раздамъ нищимъ все имѣніе свое, а не буду имѣть любви, то нѣтъ мнѣ въ томъ пользы». Кто видитъ предъ собою только одну смерть, тотъ пусть довольствуется бѣдностью, цѣломудріемъ и послушаніемъ, а избирающій жизнь думаетъ о высшихъ предметахъ.

Что касается христіанскихъ заповѣдей о смиреніи, о тер-

пѣніи, о любви къ врагамъ, то, имѣя нѣкоторое сходство по буквѣ съ буддійскими нравственными правилами, онѣ діаметрально противоположны имъ по духу. Всякая перенесенная обида для Будды представляется умираниемъ, а для Христа—средствомъ, пролагающимъ путь евангельскому воззрѣнію на жизнь: «блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное». Но если мы теперь перенесемъ чрезъ внутреннюю сферу и займемся вопросомъ—нужно замѣтить: самымъ существеннымъ—о направленіи воли, то услышимъ на первый взглядъ поразительныя слова: «думаете ли вы, что Я пришелъ принести миръ на землю? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе; ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ. Ибо Я пришелъ раздѣлить чело-вѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невістку со свекровью ея». Не миръ, но мечъ! Нельзя не отнестись внимательно къ этому тону, если только кому либо угодно понять явленіе Христа. Вся Его жизнь представляетъ собой открытую борьбу не съ формами цивилизаціи, культуры и религіи, которыя Онъ находилъ вокругъ Себя, — Онъ соблюдалъ требованія в.-завѣтнаго закона и повелѣлъ платить дань кесарю, — но съ внутреннимъ настроеніемъ чело-вѣка, съ тѣми сокровенными побужденіями, изъ которыхъ рождаются извѣстные поступки, съ тою цѣлью, которая кроется позади поступковъ. Съ всемірно-исторической точки зрѣнія явленіе Христа означаетъ собою *явленіе новаго родоначальника*. Лицей различать столько же расъ, сколько цвѣтовъ кожи; новый «цвѣтъ воли» навѣрно глубже проникаетъ организмъ, по сравненію съ на-кожнымъ пигментомъ. И самъ Родоначальникъ новаго чело-вѣчества не допускаетъ никакого компромисса: одно изъ двухъ: или Богъ, или мамона. «Обращающійся», въ случаѣ нужды, долженъ оставить, даже, самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ и слѣдовать за Христомъ, — не для смерти, какъ въ буддизмѣ, а для жизни. Въ этомъ пунктѣ прекращается всякая сантиментальность: кто погибъ-погибъ, и о такомъ даже не проливается слезъ: «оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ». Именно здѣсь для иныхъ является искушеніе—обезличить Христа со стороны неумолимой требовательности Его, исключаяющей служеніе двумъ господамъ, конкретнымъ выраженіемъ чего служатъ «интерконфессіональные религіозные конгрессы», на которыхъ духовныя лица чуть не со всего свѣта жмутъ другъ другу руки, а многочисленные свидѣтели привѣтствуютъ это, какъ выраженіе истинно-христіан-

скаго братства. Можетъ быть, съ какой-либо точки зрѣнія это и хорошо, но только Христось не послалъ бы сюда ни одного изъ своихъ апостоловъ. Слово крестное или безуміе, или же—сила Божія. Самъ Господь утвердилъ между ими непроходимую пропасть и стражемъ ея поставилъ огненный «мечъ». Понимающій явленіе Христа не будетъ удивляться этому.—Когда Спаситель учить: «кто ударить тебя въ правую ланиту, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, тому отдай и верхнюю одежду» — ученіе, которое оправдалъ своимъ поразительнымъ примѣромъ самъ Распятый,— то кто не видитъ, что оно тѣсно связано съ дальнѣйшимъ: «любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ», и что здѣсь съ неотразимою очевидностью выражается то внутреннее обращеніе, но только не въ буддійской пассивности, а въ высочайшей формѣ живого дѣйствія? Въ заповѣдяхъ Христовыхъ—не требованіе одного только самообладанія, но такое «обращеніе» воли, вступленіе въ сокровенное царствіе Божіе, то «новорожденіе», которымъ обуславливается полное видоизмѣненіе «чувствованій». Въ этомъ-то, именно, и заключается новое. До Христа кровавая месть была священнымъ закономъ всѣхъ людей. Но Распятый молился на крестѣ за своихъ враговъ: «Отче, прости имъ: не вѣдятъ бо, что творять!» Кто принимаетъ здѣсь голосъ божественнаго состраданія за извѣженную гуманность, тотъ не уразумѣлъ ни одной черты въ явленіи Христа. Раздающійся на крестѣ голосъ происходитъ изъ царства Божія и откликается эхомъ въ нашемъ сердцѣ; болѣзни и, даже, самая смерть уже не имѣютъ надъ Нимъ власти; объ эту твердую волю разбивается всякая мірская скверна, какъ морская пѣна о гранитную скалу; въ виду приближающейся смерти Онъ скорбитъ только о томъ, что мучители пригвозждаютъ ко кресту своего Спасителя, «зарываютъ сокровище въ полѣ», почему и восклицаетъ: «не знаютъ, что творять!» Здѣсь говоритъ самъ божественный Разумъ, видящій несравненно дальше, чѣмъ индусскій, здѣсь предъ нами крѣпчайшая воля, увѣреннѣйшее въ себѣ самосознаніе. Весь «законъ и пророки» зиждутся на *любви* къ Богу и ближнему. Будда стремится освободить человѣка отъ жизни и перерожденій, Магометъ — отъ наказанія и ада, Спаситель—отъ *грѣха и смерти*. Дѣйствіе Господа Иисуса на человѣческое сердце — *чудо*, котораго не знали и до котораго не могли подняться ни Будда, ни Мохаммедъ.

Какъ Богочеловѣкъ, Христосъ-Спаситель въ своемъ собственномъ Лицѣ представляетъ единственное и безпримѣрное чудо и, слѣдовательно, не могъ не творить чудесъ. Да и что такое представляетъ собой, вообще, чудо? Чудо есть такое дѣйствіе, которое не можетъ быть произведено одиными только дѣйствующими въ природѣ или человѣческими силами, а чрезъ ихъ посредство или непосредственную силою Божіей. Уже естественный міръ представляетъ многочисленныя тому доказательства. Міръ органической жизни, растительное и животное царства являются чудомъ въ отношеніи къ неорганическимъ матеріаламъ, такъ какъ эти послѣдніе не въ состояніи произвести изъ себя органическую жизнь, и потому ея возникновеніе непременно обуславливается чудодѣйственнымъ вмѣшательствомъ Творца вселенной. Такъ и человѣкъ представляется чудомъ по отношенію къ животному міру, ибо послѣдній не въ состояніи произвести изъ себя свободноразумное существо. Подобнымъ же образомъ и тѣ перемѣны, которыя, въ силу своей разумосвободной дѣятельности, человѣкъ производитъ въ природѣ, въ растительномъ и животномъ царствахъ, разсматриваемыя съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, являются чудесами, какъ происходящія не изъ существа и силъ этихъ самыхъ тварей, а только изъ воздѣйствія на нихъ высшей воли. Такъ и самъ Господь Иисусъ съ Его безгрѣшностью, съ Его нравственнымъ совершенствомъ, представляется величайшимъ, по сравненію съ несовершеннымъ человѣкомъ, чудомъ, ибо, взятое въ цѣломъ, человѣчество не было въ состояніи породить изъ себя безгрѣшнаго Человѣка, Который находился бы въ несравненно болѣе близкомъ отношеніи къ небесному Отцу, чѣмъ самое человѣчество или лучшіе изъ людей, и, слѣдовательно, рожденіе Спасителя міра непременно обуславливается творческимъ вмѣшательствомъ самого Бога въ «естества чинъ». Если же самъ Господь Иисусъ есть чудо чудесъ, то рѣшительно нѣтъ ничего страннаго въ Его *чудотвореніи*. Наоборотъ, мы были бы въ высшей степени поражены, когда бы такой, безмѣрно превосходящій всѣхъ другихъ религіозныхъ дѣятелей, Пророкъ не былъ въ неизмѣримой-же степени «силенъ и словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми». Ибо каковъ дѣятель, таково и Его дѣло.

Разсматриваемыя съ такой точки зрѣнія и въ связи съ Его богочеловѣческимъ Лицомъ, чудеса Христовы рѣшительно противятся всякому, такъ называемому, естественному ихъ объясне-

нію. Не далеко еще то время, когда, въ угоду предвзятой теоріи, считали ихъ за мнѣшескій вымыселъ. По какому-то капризу слѣпного случая будто родилось убѣжденіе, что Мессія «долженъ» творить чудеса и, притомъ, такія, которыми, насколько можно значительнѣе, превышались бы чудеса ветхозавѣтныхъ людей Божіихъ: Моисея, Іліи, Елисея. Такимъ образомъ, говорятъ, благодаря фантастической сагѣ, Липо Мессіи было украшено нимбомъ чудотворца. Но какъ же поздно, въ такомъ случаѣ, должны были составиться наши евангелія, что бы освободить мѣсто столь необыкновеннымъ мнѣообразованіямъ! Съ какимъ непомѣрнымъ насиліемъ требовалось привлечь къ дѣлу в.-завѣтные образы, чтобы по нимъ создавать легендарныя сказанія! Но пусть будетъ такъ, какъ угодно послѣдователямъ мнѣшеской теоріи. Спрашивается, какъ могло произойти то, что народъ призналъ Іисуса за Мессію, если Онъ въ дѣйствительности не сотворилъ ни одного чуда? Общепародная вѣра въ Него, какъ въ обѣтованнаго Мессію, не указываетъ ли съ необходимостью на то, что Онъ творилъ соответствующія своему призванію чудеса? Чего только ни придумывали злѣйшіе враги Спасителя съ цѣлью развѣнчать Его мессіанское достоинство, — и ни одинъ изъ нихъ, однако, не осмѣлился отрицать Его знаменій и чудесъ. Въ крайнемъ случаѣ, чтобы только выйти изъ затрудненій, иные называли недостаточными совершенныя прежде чудеса и требовали отъ Него новыхъ и болѣе совершенныхъ чудесъ (ср. Мѣ. хvi, 1; Іо. vi, 30), или же, въ неистовой злобѣ, приписывали ихъ бѣсовской силѣ (Мѣ. ix, 34, 12, 24). Равно какъ и заклятый врагъ Господа Іисуса, іудейскій талмудъ, не отрицаетъ въ Немъ дара чудотвореній.

Нельзя согласиться также и съ тѣмъ, что произведенное Господомъ необыкновенно сильное впечатлѣніе на своихъ послѣдователей, безпредѣльное упованіе на Него и безусловная вѣра въ Его чудотворную силу и представляютъ собой, именно, то, что мы называемъ Христовыми чудесами. Но при такомъ произвольномъ взглядѣ на взятый предметъ остаются въ сторонѣ чудеса, произведенныя Спасителемъ надъ бездушной природой, исторически несомнѣнныя столько же, сколько и всякія другія чудеса. Затѣмъ, здѣсь не остается мѣста для исцѣленія больныхъ на разстояніи, или такихъ, которые стали здравы по вѣрѣ своихъ близкихъ, а также и другихъ, относительно которыхъ мы не можемъ сказать чего-либо болѣе опредѣленнаго,

какъ только одно, что нашего наблюденія недостаточно, что бы констатировать у нихъ наличность какой-либо вѣры.

Что бы не пробавляться жалкимъ рационализмомъ, каждый непредубѣжденный изслѣдователь долженъ признать истиннымъ такое заключеніе: самъ Господь І. Христосъ есть чудо, чудо въ совершенномъ, въ полномъ, сверхъестественномъ смыслѣ, и потому Онъ творить чудеса, совершенныя и превосходящія всякую мѣру нашего разумѣнія. Нѣкоторыя изъ рѣчей Спасителя, исключаяющихъ сомнѣніе въ своей подлинности, даже, со стороны крайнихъ рационалистовъ, такъ тѣсно связаны съ Его чудесами, что отрицать послѣднія было бы труднѣе, чѣмъ сомнѣваться въ подлинности первыхъ. Вспомнимъ, на примѣръ, о посольствѣ Крестителя или объ укоризнахъ Христовыхъ невѣрующимъ городамъ: какой смыслъ имѣли бы упомянутыя событія, если признать неправдоподобными всѣ свидѣтельства о чудесахъ Господнихъ? Обыкновенная въ послѣднее время ссылка на неизмѣнное постоянство и законмѣрность явленій во внѣшней природѣ отнюдь не можетъ служить отрицательной инстанціей противъ дѣйствительности чудесъ. Пусть не воображаютъ только, будто библія, постоянно повѣствующая о необыкновенныхъ чудесахъ, менѣе освѣдомлена о правильности и неизмѣнности дѣйствующихъ въ природѣ законовъ сравнительно съ естественными науками, такъ настойчиво трактующими о неразрывной связи между явленіями природы и считающими себя охранительницами здравыхъ ученій вопреки библейскому суевѣрію. И библія знаетъ о господствующихъ въ мірѣ порядкахъ, о математически-правильномъ теченіи небесныхъ свѣтилъ и пр., но только, по ея взгляду, эти порядки служатъ не препятствіемъ, а, наоборотъ, гарантіями и удостовѣреніемъ чудеснаго управленія самимъ Творцомъ въ Его необъятномъ домостроительствѣ, какъ и свидѣлствуютъ о томъ, на примѣръ, слѣдующія слова пророка: «такъ говоритъ Господь: если можете разрушить завѣтъ Мой о днѣ и ночи, что бы день и ночь не приходили въ свое время, то можетъ быть разрушенъ и завѣтъ Мой съ рабомъ Моимъ Давидомъ» (Іер. xxxiii, 20—21). Въ самомъ дѣлѣ, нарушался ли законмѣрный ходъ естественныхъ явленій, когда велѣніемъ творческаго Слова неорганическая матерія производила изъ себя органическаго существа? Нельзя смотрѣть на естественный законъ, какъ на какую-нибудь, начертанную гдѣ-то на скрижаляхъ природы, неизмѣнную формулу, предписывающую всѣмъ существамъ такой,

именно, а не какой-либо другой образъ бытія. Наоборотъ, естественный законъ представляетъ собой только извѣстный фактъ, выведенный изъ ряда произведенныхъ человѣкомъ наблюденій, докладывающій, кому слѣдуетъ, о томъ, какъ произошло взятое явленіе, а вовсе не повелѣвающій, чтобы произошло такое-то явленіе, и не запрещающій происходить ему.

Теперь понятно, что безгрѣшный и безконечно святой Господь не могъ не творить чудесъ, но творилъ ихъ въ силу своей необыкновенной близости къ тому міру, изъ котораго исходятъ законы для земного міра,—творилъ ихъ, какъ Царь всѣхъ міровъ. Отрицавшій Бога индійскій философъ вполне послѣдовательно отказался отъ титула чудотворца, ибо «чудо вѣры есть любимое дитя»; Мохаммедъ, въ качествѣ мнимаго посланника Божія, естественно, приписывалъ себѣ безчисленное множество одно болѣе другого удивительныхъ чудесъ. Какъ по плодамъ познается дерево, такъ и по чудесамъ — чудотворецъ. Эти послѣднія въ мусульманствѣ фантастичны, какъ сказки Шехерезады, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпримѣрно нелѣпы, гармонируя въ томъ съ самымъ исламскимъ пророкомъ. Свой косвенный судъ христіанство уже произнесло надъ такими чудесами, отвергнувъ апокрифическія сказанія, которыя можно поставить въ срединѣ между евангельскими чудесами, съ одной стороны, и содержащимися въ Коранѣ, съ другой. И если чудеса, сообщаемыя въ апокрифахъ, суть только нелѣпыя «басни», выражаясь словами апостола, то чудеса Корана въ этомъ отношеніи далеко опередили ихъ. Если по чудесамъ судить о Мохаммедѣ, то придется только повторить вышесказанное о немъ, и, наоборотъ, если начать съ Мохаммеда, то о чудесахъ его опять придется сказать только—что сказанное. Съ какой бы стороны ни подойти къ предмету, онъ отъ того не потеряетъ ни одного изъ своихъ крупныхъ недостатковъ. Разумѣется, никто не можетъ отнять у Будды и Мохаммеда силы нравственнаго вліянія на ихъ послѣдователей, но и здѣсь предъ нами не чудеса въ строгомъ смыслѣ слова, а только воздѣйствія относительно болѣе сильныхъ лицъ на болѣе слабыхъ. Ни въ буддизмѣ, ни въ исламѣ не найти ни одного чуда, подобнаго такимъ, напримѣръ, евангельскимъ чудесамъ, въ которыхъ исцѣлялись немощныя души, изъ грѣшниковъ выходили праведники, изъ сыновъ погибели — наследники райскаго блаженства. Понятно, почему? Потому что надо напередъ самому быть безгрѣшнымъ, чтобы говорить: «чадо, отпущаются тебѣ грѣхи твои».

надо самому быть въ Богѣ, чтобы сказать «возми одръ твой и ходи», или: «тебѣ говорю: востани!» Въ устахъ же всякаго другого эти слова оказались бы непрослительнымъ богохульствомъ, и хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что ни индійскій, ни исламскій пророки не дерзали произносить эти и подобные имъ— въ *ихъ* устахъ—«безумные глаголы».

Буддизмъ—не религія, и не философія,—онъ не что иное, какъ душу убивающая этика радикальнаго нигилизма. Буддизмъ—это чисто пассивная мораль страданія, уничтожающая всякое внутреннее развитіе и тормозящая прогрессъ. Если буддизмъ и позволяетъ любить, то дѣйствуетъ онъ, спасаетъ и утѣшаетъ, отнюдь не имѣя въ виду любви. Нравственнаго обновленія буддизмъ дать не можетъ. Неподвижное тупоуміе— вотъ плодъ этой морали. Источникомъ нравственнаго обновленія буддизмъ ни коимъ образомъ служить не въ силахъ, а потому буддизмъ самъ уже произнесъ надъ собою приговоръ. У Будды сущность религіи имѣетъ болѣе внутренній характеръ, у Мохаммеда болѣе виѣшній. Будда хочетъ убить душу и освободить человѣка отъ собственнаго я; Мохаммедъ, напротивъ, заковываетъ душу въ тѣлесныя путы. Существованіе гаремовъ съ обусловленной ими приниженностью женщины, процвѣтаніе рабства, деспотизмъ правителей, фанатизмъ массъ и постоянно встрѣчающаяся надменная увѣренность въ правотѣ своего дѣла, наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мало исламъ способенъ нравственно обновить своихъ приверженцевъ. Исламу не достаетъ чистоты нравственнаго чувства, заключающаго въ самомъ себѣ довлѣющее мѣрило для оцѣнки поступковъ; но, что важнѣе всего, не достаетъ идеальныхъ достоинствъ личности его основателя. Исламъ есть мірская религія, преслѣдующая земныя цѣли; онъ представляетъ собою деспотическій принципъ въ заимствованной отъ іудео-христіанства одеждѣ. Поэтому онъ будетъ всегда стоять тормазомъ для духовнаго развитія народовъ, но въ то же время со своимъ монотеизмомъ можетъ скорѣе послужить переходной ступенью къ христіанству, чѣмъ погубляющей душу буддизмъ.

Буддизмъ—религія уничтоженія, исламъ—религія самонадѣянности, христіанство — религія искупляющей любви. Будда отнимаетъ жизнь, Мохаммедъ — погружаетъ человѣка въ ея бездны, Господь Иисусъ ставитъ вѣрующихъ выше ея. Буддизмъ дѣлаетъ человѣка утомленнымъ жизнью, исламъ животолюбцемъ, христіанство — міропобѣдителемъ. Будда — бѣжавшій изъ міра

аскетъ, слѣдованіе за которымъ равносильно самоуничтоженію; Мохаммедъ сомнительнаго достоинства лже-пророкъ, религія котораго стѣсняетъ человѣка и дѣлаетъ его гордымъ; одинъ Господь Иисусъ есть Спаситель, принесшій царство Божіе на землю. Пусть же дерево «боди» стѣняетъ 450 милліоновъ человѣкъ, пусть полумѣсяцъ распространяетъ свое господство съ помощью огня и меча, — сѣкира при корнѣхъ деревъ лежитъ, дни ихъ сочтены. Много признаковъ предвѣщаютъ такой конецъ въ будущемъ. Крестъ—единственный символъ побѣды, и пробьетъ часъ, когда послѣдователи Будды и Мохаммеда преклонятся предъ Нимъ и «со всѣми языками, которые есть на небѣ, на землѣ и подъ землею, исповѣдаютъ, что нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежитъ намъ спастись, какъ только имя *Иисуса Христа Назорея*».

III.

1. Кончина Будды.—Его обоготвореніе.—Характеристика Будды.—Общественно-государственное значеніе буддизма.—Исторія буддѣйской «церкви»: соборы, составленіе канона свв. книгъ и монашескихъ правилъ.—Свѣтлые и черные дни буддизма.—Его распространеніе въ Китаѣ и въ Японіи.—Расколы.—Ламаизмъ.—Далай—и богдо—ламы.—Религіозный механизмъ.

«Когда какой-либо герой, — пишетъ одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ буддизма, — послѣ цѣлаго ряда ошибокъ и жестокостей, искупляетъ свою вину смертью, тогда эта смерть имѣетъ въ себѣ нѣчто примиряющее, особенно, если конецъ жизни героя озаренъ лучами кротости и всепрощающей любви. Когда, вслѣдъ за палящимъ полуденнымъ зноемъ, солнце клонится къ закату и бросаетъ розоватый отблескъ на землю, — раздается всеобщій вздохъ облегченія, и все живущее шлетъ заходящему свѣтилу прощальный привѣтъ. Подобныя чувства можемъ испытать и мы при воспоминаніи о смерти Мохаммеда и Будды. Ихъ земное поприще, ознаменованное многими ошибками, окончилось, для жизни ихъ пробилъ часъ заката. Спокойное—чтобы не сказать любовное—прощаніе обоихъ реформаторовъ съ этимъ міромъ, дѣйствительно, имѣетъ въ себѣ что-то примиряющее, и мы, оставивъ на время религіозную полемику, спокойно посылаемъ имъ прощальный привѣтъ».

80 лѣтъ прожилъ Будда (560—480 до Р. Х.); цѣлыхъ 50 лѣтъ протекло съ той поры, какъ онъ покинулъ жену съ ребенкомъ и отправился въ пустыню на поиски душевнаго мира, похожій на нищаго, въ желтой одеждѣ, съ отрѣзанными волосами, съ тарелкой для милостыни. Изъ этихъ 50-ти 45 лѣтъ онъ употребилъ на проповѣданіе, пользуясь неслыханнымъ успѣхомъ. Повсюду возникали монашескія общины въ духѣ ихъ основателя. Сотни тысячъ людей приняли его ученіе, князья и цари преклонялись предъ нимъ и одаряли его подарками. Но вотъ и для него ударилъ смертный часъ. По одному преданію, Будда отравился кабаньимъ мясомъ, а по другому, болѣе достовѣрному, — ядовитыми грибами. Подъ вечеръ, чувствуя приближеніе кончины, онъ призвалъ къ себѣ жившихъ въ окрестностяхъ Везали монаховъ и завѣщалъ имъ продолженіе своего дѣла. «Такъ вотъ что, монахи, говорю я вамъ: все земное подвержено бренности. Боритесь неустанно!» «Кто думаетъ, Ананда, что я хочу властвовать надъ общиной или подчинить ее себѣ, тотъ пусть скажетъ это громко предъ общиной. Но Совершенный не думаетъ властвовать надъ ней и желать, чтобы она ему подчинялась. Долженъ ли, Ананда, Совершенный жертвовать свою волю общинѣ? Я теперь недомогаю, Ананда, я старъ, — я старикъ, свершившій свой путь и достигнувшій всего: мнѣ 80 лѣтъ. Будьте, Ананда, сами себѣ путеводными огнями и убѣжищемъ; не ищите другихъ!»

На слѣдующій день онъ еще разъ отправился въ Везали для сбора милостыни и, взглянувъ скорбнымъ взоромъ на этотъ городъ, ушелъ вмѣстѣ съ толпой учениковъ въ Кузинаръ, гдѣ хотѣлъ провести предсмертные часы. Тамъ аскетъ думалъ погрузиться въ нирвану съ тѣмъ, чтобы ужъ больше никогда не возвращаться къ земной жизни. Смерть застигла его на полпути. Опечаленные ученики взяли брѣнные останки незабвеннаго учителя и сожгли ихъ на кострѣ въ Кузинарѣ.

Однако, религіозное чувство, хотя бы и буддійское, не можетъ болѣе или менѣе продолжительное время мириться съ такимъ нигилизмомъ. Естественно, поэтому, что въ результатѣ лишившій религію всего внѣшняго и реальнаго Будда самъ сдѣлался предметомъ суевѣрнаго поклоненія. Надъ частицами обуглившихся отъ сожженія костей былъ воздвигнутъ храмъ, и буддизмъ, не признававшій никакого Бога, повелѣлъ быть таковымъ Буддѣ. Хранящійся на островѣ Цейлонѣ, лѣвый глазной зубъ Будды считается величайшей драгоценностью буд-

дійской церкви. Это, впрочемъ, не зубъ, а кусокъ полированной слоновой кости, желтоватаго цвѣта, искривленный, длиною въ два дюйма. «Зубъ» этотъ хранится въ баснословно-великолѣпной оправѣ. Съ величайшимъ благоговѣніемъ относятся буддисты такъ-же и къ другимъ реликвіямъ Будды,—къ его тарелочкѣ для сбора милостыни, костямъ, одеждѣ, сандаліямъ, а, главнымъ образомъ, къ священному дереву «боди», подѣ которымъ Шакья-Муни нашель свое ученіе.

Извѣстно, что современники Будды не пытались дать вѣрнаго изображенія его виѣшняго вида. Только позднѣйшія столѣтія создали одинъ общій образъ учителя. Виѣшний обликъ Будды былъ освященъ церковью и потому не допускаеть никакихъ произвольныхъ измѣненій. Благодаря вѣрности индійскаго преданія и типичности индусовъ, обликъ этотъ, кажется, имѣеть подѣ собой историческую почву. Выраженіе лица Будды неопредѣленное; глаза большіе, лобъ широкій, подбородокъ и щеки полныя, тѣло и грудь, шея и руки наподобіе женскихъ, уши неестественно длинны, на черепѣ нарость, вся фигура очень полная и жирная, лишенная мужества и силы. Въ рукѣ Будда всегда держитъ мисочку для милостыни. Его изображаютъ обыкновенно сидящимъ, но изображенія стоящаго пророка—самыя древнія.

Однако, въ этомъ тѣлѣ жилà честная, вѣрная и правдивая душа. Будду несправедливо называть обманщикомъ, потому-что онъ былъ искренне убѣжденъ въ своемъ призваніи и серьезно вѣрилъ въ то, что онъ долженъ былъ принести своимъ соотечественникамъ искупленіе. Бѣгство изъ родительскаго дома, отъ семьи, предпочтеніе бѣдности богатству, строжайшаго аскетизма—жизни въ постоянныхъ удовольствіяхъ, особенно, при увлекающейся ими до крайности натурѣ индусовъ, вся эта перемѣна была вызвана честнымъ, серьезнымъ побужденіемъ и желаніемъ найти истинную жизнь. Основная черта характера Будды это—безстрастное и умѣренное *спокойствіе*. Будда никогда не бывалъ капризнымъ. Это была въ высокой степени уравновѣшенная натура. Въ разговорѣ съ аскетомъ Сонà онъ приводитъ въ примѣръ струну, которая, чтобы издать полный звукъ, не должна быть ни очень слабо, ни очень туго натянута, и дѣлаеть изъ этого сравненія такого рода выводъ: «такъ и сила, слишкомъ напряженная, переходитъ мѣру, а не-напряженная дѣлаеться вялой. Поэтому, Сонà, совершенствуй и сохраняй въ равновѣсіи свою силу, сдѣлай равномѣрнымъ

своей умъ и поставь это своею цѣлью». И, въ самомъ дѣлѣ, получается представленіе, что аскетъ Будда убилъ въ себѣ всякую мірскую похоть и нечистые помыслы. Безпиравствен- ность и разнузданность послѣ того, какъ онъ порвалъ со своею прежней жизнью, сдѣлались ему совершенно чуждыми. Въ его отношеніяхъ къ женщинамъ было даже что-то жест- кое. По его мнѣнію, женщина—воплощеніе всѣхъ одуряю- щихъ человѣка силъ, приковывающихъ духъ къ міру. Разрѣ- шеніе строить женскіе монастыри стоило ему большихъ уси- лій, и онъ предсказалъ своей общинѣ всего 500-лѣтнее су- ществованіе, именно, по причинѣ допущенія въ нее женщинъ. Женщина въ буддизмѣ только терпима, а, между тѣмъ, глав- нымъ образомъ благодаря щедрымъ взносамъ и подаркамъ со стороны женщинъ, эта монашеская религія начала скоро за- воевывать Индію. Немногочисленные женскіе монастыри на- ходятся только въ городахъ, подчиняются во всемъ мужскимъ и въ социальномъ отношеніи не имѣютъ почти никакого зна- ченія.

Аскетическую строгость по отношенію къ самому себѣ Будда соединялъ съ поразительной *скромностью*. Сдѣлав- шись нищимъ, онъ никогда не тосковалъ о своемъ преж- немъ богатствѣ и остался такимъ до конца жизни. Онъ не стѣснялся ежедневно со своей мисочкой ходить изъ дома въ домъ и съ потупленнымъ взоромъ, молча, стоять у дверей въ ожиданіи, пока ему не вынесутъ милостыни. Окон- чивъ обходъ, Будда садился въ полдень въ уединенной из- бушкѣ или въ прохладной лѣсной чащѣ и погружался въ думы. Такъ сидѣлъ онъ, пока не проходила жара и не насту- палъ вечеръ. Скъромность Будды удерживала его вдали отъ всякихъ барскихъ затѣй. Однажды къ нему явился Мара, ис- куситель (такъ гласитъ индійская легенда), и внушалъ ему предательскую мысль—властвовать надъ могущественнымъ все- мірнымъ царствомъ и сдѣлаться обладателемъ баснословныхъ богатствъ. Но Будда отвѣчалъ: «какое счастье мудрому изъ того, что онъ сдѣлается обладателемъ серебрянной или золо- той горы? Кто узналъ страданіе и откуда оно, тотъ можетъ- ли желать? Кто знаетъ, что земное существованіе—игро въ этомъ мірѣ, тотъ долженъ стараться освободить себя отъ него». Тогда посрамленный Мара удалился прочь. Будда никогда не обна- руживалъ надменности или гордости и былъ со всѣми ласковъ. Онъ бесѣдовалъ съ искавшими его совѣта и участвовалъ въ

пирахъ богачей, когда его туда приглашали. Обладая притягивающей сердца силой, Будда собралъ вокругъ себя необозримыя толпы народа и еще нынѣ со своей простой этикой нерѣдко вступаетъ въ открытую борьбу съ христианствомъ. Шопенгауеръ и многіе другіе открыто объявили себя приверженцами буддизма. Тѣмъ не менѣ нельзя обойти молчаніемъ такъ же и крупныхъ недостатковъ въ характерѣ его основателя. Буддѣ недоставало, прежде всего, серьезнаго, самоотверженнаго чувства любви, идущей вслѣдъ за потеряннымъ, помогающей ему и утѣшающей его. Онъ предлагалъ всѣмъ свое *ученіе, а не любовь*. Буддѣ свойственна была апатія ко всему, что живетъ и чувствуетъ. Равнодушіе и сосредоточенное, безучастное размышленіе о ничтожности всего бытія—вотъ духъ буддизма. Будда постольку интересовался участіемъ и страданіями ближнихъ, поскольку подвиги братской любви могли ускорить освобожденіе и искорененіе въ немъ эгоизма. Обездоленному и грустному буддизмъ не указываетъ на личнаго Бога, не открываетъ и любящаго сердца учителя; ничего такого въ буддизмѣ нѣтъ. Онъ даетъ ему только ученіе и мораль, доступныя для однихъ избранныхъ. Каждому ближе всего собственное «я», каждый первымъ дѣломъ долженъ стремиться къ освобожденію себя отъ страданій и возрожденія. Вотъ вся буддійская мораль. Если и говорится о демократическомъ элементѣ въ буддизмѣ, то, во всякомъ случаѣ, не надо забывать, что мысль о какомъ-либо преобразованіи государственной жизни, всякая фантазія, которая направлялась-бы къ основанію земнаго идеальнаго царства, благочестивой утопіи, была совершенно чужда буддійскимъ кружкамъ. Въ Индіи не было ничего, напоминающаго собою социальное движеніе. Страсть, безъ которой не могутъ обойтись предводители угнетенныхъ въ борьбѣ противъ угнетателей, Буддѣ была совершенно чужда. Государство и общество пусть остаются такими, какими раньше были; набожному человѣку, въ монашескомъ званіи бѣжавшему въ пустыню, нѣтъ до нихъ никакого дѣла; его не интересуетъ борьба и не волнуютъ заботы. Даже каста не существуетъ для него...; все земное перестало его волновать. Сердце Будды не бьется въ груди для людей, оно не знаетъ участія, не понимаетъ смысла человѣческихъ вещей. Въ монахѣ и въ аскетѣ замираютъ всякія желанія и потребности; онъ не хочетъ жить и понимать естественную жизнь съ ея радостями и печалями.

Оспротѣвшіе по смерти (480 г. до Р. Хр.) своего учителя

монахи образовали буддѣйскую церковь. На обязанности ихъ лежало собираніе изреченій «Совершеннаго» и распространеніе буддизма. Однако, стоило имъ только сойтись на *первомъ соборѣ* въ Раджагрихѣ для систематизаціи главнѣйшихъ положеній буддизма и для составленія монастырскаго устава, какъ начались взаимныя пререканія. Тяжела была борьба съ браминами, но еще тяжелѣе была она съ появлявшимися одна за другой сектами. На *второмъ соборѣ*, происходившемъ въ 380 г. до Р. Х., 100 лѣтъ спустя послѣ смерти Будды, образовалась сектантская партія, получившая названіе «*школы великаго собранія*». Но вотъ съ запада является въ Индію прославленная побѣдами армія Александра Македонскаго, разрушаетъ всѣ кастовыя перегородки и дѣлаетъ Индію составной частью великой міровой державы. Умственный горизонтъ буддѣйскихъ монаховъ расширился. Изъ своихъ узкихъ монастырскихъ келлій они увидѣли новый, пространный міръ, соблазнительно манившій ихъ къ себѣ и пробуждавшій въ нихъ проповѣдническую ревность. Счастье имъ благопріятствовало: греческое владычество въ Пенджабѣ было низвергнуто, и его мѣсто (въ 310 г. до Р. Х.) заняла всецѣло преданная буддизму династія *Маурія*, царство которой простиралось отъ Инда до устья Ганга и отъ снѣжныхъ вершинъ Гиммалая вплоть до Виндіи. Изъ этой династіи происходилъ буддѣйскій Константинъ, объявившій новую вѣру государственной и имѣвшій огромное значеніе въ дѣлѣ образованія канона буддѣйскаго вѣроученія, въ составленіи сборниковъ и распространеніи буддизма далеко за предѣлами Индіи. Это былъ царь *Асока* (ок. 250 г. до Р. Х.). Въ началѣ жестокій и трусливый деспотъ, онъ сталъ потомъ, по принятіи буддизма, совершенно инымъ, мягкимъ, кроткимъ и милосердымъ. Не преслѣдуя браманизма и не прибѣгая къ помощи меча, Асока мирнымъ путемъ сдѣлалъ буддизмъ государственной религіей. Буддѣйскіе монахи появились на снѣжныхъ поляхъ Гиммалая; пробираясь черезъ рѣки и горы, они достигали и царства Александра; но главное ихъ движеніе направлено было на югъ, къ острову Цейлону, гдѣ они и ввели свою религію. Самъ Асока давалъ поразительный примѣръ соблюденія правилъ буддѣйской этики. Ежедневно онъ кормилъ 60,000 буддѣйскихъ монаховъ, трижды дарилъ имъ свое царство и трижды выкупалъ его у нихъ за несмѣтныя сокровища. Церковь свою онъ обогатилъ безчисленными постройками и памятниками. Еще и нынѣ странникъ находитъ

въ Индіи высѣченныя въ скалахъ храмы и башни съ реликвіями, колонны и надписи. Многіе памятники украшены символомъ Будды—изображеніемъ сидящаго льва. Большинство ихъ относится къ царствованію Асоки, охотно называвшаго себя *Piyadasi*, т. е. любвеобильнымъ. Въ царствованіе его строилось много монастырей; мѣстность Магада была до такой степени усѣяна монастырями, что и сама получила названіе Бехаръ, т. е. Монастыря. На третьемъ соборѣ въ *Паталипутрѣ* (246 г.) были удалены все нечистые элементы изъ буддійскаго ученія и точно установленъ канонъ имѣвшихся священныя писаній. Но вотъ у власти очутилась новая династія, вытѣснившая родъ Асоки,—и для буддизма настали черныя дни. Счастье улыбнулось буддизму лишь много времени спустя,—въ годы жизни нашего Спасителя. Могущественныя номадскія племена,—скивоовъ по происхожденію, Ыетши или индо-скивоы, подъ предводительствомъ царя *Канишки*, наводнили Индію, низвергли враждебную буддизму династію и сами перешли въ буддизмъ. Однако, вмѣстѣ съ политическимъ возвышеніемъ послѣдняго, началось и его разложеніе. Съ переходомъ скивоовъ въ буддизмъ вторглось много чуждаго элемента, языческихъ и фетишистскихъ (культъ огня) вѣрованій и обрядовъ. Съ теченіемъ времени буддизмъ сталъ все больше и больше терять свой атеистическо-нигилистическій характеръ, и нирвана превратилась въ такъ наз. западный рай *подъ Амитабой*. Когда, въ царствованіе Канишки (около рожд. Христа), былъ созванъ *четвертый буддійскій соборъ* въ Джаландарскомъ монастырѣ (въ Кашмирѣ), на которомъ вмѣсто древняго священнаго языка «пали» церковнымъ языкомъ былъ признанъ санскритъ, и гдѣ къ старымъ канонамъ Асоки было присоединено извѣстное число новыхъ писаній,—южно-цейлонскіе буддисты, приверженцы древняго преданія, не признали соборныхъ постановленій и отдѣлились отъ сѣверныхъ буддистовъ. Раздѣленіе это существуетъ и по-нынѣ, причемъ въ теченіе столѣтій обѣ родственныя общины развивались въ разныхъ направленіяхъ и сдѣлались теперь совершенно непохожими другъ на друга.

Сѣверный буддизмъ послѣ четвертаго собора пережилъ еще много разныхъ перипетій. Онъ распространился по всей передней Индіи, а впослѣдствіи проникъ, даже, въ Китай и въ Япоцію. Бросается въ глаза поразительное подтвержденіе словъ ап. Павла: «пришла полнота времени» (Гал. IV. 4). Во дни

земной жизни нашего Господа не только въ Палестинѣ, Греціи и Римѣ народы жаждали новой божественной вѣры и правды, но даже и въ далекомъ, замкнутомъ Китаѣ сильно заявляло себя духовное томленіе. Около 61 г. по Р. Хр. явились въ Индію китайскіе посланники, чтобы ознакомиться съ буддизмомъ и перенести его на китайскую почву. Недовольные строгимъ ученіемъ Конфуція, китайцы приняли несложную мораль индійскаго философа. Однако, не смотря на всякое покровительство новой вѣрѣ, китайскіе императоры не сдѣлали религіи *Фо* (такъ называютъ китайцы Будду) государственной религіей, почему буддизмъ никогда и не могъ вытѣснить старой туземной вѣры.

Въ VI-мъ вѣкѣ по Р. Хр. буддизмъ изъ Китая проникъ въ Японію. Но и тамъ онъ не былъ въ состояніи вытѣснить болѣе жизнерадостной и легкой для соблюденія религіи *Синто*. Въ настоящее время въ Японіи буддизмъ и религія Синто представляются одинаково поверхностными и сходными съ идолопоклонствомъ и фетишизмомъ. Поэтому жрецы обѣихъ религій не пользуются уваженіемъ населенія и чужды высшаго научнаго образованія. Тупоумное выраженіе ихъ лицъ, бессмысленное бормотаніе молитвъ въ опредѣленные часы дня оттолкнули отъ нихъ японскую интеллигенцію, такъ что она склонилась къ особаго рода рационализму. Она хочетъ изгнать буддизмъ, какъ суевѣрную религію, и ищетъ лучшей: на какой только остановится?

Вскорѣ послѣ этихъ завоеваній сѣверный буддизмъ въ Индіи потерялъ свое значеніе. Съ тѣмъ большей силой поднялся теперѣ старый браманизмъ. И когда, наконецъ, одна изъ туземныхъ династій, низвергнувъ Йетши, очутилась у кормила правленія,—начались преслѣдованія приверженцевъ Будды, рѣшившихъ вслѣдствіе этого искать себѣ новую осѣдлость на сѣверѣ, въ Тибетѣ. Въ теченіе этихъ (600) лѣтъ буддизмъ покинулъ свою прежнюю родину, Индію, предоставивъ ее браминамъ. Отклонившійся на четвертомъ соборѣ отъ чистаго ученія, тибетскій буддизмъ совершенно выродился и превратился въ іерархическій *ламаизмъ*. Радушно принятые неиспорченными тибетанцами, буддійскіе монахи, названные тамъ ламами, настроили безчисленное множество монастырей и превратили атеистическій буддизмъ въ самое грубое обоготвореніе человека,—въ поверхностный, механический обрядъ. Первосвященникъ ламъ представляетъ собой воплощеніе Будды; это—живой Богъ на землѣ, тибетскій папа. Лишенная духа и силы, буд-

дѣйская религія, тщеславившаяся своимъ происхожденіемъ не отъ Бога, а отъ человѣка, должна была, въ концѣ концовъ, прийти къ преклоненію передъ человѣкомъ. Таковъ былъ ходъ ея естественнаго развитія. Когда уничтожены боги, то ихъ мѣсто занимаютъ люди, а, прежде всѣхъ, самъ основатель. Со смертію тибетанскаго папы душа его не растворяется въ нирванѣ, но для спасенія людей опять поселяется въ ребенкѣ, тѣло котораго она избрала своей оболочкой. Очень часто этотъ ребенокъ бываетъ потомкомъ самого папы, такъ что званіе Будды является преемственнымъ.

Еще больше увеличилось владычество тибетскихъ папъ въ XIII столѣтіи, когда къ ихъ духовной власти присоединилась еще свѣтская. Повелитель монголовъ, *Кубилай*, покорившій Тибетъ, сдѣлалъ перваго ламу владѣтельнымъ княземъ всей страны. Резиденціей онъ назначилъ ему городъ *Лассу*, подъ условіемъ выплачиванія ежегодной дани. Тибетъ сдѣлался «папскою областью». Однако, сами монголы пока еще не принимали буддизма, несмотря на свое преклоненіе передъ ламайскимъ папой; только въ XVI ст. они перешли въ буддизмъ и въ наши дни являются уже усердными поклонниками своего духовнаго главы. Тибетскій папа наименовалъ себя въ своемъ новомъ званіи «*далай-ламой*», т. е. «жрецомъ-океаномъ», жрецомъ, который настолько великъ, какъ міровое море, и представляетъ собою море силы и достоинства. Однако, съ проникновеніемъ (въ 1720 г.) въ Тибетъ китайскаго вліянія, китайскіе императоры, въ силу нѣкот. политическихъ соображеній, создали еще другою папу—въ лицѣ «*богдо-ламы*», т. е. «противника ламы», въ монастырѣ *Крашиссъ-Лунъ-По*. Впрочемъ, далай-лама считается верховнымъ жрецомъ, и оба папы настолько примирились другъ съ другомъ, что взаимно себя освящаютъ и благословляютъ одинъ другого.

Что же, спрашивается, сдѣлала буддѣйская іерархія для своихъ вѣрующихъ? Правда, она исполнила свою культурную миссію, она вывела суровыя племена центральной Азіи изъ прежняго ихъ полудикаго состоянія, научила ихъ морали, образовала ихъ при помощи письменъ и искусствъ, но дальше этого не подвинула ихъ. Вообще же она повинна въ нравственномъ вырожденіи своихъ пасомыхъ. Тупоумно смотрятъ тибетанецъ и монголъ на религіозныя дѣйствія, на процессіи и праздники, и, ничего не понимая, продѣлываютъ при помощи четокъ различныя молитвенныя обряды. Полусознательно и на

тысячи ладовъ повторяютъ тибетскіе буддисты общераспространенную молитвенную формулу: «om! mani padme! hum!» («привѣтъ тебѣ! ты драгоценность въ цвѣтѣ лотоса! Аминь!»). Это—универсальная молитва, которую выучиваетъ каждый тибетскій и монгольскій ребенокъ, которую произноситъ воинъ во время сраженія и умирающій при послѣднемъ вздохѣ; ее каждый день бормочутъ вѣрующіе, перебирая поспѣшно 108 шариковъ молитвенныхъ четокъ, ибо, по общераспространенному суевѣрію, она содержитъ въ себѣ полноту всѣхъ желанныхъ благъ. Слова молитвы, въ видѣ надписи, встрѣчаются на памятникахъ, на фронтонахъ домовъ и храмовъ. Часто можно встрѣтить длинныя цѣпи изъ бумаги, шелка, изъ кожи и др. матеріаловъ, привязанныя веревками между деревьевъ, или перекинутыя черезъ рѣки. Мало того, ихъ находятъ также развѣвающимися между горныхъ вершинъ и соединяющими ихъ, вслѣдствіе чего долина осѣняется постоянно подвижною тѣнью. Каждая молитвенная цѣпь цокрыта все тѣми же, тысячи разъ повторяющимися, словами молитвы: «om! mani padme! hum!» Кочующія монгольскія племена и ведущія бродячую жизнь къ сѣверу отъ цѣпи «святыхъ горъ» дикія орды постоянно бормочутъ мистическія слова молитвы. Вся центральная Азія кишитъ караванами пилигримовъ, то идущихъ съ тюками золота и серебра къ «горѣ Будды», то возвращающихся оттуда—съ благословеніями, и всегда ихъ медленное шествіе сопровождается заунывнымъ пѣніемъ мистической формулы. Отъ береговъ Японскаго моря вплоть до границъ Персіи слышится эта молитва, это бормотаніе, оживляющее собою всѣ племена, всѣ праздники, представляющее собою символъ всѣхъ религіозныхъ формъ и немолкаемый гимнъ на всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ. По толкованію ламайскихъ схоластиковъ, шесть мистическихъ словъ молитвы служатъ символомъ переселенія душъ, причемъ каждый слогъ соотвѣтствуетъ одному изъ шести царствъ, въ которыя переселяются души. Высшимъ проявленіемъ механической религіозности нужно считать употребленіе *молитвенныхъ колесъ*, испещренныхъ все тою же формулой. Маленькія колеса (геєр. мельницы) находятся у каждаго въ рукахъ, большія—въ храмахъ и домахъ. Въ передней домовъ ихъ вращаетъ каждый проходящій. Ихъ ставятъ также на верху крышъ, гдѣ они вращаются вѣтромъ, у спуска водъ и надъ очагомъ, гдѣ ихъ приводятъ въ движеніе вода и дымъ. Эти мельницы служатъ не только символическимъ изображеніемъ кипящей въ безконечномъ круго-

воротѣ жизни, но главное ихъ значеніе заключается преимущественно въ томъ, что поворачиваніе круга или, даже, однолицезрѣніе этого движенія является своего рода заслугой, все равно, какъ еслибы человѣкъ самъ произнесъ такое-то число разъ молитву. При наличности такого религіознаго тупоумія, нечего удивляться нравственному вырожденію народовъ, исповѣдующихъ буддизмъ. Многоженство тамъ явленіе не рѣдкое, но, на ряду съ нимъ, существуетъ въ Тибетѣ и полиандрія, когда, напр., братья, по недостатку женъ, имѣютъ одну общую жену. Воровство и нетрезвость—обычные пороки. Сѣверный буддизмъ уже достаточно доказалъ свою неспособность къ воспитанію и образованію народовъ.

Къ несчастію, не далеко ушла впередъ и южно-буддійская церковь (на о-вѣ Цейлонѣ, въ Сіамѣ и Бармѣ), приписывающая себѣ честь сохраненія въ непомянутой чистотѣ первоначальнаго ученія Будды. Чуждый ламайскаго іерархизма со всѣми его безнравственными плодами, цейлонскій буддизмъ превратился въ одну внѣшнюю обрядность и суевѣріе.

2. Смерть Мохаммеда.—Его внутреннія качества и внѣшній обликъ.—Религіозный фанатизмъ мусульманъ и побѣды ихъ надъ христіанами.—Первые калифы.—Омайяды и Абассиды.—Турки Османлысы.—Паденіе Константинополя.—Эволюція исламскаго вѣроученія.—Реформаторское движеніе въ мусульманскомъ мірѣ и порожденныя реформой секты.—Гаданія о будущемъ ислама.

За 20 лѣтъ своей жизни Мохаммедъ достигъ такого же успѣха, какой выпалъ на долю Будды въ теченіе 45-лѣтней его проповѣди. Поэтому Мохаммедъ совершенно правъ, когда, за три мѣсяца до своей смерти, окидывая взоромъ Медину, изъ которой началось побѣдное шествіе полумѣсяца, и, осматриваясь на пройденный путь, благодарилъ Бога словами: «Аллахъ великъ, единъ, не имѣетъ равныхъ Себѣ; Ему принадлежитъ царство и слава и могущество. Возвратимся теперь въ наши жилища, будемъ молиться Ему и славословить Его. Аллахъ исполнилъ Свое обѣщаніе, Онъ помогъ Своему слугѣ и одинъ разсѣялъ непріятели!»—По причинѣ военныхъ невзгодъ, болѣзненныхъ припадковъ, а, главное, чрезмѣрнаго сластолюбія, преждевременно и сильно истощился крѣпкій организмъ исламскаго пророка, почему, естественно, послѣдній и не дожилъ до лѣтъ Будды. Поразительное сходство! Непосредственной причиной смерти Мохаммеда, какъ и Будды, было отравленіе. Мохаммедъ отравился бараньимъ мясомъ, во время Хайбарскаго похода, въ

домъ еврейки Зайнабы. Последняя зажарила барашка и подсыпала въ него яду. Сначала она осведомилась, какую часть больше другихъ любить пророкъ. Ей сказали: лопатку. Она и положила туда изрядное количество какого-то краснаго порошка. Взявъ кусокъ въ ротъ, Мохаммедъ немедленно выплюнулъ его и закричалъ: «ядъ, ядъ!» Другой изъ отвѣдавшихъ умеръ послѣ мучительной агоніи.

Хитрая еврейка спасла свою жизнь, оправдавшись благочестивымъ желаніемъ убѣдиться: дѣйствительно ли Мохаммедъ пророкъ или нѣтъ? Если онъ—пророкъ, то ядъ ему не повредить, если же нѣтъ, то пусть бы онъ погибъ,—тѣмъ лучше! Вслѣдъ затѣмъ, ночью, въ Мединѣ съ пророкомъ случился жестокий припадокъ лихорадки. Его охватило предчувствіе смерти! Онъ велѣлъ своимъ рабамъ вынести себя на кладбище и тамъ, среди могилъ, сталъ молиться: «миръ вамъ, жители могилъ! Ваше положеніе лучше положенія другихъ, еще живыхъ людей. О, если бы только вы знали, отъ чего васъ предохраняетъ Богъ! Приближается время грозъ, которыя будутъ чередоваться, какъ часы темной ночи, одна за другой, и которыя будутъ все страшнѣе и страшнѣе».

Передъ смертю Мохаммедъ пошелъ въ мечеть и сказалъ собравшемуся въ ней народу: «если я кого либо изъ васъ ударилъ,—вотъ мой хребетъ: ударьте меня. Если я кого оскорбилъ, пусть тотъ оскорбитъ меня; если я у кого отнял деньги то пусть тотъ возьметъ ихъ изъ моего состоянія и пусть не боится моего гнѣва, ибо это не въ моемъ характерѣ». Вызванныя своей предстоящей кончиной опасенія и сомнѣнія правовѣрныхъ пророкъ разсѣялъ слѣдующими словами: «я слышалъ, что смерть вашего пророка наполняетъ ваши сердца ужасомъ. Но развѣ кто либо изъ прежнихъ пророковъ жилъ вѣчно, что дало бы вамъ основаніе надѣяться, что я никогда не расстанусь съ вами? Я отправляюсь теперь къ своему Господину: моя послѣдняя просьба къ вамъ заключается въ томъ, чтобы вы любили и почитали первыхъ «выходцевъ» (изъ Мекки) и моихъ помощниковъ: ихъ, въ свою очередь, я прошу хранить взаимное согласіе». На своего наслѣдника Мохаммедъ указалъ правовѣрнымъ еще раньше. Онъ совѣтовалъ имъ избрать своего тестя и вѣрнаго друга, Абу-бекра: «у меня не было лучшаго товарища, чѣмъ онъ. Имѣя нужду въ другѣ и единомышленникѣ по вѣрѣ, я бы избралъ имъ Абу-бекра, пока Богъ не соединитъ насъ у Себя».

Мохаммедъ умеръ въ началѣ Іюня 632 г. и похороненъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ,—въ домикѣ Айши. Послѣдняя продолжала жить тамъ же, только между могилой и жильемъ была устроена перегородка. Надъ могилой пророка въ послѣдствіи была выстроена мечеть, куда теперь стекаются тысячи правовѣрныхъ.

Въ надгробной рѣчи Абу-бекръ опредѣлили вліяніе, произведенное Мохаммедомъ на современниковъ. «Мы свидѣтельствуемъ, что посланникъ Божій передалъ народу все сообщенное ему откровеніе, и что онъ шелъ, сражаясь, по Господней стезѣ, пока Богъ не прославилъ его вѣры и не исполнилъ Своего обѣщанія. Аллахъ, сотвори такъ, чтобъ и мы принадлежали къ числу послѣдующихъ слову Твоего откровенія: соедини насъ съ нимъ, дабы Ты могъ знать его черезъ насъ и насъ чрезъ него. Онъ былъ вѣрующимъ; онъ былъ мягкимъ и сострадательнымъ, и мы ни за какую цѣну не замѣнимъ его религіи другою.»

Однако, подобно Буддѣ, Мохаммедъ только по смерти сдѣлался общепризнаннымъ исламскимъ пророкомъ. Чувство страха, прежде тяготѣвшее надъ его сподвижниками, теперь смѣнилось противоположнымъ ему чувствомъ свѣтлаго одушевленія. Духъ пророка, казалось, вдохновлялъ ихъ. Историческій обликъ Мохаммеда все больше и больше отступалъ на задній планъ, а его мѣсто занялъ идеальный. Подобно, какъ и въ буддизмѣ, причину этого явленія нужно искать не только въ историческихъ, но и въ религіозныхъ основаніяхъ. И въ исламѣ понятіе Бога, вслѣдствіе мертвеннаго монотеизма, было абстрактно-одностороннимъ. Религіозное чувство, поэтому, требовало чего-нибудь болѣе понятнаго для человѣческаго ума и болѣе отзывчиваго на потребности сердца; этимъ и явился идеальный обликъ пророка. Но этотъ обликъ самъ по себѣ былъ черезчуръ уже прозрачно-человѣческимъ, съ свойственными каждому смертному ошибками и слабостями. Требовалось несовершенный обликъ скрасить мнѣями и окружить нимбомъ недосягаемаго совершенства. Обожествленіе пророка началось съ того, что его рожденіе было объявлено сверхъестественнымъ. Благодаря своему необыкновенному происхожденію, Мохаммедъ съ самаго рожденія былъ невиненъ. Отъ искушеній дьявола онъ былъ совсѣмъ свободенъ. Послѣдній нѣсколько разъ, правда, соблазнялъ его, но безуспѣшно. Мохаммедъ былъ совершеннымъ вплоть до своего призванія; въ должности про-

рока онъ оставался чистымъ, настоящимъ ангеломъ свѣта. Очевидные промахи Мохаммеда въ родѣ, напр., его непослѣдовательности, выразившейся въ поклоненіи идоламъ, комментаторами или совершенно отрицаются, или ступеваются подъ прикрытие легендъ и чудесъ. Послѣ смерти пророкъ на крылатомъ конѣ Баракѣ отправился прямо на седьмое небо; тамъ онъ живетъ въ качествѣ безгрѣшнаго друга Аллаха и усерднаго предстателя за мусульманъ. Такимъ образомъ, въ мусульманскомъ преданіи Мохаммедъ занялъ мѣсто друга Божія, и тотъ самый исламъ, который нѣкогда и слышать не хотѣлъ о признаніи кого-либо близкимъ къ Богу, предписываетъ теперь своимъ правовѣрнымъ воздавать Мохаммеду божескія почести, молиться Ему и призывать Его имя чаще, чѣмъ имя Аллаха.

Въ противоположность личнымъ чертамъ Будды, какъ бы расплывающимся въ туманѣ, *характеръ исламскаго пророка* является очень рѣзко очерченнымъ и прозрачнымъ. Исторія даетъ намъ возможность узнать его гораздо лучше, чѣмъ Будду, проникнуть въ сокровенные уголки его сердца, изучить его интимныя отношенія къ своимъ женамъ, къ друзьямъ и врагамъ.

Мохаммедъ всю жизнь былъ больнымъ, хотя и не высматривалъ такимъ. Природа надѣлила его очень представительною наружностью; онъ былъ средняго роста и обладалъ чрезвычайной мускульной силой, такъ что успѣшно состязался въ извѣстнѣйшими борцами своего времени. Онъ имѣлъ большую голову, осанистую бороду, тонкія черты лица и розовыя щеки; глаза его были большіе, черные. Когда онъ сердился, на лбу, надъ бровями, у него сильно надувалась жила; зубы у него были рѣдкіе и ослѣпительной бѣлизны. На нижней губѣ находилось родимое пятно. Его волосы сохранили темный цвѣтъ вплоть до его смерти. Мохаммедъ иногда красилъ ихъ въ коричневый цвѣтъ и часто умащалъ благовоніями. Только собираясь въ послѣдній разъ въ Мекку, онъ велѣлъ совѣмъ остричь ихъ. По пятницамъ, передъ молитвой, пророкъ подстригалъ себѣ усы и ногти. Онъ обращалъ много вниманія на свою внѣшность. Наиболѣе красивой была у него могучая шея, высившаяся надъ широкою грудью. Одежда его, какъ и у Будды, была желтая, подъ нею онъ носилъ нѣчто въ родѣ льняного подрясника и бумажную рубаху. Оригинальнымъ у Мохаммеда было то, что онъ никогда, даже во время предсмертной агоніи, не выпускалъ изъ рукъ зубочистки и никогда не купался, а только постоянно омылся дома.

Благочестіе было лучшей основной чертой его характера и замѣтно во всѣхъ его словахъ и поступкахъ. Когда, въ 622 г., передъ бѣгствомъ, въ пещерѣ Абубекрѣ уговаривалъ его быть осторожнымъ, указывая на то, что ихъ только двое, Мохаммедъ отвѣтилъ: «насъ—трое: съ нами Богъ». Когда его единственный сынъ Ибрагимъ,—рожденный отъ христіанки-рабыни Маріи,—умеръ въ нѣжномъ возрастѣ, Мохаммедъ сказалъ: «я огорченъ разлукой съ тобою; мои глаза проливаютъ слезы и мое сердце грустно; но я не хочу жаловаться и тѣмъ прогнѣвлять Господа. Еслибъ я не былъ убѣжденъ, что послѣдую за тобою, то горе мое было-бы несравненно большимъ, но мы оба Божьи и вернемся къ Нему въ свое время». Послѣ погребенія Ибрагима, Мохаммедъ сталъ передъ могилой и воскликнулъ: «сынъ мой, скажи (тамъ): «Богъ былъ моимъ Владыкой, посланникъ Божій—отцомъ, а исламъ—моей вѣрой». Трогательна также его исповѣдь, принесенная имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. «О, Боже, Ты слышишь мои слова и видишь мѣсто, гдѣ я стою, знаешь внутренняя моя и виѣшняя, ничто во мнѣ не сокрыто предъ Тобою. Робкій, умоляющій, ищущій защиты, пуждающійся въ помилованіи и слабый, я исповѣдую Тебѣ грѣхи свои,—стою, какъ нищій предъ богатымъ, какъ преступникъ предъ судьей и молю Тебя преклоненный и съ полными слезъ глазами. Боже, не оставь невыслушанной мою молитву, будь милостивъ ко мнѣ; лучший изъ всѣхъ, къ которымъ обращаются за чѣмъ либо, будь милосердъ ко мнѣ, Ты (благъ) лучший раздаятель. Къ Тебѣ прибѣгаю: спаси меня отъ ужасовъ могилы, отъ мятежа душевнаго, отъ разстройства моихъ отношеній и отъ злобы всѣхъ злобствующихъ». Молитва была для Мохаммеда сердечнымъ священнодѣйствіемъ. Ею онъ начиналъ и ею же оканчивалъ день, сдѣлавъ ее одной изъ главныхъ обязанностей мусульманъ. Одному арабскому племени, которое готово было принять исламъ, но безъ молитвы, пророкъ отвѣтилъ: «вѣра безъ молитвы никуда не годится».—Такому покорному предъ Богомъ и благочестивому сердцу соотвѣтствуютъ скромность, мягкость и ласковость въ обращеніи съ людьми. Могущественный повелитель, одного знака котораго слушались тысячи его послѣдователей, который могъ быть обладателемъ безцѣнныхъ богатствъ,—отличался, подобно Буддѣ, поразительной простотой и невзыскательностью. Его простые шатры не были обставлены блескомъ и не имѣли какихъ-либо украшеній. Онъ спалъ на одномъ матрацѣ, зимою покрываясь про-

стымъ одѣяломъ. Провизию Мохаммедъ покупалъ на базарѣ самъ и самъ же приготовлялъ себѣ пищу. Его ужинъ былъ очень простъ: пророкъ довольствовался однимъ блюдомъ, а часто такъ и однимъ сухимъ хлѣбомъ. Въ обиталищѣ его иногда по цѣлымъ днямъ не было видно огня, и когда его спрашивали, чѣмъ питались онъ и его жены, онъ отвѣчалъ: «ничѣмъ, кромѣ финиковъ». Онъ раздавалъ деньги направо и налѣво и, умирая, не оставилъ послѣ себя почти ничего. Онъ нищенствовалъ въ то время, какъ его приверженцы обогащались. Однажды, когда люди его подняли ропотъ за то, что онъ все свое добро раздаетъ корейшитами, Мохаммедъ отвѣтилъ: «не блуждали-ли вы въ то время, когда я пришелъ къ вамъ, по ложному пути, и не повелъ ли я васъ по настоящему пути—къ Богу. Не были вы бѣдны, и не обогатилъ ли я васъ? Не находились ли въ разединеніи, и не соединилъ ли я васъ»? Недовольные должны были согласиться съ пророкомъ и сказали: «истинно, ты—посланникъ Божій, сдѣлалъ намъ много благодарій». Судя по всему, Мохаммедъ былъ относительно честной и сильной личностью, достойной любви и почестей со стороны 180 миллионовъ его послѣдователей, и въ тоже время это была настоящая демоническая, раздвоенная природа, къ которой можно примѣнить слова поэта:

„Ахъ, двѣ души живутъ въ груди моей,
 Другъ другу чуждыя—и жаждутъ раздѣленья.
 Изъ нихъ одной мила земля—
 И здѣсь ей либо, въ этомъ мірѣ,
 Другой—надзвѣздныя поля,
 Гдѣ духи носятся въ эфирѣ“.

Если духъ лжи былъ злымъ духомъ пророка, то чувственность была цѣною, предложенною демономъ сладострастія, чтобы всегда держать плѣнникомъ погрязнушаго въ ней пророка. Цѣломудріе было совершенно чуждо Мохаммеду, а женщина, по его выраженію, была для него только «почвой». Такимъ образомъ, *Мохаммедъ унижилъ женщину* еще больше, чѣмъ презиравшій ее Будда. Весьма возможно, что это находилось въ связи съ его болѣзью. Этимъ объясняется также и позднѣйшая его болѣзнь—*Satyriasis*. Пророкъ думалъ, что чувствєнныя наслажденія благотворно вліяютъ на его воображеніе, почему и говорилъ: «мое единственное удовольствіе на землѣ—женщины, благовонія и молитвы». Не будемъ удивляться, что это сластолюбіе уживалось въ пророкѣ съ сатанинской жестоко-

стью и тиранствомъ. Часты случаи, когда нравственно падшій нарушитель супружескаго обѣта дѣлается убійцей и злодѣемъ. Мохаммедъ развѣ не былъ предводителемъ разбойничьей шайки, устраивавшей набѣги на караваны, и жестокимъ истребителемъ евреевъ? Черствый, деспотичный и гнѣвный, лишенный всякаго состраданія,—человѣкъ, которого не трогаль плачь казнимыхъ дѣтей и женщинъ, коварный убійца, повелѣвшій однажды людямъ, укравшимъ у него нѣсколько верблюдовъ, выколоть глаза, отрубить руки и ноги и бросить ихъ на скалы въ добычу мучительной голодной смерти,—такой пророкъ покрыль вѣчнымъ позоромъ свое имя и заслужилъ названіе *лже-пророка.*

Пагубная раздвоенность личныхъ качествъ Мохаммеда, естественно, сообщилась и основанной имъ религіи. Въ самомъ дѣлѣ, что иное представляетъ собою весь исламъ, какъ не рабскую покорность правовѣрныхъ по отношенію къ деспотически-грозному Аллаху, соединенную съ мучительнымъ соблюденіемъ всѣхъ предписаній, съ слѣпою преданностью неизбѣжному року, отъ котораго не можетъ избавиться ни одинъ рабъ могущественнаго Владыки, требующаго отъ всѣхъ мусульманъ отваги и рѣшимости для Своей славы, награждаемыхъ грубо-чувственными воздаяніями въ загробной жизни,—это съ одной стороны, а, съ другой, оплачиваемая позорнѣйшимъ приниженіемъ женщины безправственность гаремныхъ отношеній, безсердечность по отношенію къ рабамъ и къ иновѣрующимъ, чисто азіатская жестокость и мстительность, грубость и деспотизмъ, эти качества Мохаммеда служатъ отличительными признаками также и созданнаго имъ ислама. Если въ нравственномъ отношеніи Мохаммедъ уступаетъ Буддѣ, то его религія немногимъ выше буддизма, и обѣи посятъ на себѣ печать временности и неистинности.

Мы воздали буддизму должную дань уваженія за то, что его проповѣдники не прибѣгали къ мечу. Исламъ въ этомъ отношеніи стоитъ далеко позади своего собрата. Церковная исторія ислама есть исторія его войнъ. Основанная на силѣ меча, теократія можетъ держаться только при его же и помощи. Ея путь залить кровью, развалины указываютъ дорогу, по которой она прошла. Въ годъ смерти Мохаммеда вся Аравія при помощи ислама была соединена въ одно національное цѣлое. Номадскія племена сознали свою силу: въ порывѣ перваго религіознаго увлеченія они перешли родной рубежъ и съ

крикомъ: «пѣть Бога, кромѣ Бога и Мохамметъ Его пророкъ», покинули пустыню и степи. «Воюйте съ невѣрными до тѣхъ поръ, покуда не будетъ искушенія, пока не будетъ одного только вѣрослуженія Богу!» (8,40). Эти слова передавались изъ устъ въ уста. Съ неустрашимой храбростью, подъ начальствомъ талантливыхъ полководцевъ, пользуясь необычайнымъ, граничащимъ съ чудомъ, военнымъ счастьемъ, ринулось впередъ мусульманское войско и быстро покорило народы. Замѣчательное явленіе! Исламскій полумѣсяцъ заблесталъ прежде всего въ тѣхъ, именно, странахъ, гдѣ родился Спаситель міра, гдѣ Онъ основалъ Свою церковь, и гдѣ крестъ Его осѣнялъ собою многочисленные храмы: въ Палестинѣ, Египтѣ и Сиріи. Судь Божій свершился надъ христіанскимъ родомъ! Не принявшіе ислама христіане оказались въ очень тяжкомъ положеніи. Когда патриархъ Софроній сдавалъ калифу Омару Іерусалимъ, было постановлено: «христіане не должны звонить въ колокола, а только слегка ударять въ нихъ; запрещается постройка новыхъ храмовъ; проѣзжающіе мусульмане въ теченіе трехъ дней должны безвозмездно получать пріютъ и пищу; христіане не будутъ принуждаемы учить своихъ дѣтей корану, но за то и они не должны открыто говорить о своей вѣрѣ съ мусульманами, не должны уговаривать ихъ принимать христіанство, а также не должны мѣшать своимъ родственникамъ переходить въ исламъ; свои кресты и книги они не должны никому показывать на улицѣ; христіане должны мусульманамъ вездѣ уступать дорогу, причемъ имъ запрещается ношеніе мусульманской одежды и стрижка волосъ, на подобіе правовѣрныхъ; запрещается ношеніе оружія, ѣзда на осѣдланныхъ лошадяхъ и продажа вина. Христіане не должны брать въ услуженіе того, кто раньше служилъ у правовѣрнаго; должны точно платить дань и признавать калифа своимъ верховнымъ повелителемъ». Въ свою очередь, мусульманамъ подъ страхомъ смертной казни было запрещено читать книги враждебныя исламу. Только одинъ разъ, при вѣротерпимыхъ, свободомыслящихъ абассидахъ христіанамъ блеснулъ лучъ надежды. Когда калифатъ перешелъ къ Абассидамъ, Абдъ-Аллахъ воскликнулъ: «истинно, калифатъ въ силу божественнаго рѣшенія перешелъ въ нашъ домъ и останется при немъ до тѣхъ поръ, пока мы не передадимъ его въ руки Христа, Сына Маріи». Но это былъ послѣдній лучъ заходящаго солнца. Въ общемъ, исламъ больше нанесъ вреда христіанству, нежели буддизму. При первыхъ калифахъ, въ качествѣ ближайшихъ

родственниковъ, ставшихъ во главѣ теократическаго государства Мохаммеда и соединившихъ въ своемъ лицѣ неограниченную духовную и свѣтскую власть, т. е., при *Абу-бекрѣ*, *Омарѣ*, *Отманѣ* и *Али*, были завоеваны: въ 640 г. Палестина, Сирія и Египеть, а въ 651 году Персія. Послѣ прекращенія этой династїи верховную власть унаслѣдовалъ домъ *Оммайядовъ* (661—750 г.), перенесшихъ свою резиденцію изъ Медины въ Дамаскъ. Они простерли свою власть надъ всей сѣверной Африкой. На западѣ они достигли Испанїи (711 г.), а на востокъ—береговъ Инда. Византїйская имперія съ ея столицей Константинополемъ, которому постоянно угрожалъ врагъ, держалась лишь съ трудомъ. Во Франціи же нѣмецкое войско во главѣ съ *Карломъ Мартеломъ* положило предѣлы побѣдному шествію мусульманскихъ героевъ въ битвѣ подъ Туромъ и Пуатье (въ 722 г.). Въ моментъ перехода власти отъ Оммайядовъ къ блестящимъ, жизнерадостнымъ, свободомыслящимъ *Абассидамъ* полумѣсяцъ сверкалъ надъ необъятнымъ царствомъ, начиная отъ столбовъ Геркулеса,—надъ всею Африкой и надъ Азіей, вплоть до китайской границы, и подъ его сїаньемъ расцвѣли мусульманскія искусства и науки, торговля и промышленность, главнымъ образомъ, во вновь выстроенной роскошной столицѣ—Багдадѣ на Тигрѣ, по вмѣстѣ съ тѣмъ начался также и упадокъ. Калифовъ стали назначать и смѣщать ихъ турецкіе тѣлохранители. Калифы удержали за собою только одно духовное главенство, а свѣтскую власть (эмиратъ) уступили предводителю придворной стражи, Эмиру-аль-Омра. Страшныя бури разразились теперь надъ исламскою церковью. Турецкое племя сельджуковъ вырываетъ свѣтскую власть у калифовъ въ 1058 г. и храбро защищаетъ гробъ Господень въ Иерусалимѣ отъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, а въ 1258 г. верхъ одерживаютъ монголы. Медленно, при *Османѣ*, образуется въ Малой Азіи новое царство *Турокъ Османлисовъ*. Вмѣстѣ съ храбрыми янычарами оно становится твердою ногой въ Европѣ, въ странахъ по нижнему теченію Дуная, и, когда проходитъ, наконецъ, ужасная опасность, вызванная нашествіемъ монголовъ Тимурленка, султанъ Мохаммедъ II завоевываетъ въ 1453 г. со своими османлисами Константинополь и на Св. Софїи вмѣсто креста водружаетъ блѣдный полумѣсяцъ. Это послѣднее событіе, жертвой котораго пала Византїйская Имперія, довольно истощила силы ислама. Всѣ дальнѣйшіе походы, напр., даже въ Венгрію и Австрію подъ стѣны ея столицы Вѣны, были побѣдоносно отражены хри-

стіанами подъ предводительствомъ сначала польскаго короля Яна Собѣскаго, а потомъ принца Евгенія. Точно также отражаются опи и нынѣ. Уже нѣсколько столѣтій, какъ исламъ достигъ предѣла развитія своего могущества, хотя ему еще и теперь кое-гдѣ въ Африкѣ достаются въ добычу незначительныя племена, въ родѣ, напр., кабилскаго, перешедшаго во власть турокъ (въ послѣдніе годы). Давно уже сказано имъ съ неба: «доселѣ преjdeши»...

Этотъ могучій территориальный ростъ мусульманскаго калифата неминуемо долженъ былъ оказать огромное вліяніе на развитіе религіознаго духа и ученія мохаммеданства. Прежде всего, блестящія побѣды ярче озарили личность самого пророка, подъ знаменемъ и во имя котораго велись всѣ эти войны. По смерти Мохаммеда мусульмане могли бы отпасть отъ ислама; равнымъ образомъ и мекканцы, евреи и христіане могли бы вздохнуть свободно; однако, случилось не это, а совершенно противоположное. Подъ знаменемъ пророка вскорѣ послѣдовали одна за другою блестящія побѣды, и Абу-бекръ съ Омаромъ увлекли мусульманъ впередъ, указавъ имъ вдали заманчивыя перспективы. Опьяненные побѣдами, массы забыли грѣхи пророка,— и послѣдній съ исторической почвы былъ быстро перенесенъ въ область легендъ и фантазій.

Подобно тому, какъ личность Будды все больше и больше обожествлялась въ сознаніи выродившагося племени, такъ точно и Мохаммедъ превратился въ представителя Бога и чудотворца, разбѣжшаго пополамъ луну и свершившаго воздушное путешествіе въ рай. Калифы были довольно догадливы, чтобы культивировать эту вѣру, столь важную для воспламененія фанатизма въ ихъ войскахъ.

Для ислама болѣе важнымъ, чѣмъ этотъ апоѳеозъ пророка, оказалось *измѣненіе самого понятія о Богѣ*. Если уже самъ Мохаммедъ изображалъ Бога въ видѣ челоѣкообразнаго существа и надѣлялъ его челоѣческими качествами и страстями, а также рисовалъ самыми грубыми чувственными красками картины будущаго рая и ада, то ортодоксальная традиція, естественно, обратила Бога въ еще болѣе чувственное Существо. Его надѣлили фигурой, лицомъ, руками, вьющимися густыми волосами, золотыми сандалями, и посадили на небесномъ тронѣ. Аллахъ управляетъ міромъ, какъ своенравный восточный деспотъ. Въ неизмѣнномъ предопредѣленіи Онъ разъ навсегда назначаетъ челоѣку спасеніе

или гибель, зло и добро, смерть и несчастье. Спасеніе чело-
вѣка зависитъ отъ настроенія духа Вседержителя и отъ Его
произвола; понятіе о свободѣ воли исчезло, и религія спу-
стилась еще ниже, нежели при Мохаммедѣ. Она преврати-
лась въ совокупность внѣшнихъ, чисто механическихъ обрядовъ,
заглушающихъ развитіе духовнаго начала. Духъ, достигшій въ
этой ортодоксальной традиціи своихъ крайнихъ предѣловъ и
воплотившійся въ ней, былъ духомъ іудео-языческимъ.

Однако, противъ религіознаго вырожденія возстали христіан-
скія начала, жившія въ исламѣ, и вызвали подобное же раздѣле-
ніе между окостенѣвшей традиціей и чистымъ ученіемъ, какое
испыталъ и буддизмъ въ моментъ отдѣленія южной церкви отъ
сѣвернаго ламаизма. Ламаизмъ и исламская ортодоксія имѣютъ
въ своемъ, сообразномъ съ преданіемъ, развитіи много сход-
наго. Они очеловѣчили Бога, создали жреческую олигархію и
закабалили народы, почему и вызвали противъ себя сильную
оппозицію. Разумъ и чувство собственнаго человѣческаго до-
стоинства заставили многихъ мусульманъ отнестись враждебно
къ ортодоксальному направленію въ исламѣ, т. е. къ сунни-
тамъ, упрямо державшимся корана и традиціи. Въ VIII-мъ в.
образовалась секта *моргитовъ*, выработавшихъ болѣе возвышен-
ное представленіе о Богѣ и вѣровавшихъ въ прощеніе грѣ-
ховъ. Моргиты выше всего ставили религіозное настроеніе и
чистую внутреннюю вѣру, и утверждали, что грѣхи будутъ
прощены, разъ налицо будутъ эти настроеніе и вѣра. Они
утверждали также, что ни одинъ вѣрующій мусульманинъ не
останется въ аду навѣки. Схизма съ ортодоксальной церковью,
однако, еще не наступила. Она была вызвана появившимся
между 718 и 849 годами могучимъ движеніемъ секты *мота-
цилитовъ*, т. е. «отдѣляющихся». Если моргиты считали
судьбу челоѣка болѣе снисходительной и выражали надежду
на спасеніе, то мотацилиты сдѣлали еще шагъ впередъ, на-
дѣливъ деспотическаго Аллаха мягкими душевными качествами.
Кромѣ того, они провозгласили принципъ свободной воли. Ими
открыта была смѣлая борьба, во имя умственной и нравствен-
ной свободы челоѣка, противъ деспотіи подавляющаго всякое
самостоятельное проявленіе духа догматизма. При абассидахъ
ученіе это сдѣлалось на короткое время государственной дог-
мой. Впослѣдствіи ортодоксальная партія опять очутилась у
кормила правленія. Торжество ортодоксальнаго направленія
было обусловлено не столько паденіемъ абассидовъ, сколько

находящеюся, въ связи съ мотацитскимъ ученіемъ, испорченностью нравовъ. Доселѣ скованный жреческими цѣпями, исламскій народъ почувствовалъ себя теперь вдругъ свободнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Богу и людямъ, но, къ несчастію, превратилъ эту духовную свободу въ грубочувственную. Онъ оказался не въ состояніи ужиться съ такой самостоятельностью. Побѣда ортодоксіи является поэтому совершенно понятной. Тѣмъ не менѣе, мотацитское движеніе оказало надолго благотворное вліяніе на мусульманъ; оно смягчило отчасти крайности ортодоксальнаго ученія. Богъ превратился теперь въ безплотное Существо безъ рукъ и безъ лица. Осталось, однако, ужасное ученіе о предопредѣленіи. Богъ награждаетъ и наказываетъ, кого хочетъ и какъ хочетъ, не обращая никакого вниманія на заслуги и вины, такъ какъ Онъ уже заранѣе и безусловно предопредѣлилъ добрыя и худыя дѣла во всякомъ человѣкѣ. Эта фаталистическая вѣра царитъ въ мусульманствѣ и по нынѣшній день, являясь неодолимымъ препятствіемъ для внутренняго усовершенія религіи. Исламъ пережилъ еще третій моментъ, послужившій къ углубленію ортодоксальнаго направленія. Мы имѣемъ въ виду мохаммеданскіе *монашескіе ордена*. Буддійское и христіанское монашество, каждое въ своей мѣрѣ, оказали вліяніе на возникновеніе исламскаго монашества. Религіозно неудовлетворенные мусульмане съ фанатическимъ жаромъ бросились на этотъ новый путь спасенія, и уже около 800 г. въ одномъ Іерусалимѣ, говорятъ, насчитывалось 20.000 аскетовъ, посвятившихъ себя созерцательной жизни. Они носили плащи изъ грубой овечьей шерсти, почему и были названы *суфьями, или дервишами (нищими)*. Въ качествѣ миссіонеровъ они обходили пѣшкомъ все страны востока и проповѣдывали мусульманское ученіе. Подвергая себя страшнымъ истязаніямъ, они обращали на себя тѣмъ большее вниманіе. Своими подвигами, грубымъ одѣяніемъ и тарелкой для сбора милостыни они очень походили на своихъ буддійскихъ собратьевъ. Новымъ, подѣйствовавшимъ живительнымъ образомъ на исламъ, былъ мистицизмъ этихъ монаховъ. Они любили вести созерцательную жизнь и, окончателно плѣненные внутреннимъ характеромъ буддійской и христіанской жизни, задумывались надъ тѣмъ, какъ бы имъ самимъ совершенно соединиться съ Богомъ въ любви. Нѣкоторые изъ нихъ вѣрили въ эту возможность искренно, другіе просто-на-просто были только наивными мечтателями, большинство же состояло

изъ кощунствовавшихъ обманщиковъ и лицемѣровъ. Какъ и слѣдовало ожидать, и здѣсь не обошлось безъ измѣненія въ мусульманскомъ богословіи. Неподвижное монотеистическое понятіе Мохаммеда о Богѣ теперь превратилось въ пантеистическое, экстазъ служилъ средствомъ для сліянія съ Богомъ. Образъ жизни, окружающая природа, но преимущественно собственный темпераментъ благопріятствовали появленію религиозно-экстатическаго возбужденія, и, разъ было установлено, что эти экстазы служатъ вѣрнымъ признакомъ благочестиваго ума и религиозной настроенности, — мистическій суфизмъ охватилъ широкіе круги, даже всю ортодоксальную церковь, и внесъ въ нее нѣкоторыя измѣненія. Началось аллегорическое толкованіе корана для согласованія его съ господствующими идеями; суровое понятіе Божества превратилось въ мистически-неопредѣленное. Замкнутая религиозная система сдѣлалась эластичною, аллегорически-неясною. Появилось множество святыхъ, и вѣра въ нихъ стала оказывать все большее и большее вліяніе на исламитовъ. Отношенія къ Богу сдѣлались болѣе задушевными и нашли себѣ выраженіе въ проникновенной религиозной поэзіи, появившейся одновременно въ Персіи и въ Индіи, гдѣ мистическій суфизмъ превратилъ монотеистическій взглядъ на божество въ пантеистическій. Благодаря суфизму, весь исламъ подвергся измѣненію, хотя въ наши дни въ мечетяхъ и въ высшихъ школахъ и проповѣдуется болѣе сильной ортодоксальной партіей старинная, окаменѣвшая въ своей неподвижности, догматика. Что же касается религиозныхъ воззрѣній народа, то суфизмъ оказалъ на нихъ сильное вліяніе. Кто полагаетъ, что, изучивъ коранъ, онъ ознакомится съ наличными религиозными воззрѣніями мусульманъ, тотъ будетъ такъ же далекъ отъ правды, какъ и тотъ, кто захотѣлъ бы исгаты, напримѣръ, духъ римской куріи — въ Евангеліи.

Однако, всѣ эти болѣе свободныя теченія не привели къ реформаціи ислама, а вызвали одну только схизму. Подобно, какъ въ буддизмѣ, и здѣсь указанные теченія привели къ расколу, — пожалуй, только не къ столь строгому, и вызвали къ жизни *шітскую церковь въ Персіи*. Эти персидскіе шиты не были совершенно точными выразителями духовныхъ воззрѣній мортитовъ и мотацилитовъ; они не воспользовались христіанскими идеями, заключавшимися въ ученіяхъ этихъ сектъ. Они только отчасти отвергаютъ преданіе, признаютъ Али, зятя Мохаммеда, его законнымъ преемникомъ, обожествляютъ его и считаютъ

первых трех калифовъ: Абу-бекра, Омара и Отмана узурпаторами и отвергаютъ династію оммайдовъ. Мистицизмъ развился въ Персіи больше, чѣмъ гдѣ либо, и расцвѣлъ тамъ пышными философскими и поэтическими цвѣтами. Имя «суфи» равносильно въ Персіи слову «свободомыслящій». Такихъ свободомыслящихъ въ Персіи ок. 30.000. Они совершенно чужды исламу. Впрочемъ, это болѣе свободное умственное направленіе прежнихъ реформаторскихъ попытокъ не нашло себѣ въ Персіи дальнѣйшаго развитія. Обожествленіе шаховъ и все религіозное и социальное устройство съ многоженствомъ и рабствомъ ставить шитовъ отнюдь не выше прочихъ мусульманъ.

Не смотря на цѣлый рядъ неудавшихся реформаторскихъ попытокъ, таковыя продолжаютъ, тѣмъ не менѣе, обнаруживаться отъ времени до времени и теперь. Такъ, наприм., полтора вѣка тому назадъ, приблизительно въ 1750 г., на исторической сценѣ внезапно появилось реформаторское движеніе ваххабитовъ, подъ начальствомъ ибъкогого Ваххаба. Послѣдній рѣшилъ вернуть исламу его первоначальную чистоту, уничтожить языческое почитаніе полубога Мохаммеда и безчисленныхъ святыхъ. Всѣ люди, утверждалъ Ваххабъ, равны предъ Богомъ, и потому нѣтъ нужды ни въ какихъ посредникахъ. Почитаніе реликвій и различныя злоупотребленія были запрещены. Движеніе ваххабитовъ было реформаціей ислама. Сынъ Ваххаба основалъ могущественное царство, въ 1803 г. взялъ Мекку, опустошилъ Карбалу—національную святыню шитовъ, но въ 1812 г. былъ изгнанъ изъ священнаго города и потерялъ все свое войско. Однако, сила ваххабитовъ этимъ не была еще окончательно сломлена. Въ настоящее время они держатъ въ своихъ рукахъ почти всю центральную Аравію и образуютъ военно-теократическое государство, способное сдѣлать, пожалуй, еще больше, нежели сколько сдѣлано было доселѣ. Столица его—Рійядъ.

Весьма вѣроятно, что исламъ переживетъ еще много такихъ потрясеній, прежде чѣмъ покорится христіанству. Религія, не приближающая людей къ Богу, но внушающая имъ страхъ передъ деспотическимъ Аллахомъ, религія, которая заставляетъ почитать такого явно грѣшнаго и несовершеннаго человека, какъ Мохаммедъ, дѣлающая коранъ суевѣрно почитаемой мистической книгой, сковывающей умъ и совѣсть, религія, оставляющая своими предписаніями сердце неудовлетвореннымъ, усвояемая памятью и поощряющая болѣе механическую

обрядность, потворствующая многоженству, узаконяющая рабство и деспотию, задерживающая народы на пути духовнаго и соціалнаго прогресса, внушающая имъ самомнѣніе и гордыню,—такая религія, не смотря на заключающіяся въ ней проблески истины, должна погибнуть. Старый исламъ не пригоденъ для новаго времени. Есть два фактора, дѣйствующіе въ наши дни разрушающимъ образомъ на гнилое основаніе ислама и медленно готвящіе его окончательное паденіе. Во 1-хъ, суфизмъ, мало-по-малу подрывающій старое зданіе ислама и дѣлающій религію больше предметомъ настроенія и чувства, чѣмъ мысли и внѣшней дѣятельности, и, во 2-хъ, проникающее повсюду на востокъ вліяніе христіанъ-европейцевъ и ихъ цивилизациі, превосходство которой настолько очевидно, что мусульманинъ, видя ее, не можетъ не усумниться въ самомъ себѣ и въ своей вѣрѣ. Европейское вліяніе вызываетъ въ мыслящихъ классахъ, прежде всего, индифферентизмъ къ исламу, въ настоящее время сильно разившіяся особенно въ высшемъ турецкомъ обществѣ, главнымъ же образомъ въ Египтѣ, а затѣмъ—стремленіе къ лучшему. Старинный духъ ислама на нашихъ глазахъ улетучивается, хотя внѣшняя оболочка остается все еще прежней. Коранъ не читается теперь съ жаромъ прежнихъ временъ, если же его читаютъ, то больше по привычкѣ, изъ чувства суевѣрія, а подчасъ и ханжества. Продажа корана невѣрующему считалась прежде смертнымъ грѣхомъ, теперь на чистыя деньги она практикуется безъ всякихъ колебаній совѣсти. Есть уже много мохаммеданъ, которые отказываются отъ рекомендованнаго кораномъ многоженства, справедливо видя въ послѣднемъ одну изъ главныхъ причинъ своего національнаго упадка.

Глубокое недовольство замѣтно въ наши дни у всѣхъ исламскихъ народовъ: выражается желаніе сбросить политическія и религіозныя оковы. Не такъ давно мы слышали о движеніи, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ высшихъ офицеровъ Мульви-Шерагъ Али Сахибъ и судейскій чиновникъ Сейхъ-Амиръ Али Сахибъ. Вооруженные современнымъ знаніемъ, они безстрашно боролись противъ абсолютной власти корана. Въ одномъ изъ критическихъ сочиненій Али Сахиба говорится: «прогрессъ мохаммеданскаго міра тормозится держаніемъ въ оковахъ человѣческой мысли... Мусульманинъ, который хотѣлъ бы привести въ согласіе свою совѣсть съ древними законодательными книгами, долженъ былъ бы руководиться идеями людей, жившихъ въ IX вѣкѣ и неимѣвшихъ

никакого представлення о томъ, что требуется въ XIX-омъ... Рабское поклоненіе буквѣ и пренебреженіе духомъ корана-характерныя черты нашихъ ученыхъ. Есть въ исламѣ законы, находящіеся въ полномъ противорѣчій съ потребностями правовѣрныхъ въ Индіи или въ Турціи. Необходимость реформъ заявляетъ о себѣ все громче и настойчивѣе. Старые комментаторы нашего закона сдѣлали неизмѣннымъ базисомъ исламскаго ученія то, что имѣло въ самомъ дѣлѣ лишь преходящее значеніе. Соціальная система, бывшая хорошею для варварскихъ временъ, для насъ, вкусившихъ теперь отъ плодовъ европейской цивилизаціи, больше не годится... Надо полагать, что, съ измѣненіемъ политическаго строя востока, опирающагося на исламъ и, въ свою очередь, покровительствующаго послѣднему, самъ исламъ долженъ будетъ измѣнить свое направленіе. Исламъ воспиталъ дикія языческія народности, вкоренилъ въ нихъ идею монотеизма и строгой законности, утвердилъ вѣру въ загробную жизнь, но онъ не удовлетворилъ духовной жажды и нравственно не возродилъ своихъ послѣдователей. Въ извѣстномъ отношеніи подобно Моисею Закоу, явившемуся раньше христіанства, для котораго онъ только подготовилъ почву, исламъ можетъ быть только своего рода «пѣстуномъ», трудящимся для кого-то болѣе Сильнаго. А кто этотъ болѣе Сильный, какъ не Господь Исусъ Христъ?

3. Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о безцѣнномъ значеніи принесенной Христомъ жертвы.—Глубина прародительскаго грѣхопаденія и его тяжкія послѣдствія.—Невозможность „культурнаго“ самоискупленія.—искупленія посредствомъ ангела или какого-либо другого тварнаго существа и потребность въ Искупителѣ - Богочеловѣкѣ.—Вопросъ о причинѣ страданій Искупителя.—Ихъ добровольная неизбѣжность и необыкновенная тяжесть.—Рѣшеніе возраженій противъ Божія правосудія и страданія Невиннаго за виновныхъ.—Смерть и воскресеніе Христовы.—Заключеніе.

Если бы не крайняя, происходящая изъ неотступныхъ требованій человѣческаго ума и сердца, необходимость дать себѣ сознательный отчетъ въ превосходствѣ христіанства надъ буддизмомъ и мохаммеданствомъ, а не съ чужихъ только словъ и по-привычкѣ твердить о немъ, то, въ разсужденіи о послѣднихъ дняхъ Спасителя, поистинѣ «да молчитъ всякая плоть человѣча»: такъ несоизмѣримы Его послѣдніе (въ особенности) дни съ окончаніемъ земнаго поприща Будды и Мохаммеда, такъ преизбыточествуютъ они святымъ содержаніемъ, настолько необъятно велико ихъ спасительное значеніе, въ такой степени поразительны для откровенія чело-

вѣческой злобы и Божіей любви Его крестныя страданія, что, дѣйствительно, чувствуешь себя въ неловкомъ положеніи нарушителя *disciplinae arcanae*, не воздающаго христіанской святынѣ подобающаго ей уваженія. А, между тѣмъ, только изъ благоговѣнія предъ этой святынѣй, недостаточно цѣнимой нѣкоторыми ея обладателями, и проистекаетъ рѣшимость возвести на Голгоу двухъ основателей названныхъ по имени ихъ религій и спросить ихъ: могли ли бы вы такъ умереть, какъ умеръ этотъ Распятый? И если бы ваша страдальческая смерть хотя сколько-нибудь была подобна Его смерти, то могла ли она принести самую малую долю тѣхъ спасительныхъ плодовъ, какіе принесла смерть нашего «Праведника»? Удалось ли вамъ избавить не только міръ весь, но хотя бы только человѣческій родъ, — нѣтъ, только нѣкоторые народы, только своихъ послѣдователей, самое малое число людей, наконецъ, себя самихъ отъ грѣха со всѣми его тяжкими послѣдствіями? Принесли ли вы кому-нибудь изъ смертныхъ истинное счастье и непреходящую радость? Сдѣлали-ль кого нравственно высокимъ, такимъ, кого христіане называютъ «святымъ»? Брошено-ли вами въ житейскія бразды хотя нѣсколько сѣмянъ здоровой жизни, въ которой не только не было бы никакихъ золь и бѣдствій, а, наоборотъ, содержалось бы принципиальное ихъ одолженіе?

Доходящая часто до крайняго безумія человѣческая дерзость бываетъ готова, въ лицѣ хотя бы названныхъ «религіозныхъ гениевъ», отважно принять вызовъ на непосильное для себя испытаніе и отвѣчать утвердительно на предложенные вопросы. Но въ такомъ утвержденіи содержится и смертный ихъ надъ собою приговоръ. Что ни говорилось бы въ подтвержденіе крайняго субъективизма религіозной вѣры, эта послѣдняя, тѣмъ не менѣе, зиждется, прежде всего, на нѣкоторыхъ объективныхъ основахъ, причемъ краеугольнымъ камнемъ каждой религіи служитъ лицо ея основателя. А съ этой стороны ни одна на землѣ вѣра еще не стоитъ такъ твердо и никогда не станетъ, какъ именно христіанство. Причина, повторяемъ, въ Лицѣ Божественнаго Основателя его. Онъ безконечно великъ въ началѣ Своего земного поприща, таковъ же въ самомъ расцвѣтѣ Своего общественнаго служенія, таковъ и въ ужасномъ его исходѣ. Предъ Своимъ выступленіемъ на проповѣдь Онъ слышитъ благовольтельное свидѣтельство о Себѣ Небеснаго Отца, и такое же свидѣтельство раздалось съ неба во время Преображенія Господня на Оаворѣ. Что за дивная и ничѣмъ

ненарушимая гармонія богочеловѣческой жизни, что за непо-стижимое слѣдованіе только Отчей волѣ, что за неизмѣнное и вѣрное себѣ единство спасительныхъ Его мыслей, словъ и дѣйствій! Хотя бы разъ остался Онъ невѣренъ Самому Себѣ или поколебался въ Своей рѣшимости пронести до конца тяжелый крестъ Свой! Тогда не было бы ни Оаворскаго событія, ни повторительнаго Отчаго свидѣтельства, ибо послѣднимъ подтверждается то, что Христось, какъ выступилъ на проповѣдь, будучи возлюбленнымъ Сыномъ, такъ и предъ завершеніемъ Своего дѣла остался таковымъ же, именно, возлюбленнымъ, Котораго необходимо «слушать», и Который совершенно святъ и достоинъ сдѣлаться искупительною Жертвой за грѣхи міра.

Чтобы по достоинству оцѣнить это свидѣтельство, не надо ходить далеко, а только заглянуть внутрь себя самого и чисто-сердечно отвѣтить на вопросъ: хранимъ ли мы себя чистыми отъ всякихъ мірскихъ сквернъ и не измѣняемъ ли постоянно требованіямъ долга и совѣсти? Но «кто же будетъ чистъ отъ скверны, хотя бы онъ только день единый жилъ на землѣ»? Найдите хоть одного великаго изъ великихъ, который не подходилъ бы подъ этотъ упрекъ въ нечистотѣ? Не въ томъ собственно вопросъ, свободны ли мы отъ всякихъ сквернъ, а въ какой высокой степени рабствуемъ грѣху? Какъ ни тяжело сознаться, а сознаться необходимо, что совершенно справедливы слова апостола: «все согрѣшиша»,—все безъ изъятія, великіе и малые, простые и знатные, включая сюда и тѣхъ религиозныхъ гениевъ, гениальность которыхъ отнюдь не помѣшала имъ занять свое мѣсто среди другихъ грѣшниковъ. Что бы ни заключалось великаго въ ихъ душахъ, какими славными подвигами ни ознаменовали бы они свою жизнь, какъ ни блистала бы ореолъ ихъ безподобнаго совершенства, хотя и приписаннаго къ нимъ подчасъ заднимъ числомъ, при всемъ томъ, никто и никакими средствами не въ силахъ вычеркнуть изъ книги ихъ жизни многихъ прегрѣшеній, и мнимые благодѣтели челоуѣчества сами остаются въ трепетномъ ожиданіи своего Благодѣтеля, если только, какъ произошло въ буддизмѣ, такимъ, къ несчастью, не будетъ признанъ самъ же челоуѣкъ. Стало быть, нельзя и поднимать никакой рѣчи объ искупительномъ значеніи житейскаго подвига и смерти какихъ угодно знаменитыхъ представителей рода челоуѣческаго и тѣмъ менѣе умѣстно говорить объ этомъ по отношенію къ Буддѣ и Мохаммеду, незаурядная—только не съ лучшей стороны—смерть которыхъ не имѣла

рѣшительно никакого не только искупительнаго, но даже и просто—высоконазидательнаго значенія для людей. А, главное, сами почившіе не предвидѣли своей скорой кончины и, если допустимъ, что они когда-либо задумывались надъ своимъ исходомъ, то едва ли хотѣли видѣть его такимъ прозаически-зауряднымъ. Будда и Мохаммедъ въ своихъ предсмертныхъ словахъ исповѣдали грѣхи свои, тѣмъ самымъ признавая себя не выходящими въ этомъ отношеніи изъ ряда простыхъ смертныхъ.

Но вотъ еще одна, чисто хронологическая, и для дѣла, по-видимому, только виѣшняя, не имѣющая существеннаго значенія подробность, а, между тѣмъ, она-то именно очень драгоценна не для одного историка, но и для апологета. Мохаммедъ училъ въ теченіе 20 лѣтъ, Будда—въ теченіе 45 лѣтъ, Спаситель только въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ! И что иное представляли собою эти малые годы, какъ не безконечный рядъ искушеній, преслѣдованій и страданій, такъ что земная жизнь Христа Спасителя представляется какъ бы сплошнымъ жертвоприношеніемъ? Исламскій пророкъ съ мечемъ въ рукѣ, индійскій съ непримиримой ненавистью къ этому міру скорбей, и только Онъ одинъ во всеоружіи мира, любви и всепрощенія! Какъ ни старайтесь быть равнодушными при видѣ этого зрѣлища, оно, тѣмъ не менѣе, оставитъ свой слѣдъ въ вашей душѣ, въ противномъ случаѣ вы—погибшій человѣкъ, ибо окаменѣвшее сердце ваше утратило восприимчивость къ самой воплощенной благодати и красотѣ.

Въ житейски-практическомъ отношеніи сыны вѣка сего большей частью счастливѣе сыновъ царствія. Это истинное изреченіе Спасителя вполнѣ оправдалось въ жизни Его и тѣхъ религіозныхъ дѣятелей. Чисто-мірской силѣ двухъ послѣднихъ повиновался міръ, и даже многіе князи мірскіе смиренно преклонились предъ ними: свои узнали своихъ. Но какъ же совсѣмъ иначе эти самые князи отнеслись къ Первородному Сыну царствія! Только еще родившагося Христа уже ищеть убить подозрительный «царь Иродъ»; другой Иродъ, Антипа, точно для поддержанія жестокой репутаціи своего отца, опять хочеть убить смѣлаго Обличителя людскихъ пороковъ; онъ же, когда привели къ нему связаннаго Узника, не нашель ничего лучшаго, какъ только поглумиться надъ Нимъ. Твердо убѣжденный въ совершенной невиновности преданнаго ему Христа, Пилать, въ концѣ концовъ, уступаетъ настойчивымъ Его врагамъ. Остаются еще іудейскіе «архіереи и старцы людскіе», но они-то и были главными виновниками крестной смерти Спасителя. Подлинно, «князи людскіе собрались вкупѣ на Господа и на Христа Его»!

Но почему же, именно, человѣчество не могло искупить *само себя*? И если, дѣйствительно, у него не доставало для этого силъ, то не могъ ли дѣло искупленія совершить какой-либо, напримѣръ, ближайшій къ престолу Божію духъ? Зачѣмъ потребовалась столь великая жертва, да притомъ еще обреченная на такія незаслуженныя страданія и крестную смерть?

Мы отчасти уже касались перваго вопроса и теперь нѣсколько подробнѣе остановимся на немъ. Какъ бы ни была пріятна для человѣческаго самолюбія мысль о возможности самоискупленія, но ея несостоятельность опровергается какъ психологически, такъ и исторически. Наша душа, особенно, въ состояніи невинности (возьмемъ, для слабаго примѣра, особенно младенческую душу), представляетъ собою необыкновенно нѣжную и впечатлительную сущность. Предрасположенная по природѣ своей къ добру, она можетъ достигать въ немъ высокой степени развитія, что мы и видимъ въ лицѣ великихъ благодѣтелей человѣчества и, особенно, святыхъ подвижниковъ. Зауряднымъ смертнымъ становится подчасъ не подъ силу понять, какимъ образомъ «подобострастные» имъ люди могутъ восходить на такую высоту религіозно-нравственнаго совершенства: «душевный человѣкъ не пріемлетъ, яже духа Божія». Но, съ другой стороны, таже человѣческая природа можетъ дойти и до поразительно низкой степени паденія и, притомъ, такъ, что послѣднее прямо пропорціонально предшествовавшей ему душевной чистотѣ. Кто однажды палъ, тотъ при второмъ паденіи уже не станетъ такъ, какъ при первомъ, оплакивать свою невинность. Иное дѣло совершить первый грѣхъ. Какимъ тяжкимъ бременемъ ложится онъ на чистую душу и какими жгучими слезами горести и раскаянія омывается онъ! Неподкупная совѣсть постоянно обличаетъ преступника и не допускаетъ никакихъ компромиссовъ. Ни дружескія рѣчи, ни соображенія пользы, ни ссылка на среду или неумолимыя обстоятельства, ничто не въ состояніи успокоить потрясенной души. Человѣкъ въ этомъ случаѣ безсиленъ умирить человѣка, и, если послѣдній не получитъ себѣ примиренія свыше, то онъ будетъ однимъ изъ «сыновъ погибельныхъ». Вотъ почему во всѣхъ религіяхъ—особыя очистительныя молитвы и церемоніи, а, главное, искупительно-примирительныя жертвы.

Но что сказать о прародительскомъ грѣхопаденіи, именно о тяжести его, имѣя въ виду совершенство первозданнаго человѣка? Отрицать самый фактъ грѣхопаденія—значило бы за-

крывать глаза предъ вопросомъ неотразимой важности и допускать такое возмутительное насиліе надъ религіозной исторіей человѣчества, какого нельзя оправдать никакими соображеніями. Преданія о золотомъ вѣкѣ, говорятъ,—миѡвъ. Но почему же, именно, миѡвъ? Почему никто не считаетъ миѡомъ минувшіе годы невиннаго дѣтства, и не только не видитъ въ нихъ болѣзненнаго бреда мечтательнаго идеалиста, а, наоборотъ, многократно обращается къ нимъ въ теченіе всей своей жизни, почерпая въ нихъ для себя нравственную чистоту и поддержку? Миѡлогія, правда, наивна по своей формѣ, но только не лжива въ своей сущности. И было бы слишкомъ смѣло предполагать, что ея древнее свидѣтельство умолкнетъ по капризному приговору отрицательной критики. Послѣдняя провела аналогію между миѡами и дѣтскими мечтами съ цѣлью обезцѣпить миѡы; но критическое оружіе оказывается о двухъ концахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣтская невинность каждаго изъ насъ представляетъ собою безспорный фактъ, то не только не меньшая, а еще большая безспорность факта должна имѣть за собой миѡлогія. Стало быть, и прародительское грѣхопаденіе—такъ же фактъ, неизмѣримо-печальный въ своемъ существѣ и въ сопряженныхъ съ нимъ послѣдствіяхъ, фактъ, подтверждаемый не одною миѡлогіей, но, прежде всего, божественнымъ откровеніемъ. Отрицать факта нельзя, потому что онъ подтверждается такими данными, которыя изгладить своими силами человѣкъ не въ состояніи. Подобно тому, какъ въ обыденной жизни никто самъ себѣ не даетъ прощенія въ проступкахъ противъ ближняго, такъ и тѣмъ болѣе согрѣшившаго противъ Бога *только Богъ* одинъ и могъ простить. Но грѣхъ извратилъ невинную природу первозданнаго человѣка, и потому требовалось, кромѣ прощенія, еще и возстановить поврежденную природу въ первобытной ея чистотѣ и невинности. Слѣдовательно, тѣмъ необходимѣе требовалась человѣку Божья помощь. Къ сожалѣнію, мы только аналогично можемъ судить теперь о тяжкихъ послѣдствіяхъ грѣхопаденія, но и такое сужденіе не въ пользу мнѣнія, по которому самъ человѣкъ будто бы могъ искупить себя отъ грѣха. Если бы грѣхъ былъ только недостаткомъ совершенства, или необходимымъ условіемъ послѣдняго, или просто дурной привычкой (есть и такое дѣтски-наивное воззрѣніе!), усвояемой младшими отъ старшихъ, или какимъ-то предразсудкомъ, или еще чѣмъ-либо подобнымъ, — тогда еще можно было бы признать относитель-

ное значеніе за легкомысленными теоріями самоискупленія. Но въ томъ и дѣло, что грѣхъ является глубоко проникнувшимъ въ духовнотѣлесную природу человѣка зломъ, сдѣлавшимся, въ свою очередь, его какъ бы второю природой. Такъ твердо уповающіе на всемогущество возростающей культуры точно намѣренно не хотятъ видѣть того важнаго обстоятельства, что ихъ упованіе старо, какъ самъ грѣхъ, что первобытные люди—отнюдь не одичалое племя современныхъ дикарей, но первые наслѣдники спасительныхъ истинъ откровенія въ ихъ неспорченномъ видѣ и самые достойные піонеры человѣческой культуры. Мы склонны подчасъ думать, что дохристіанское человѣчество болѣе или менѣе было пассивнымъ ожидателемъ обѣтованнаго Мессіи, предоставляя честь активныхъ культуртрегеровъ своимъ позднѣйшимъ потомкамъ. А, между тѣмъ, достаточно припомнить хотя бы вавилонское столпотвореніе, чтобы увидѣть въ немъ движеніе могучей силы къ самопрославленію человѣчества и, затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, къ его самоискупленію? Не даромъ даны были людямъ эти пять съ половиной тысячъ лѣтъ до пришествія Христа-Спасителя,—ибо назначеніе ихъ состояло, между прочимъ, и въ томъ, чтобы путемъ горчайшаго опыта убѣдить человѣка въ невозможности самоискупленія. Легко говорить на эту модную тему, особенно при смутномъ представленіи дѣла, подъ одобрительный шумъ слѣпыхъ приверженцевъ матеріалистической эволюціи; но такъ ли легко оправдать фантастическія теоріи,—вотъ въ чемъ вопросъ. Что бы отвѣтило на него дохристіанское человѣчество, особенно въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей? Думается, что потряслись бы самыя основанія преисподней, когда въ ней услышано было бы это новое «благовѣстіе», отъ страшнаго ужаса и отчаянія въ возможности спасенія для «содержимыхъ въ ней крѣпкими узами». Долгіе вѣки мучились въ ней милліоны людей, но тяжесть ихъ страданій смягчалась надеждой на болѣе или менѣе отдаленное искупленіе ихъ грядущимъ Мессіей. И вдругъ ихъ приглашаютъ вкусить сладости надежды отъ человѣческой культуры! Едва ли бы кто протянулъ руку къ этому новому древу познанія добра и зла, и всего менѣе тѣ праведники, которые всю земную жизнь прошли подъ сѣнью спасительнаго упованія на Избавителя и другимъ благовѣстили Его пришествіе. А что сказать о тѣхъ, «чающихъ утѣхи Израилевы», которые находились бы еще на земномъ поприщѣ? Они съ не меньшимъ негодованіемъ отне-

слись бы къ такой проповѣди о спасеніи, подаваемомъ чело-
вѣку культурой. Великое несчастье въ томъ, что эта препро-
славленная культура есть произведеніе того же грѣшнаго че-
ловѣка, и надо только дивиться его душевной слѣпотѣ, по
причинѣ которой въ немъ родилась эта безумная надежда на
возможность душеспасенія посредствомъ культуры: ибо «если
слѣпой поведетъ слѣпного, то оба попадутъ въ яму».

Не знающая никакого удержа въ своемъ превозношеніи,
человѣческая культура сулитъ счастье своимъ поборникамъ въ
отдаленномъ будущемъ, а какъ велико разстояніе до нѣли,
объ этомъ никому и ничего неизвѣстно. Прислушиваясь къ
этому обѣщанію, невольно воскликнешь: «бѣдное человѣчество!
Чѣмъ заслужило ты такое самобичеваніе и для чего ты, съ
достойнымъ лучшей участи самоотверженіемъ такъ безпощадно-
жестоко унижаешь свое высокое достоинство?» Въ самомъ дѣлѣ,
точно по тайному обѣту всѣ ждуть отъ культуры высочайшаго
блаженства: вотъ-вотъ оно наступитъ, а его нѣтъ, какъ нѣтъ!
И, что еще прискорбнѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже живется
«культурному» челоѣку. Какъ примирить здѣсь слово съ дѣ-
ломъ, и не для того ли они остаются непримиренными, чтобы
убѣдить упрямое челоѣчество въ рѣшительной невозможности
самоискупленія и обратить его къ единому «Ходатаю Бога и
челоѣковъ?» Ей, буди, буди!

Но почему бы не могъ искупить челоѣка свѣтлый *духъ*?
Вѣдь ангелы, особенно ихъ высшіе чины, такъ близки къ
Богу, такъ могущественны, въ такой высокой степени озарены
свѣтомъ истиннаго богоразумія, съ одной стороны, а, съ дру-
гой, настолько челоѣколюбивы и такъ всегда готовы помочь
страждущему, что, казалось бы, имъ и спасать насъ. Предста-
вимъ себѣ теперь, что одинъ изъ высшихъ ангеловъ сошелъ на
землю и сдѣлался совершеннымъ челоѣкомъ, не переставая
быть ангеломъ, т. е. былъ бы ангелочелоѣкомъ. Невозмож-
наго въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего, особенно, прини-
мая въ соображеніе толкованіе нѣкоторыхъ свв. отцовъ на
извѣстное мѣсто кн. Бытія о смѣшеніи сыновъ Божіихъ съ
дочерьми челоѣческими. Воплотившійся ангель, разумѣется,
училъ бы людей истинному богопознанію, поражалъ бы всѣхъ
своей премудростью и творилъ бы великія чудеса. Не терпя-
щіе свѣта и возлюбившіе болѣе тьму, люди,—какъ это есте-
ственно,—стали бы всячески преслѣдовать ангела Божія, осу-
дили бы на смерть и, можетъ быть, онъ умеръ бы, какъ и

Спаситель, на крестѣ. И, всетаки, мы не были бы спасены. Уже однимъ вочеловѣченіемъ ангель, можетъ быть, примирить бы насъ, но только не съ оскорбленнымъ Правосудіемъ, а съ самимъ собою и съ другими ангелами. Но цѣль искупленія состоитъ въ примиреніи чловѣка не съ однимъ только ангельскимъ чиномъ, но и со всѣмъ міромъ (ибо вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ съ нами), а, главное, съ Самимъ Богомъ, между тѣмъ какъ примиреніе съ ангелами — это лишь малая доля искупленія, не говоря уже о томъ, что промышляющій о Своемъ мірѣ и все «располагающій мѣрою, и числомъ, и вѣсомъ» Богъ не допустилъ бы никогда такого, нарушающаго планъ Его домостроительства, вторженія ангеловъ въ неудобноисполнимое для нихъ дѣло. Какъ ни высоки по своему богопознанію ангелы, всетаки, оно у нихъ далеко отъ совершенства, и потому воплотившійся ангель не могъ бы принести намъ *полнаго* откровенія о Богѣ, которое, именно, и требовалось искупленіемъ. Слѣдовательно, наше богопознаніе было бы недостаточнымъ и, какъ такое, апеллировало бы къ новому откровенію, которое въ полнотѣ могъ принести только Единородный Сынъ Божій. Вотъ краткій отвѣтъ на вопросъ: почему ангель не могъ быть нашимъ искупителемъ.

Если же насъ не могъ искупить чистѣйшій духъ, то еще менѣе могло искупить какое либо другое сотворенное существо, наприм., ученѣйшій философъ, мудрѣйшій законодатель, величайшій завоеватель и имъ подобные, о чемъ у насъ было сказано въ своемъ мѣстѣ. Итакъ, родъ чловѣчскій могъ быть искупленъ или только милосердымъ Богомъ, или никакимъ еще другимъ существомъ. Но если бы мы исповѣдывали Бога въ духѣ мертвеннаго монотеизма, то должны были бы тогда или допустить патристическое заблужденіе, или рѣшительно отвергнуть возможность искупленія. Дѣло въ томъ, что правосудіе—одно изъ главнѣйшихъ свойствъ существа Божія, не допускающее своего самопожертвованія въ пользу другихъ свойствъ, причемъ обусловливаемая самою природой чловѣческаго мышленія аналогія между этимъ свойствомъ въ Богѣ и нашимъ правосудіемъ простирается только до такого предѣла, за которымъ начинаются наши подчасъ убогія представленія о правосудіи, отождествляемомъ съ несправедливымъ потворствомъ даже сознательнымъ порокамъ и преступленіямъ. По неизмѣняемости Своей Богъ, не преставаая быть всеблагимъ, не престааетъ быть и правосуднымъ, требующимъ возмездія за

грѣхъ, и святымъ, къ которому не можетъ приблизиться не-искупленный грѣшникъ. Теперь, допустить, что Самъ Богъ, представляемый по смыслу мертвеннаго монотеизма, является искупителемъ людей, значить отрицать въ Немъ правосудіе и допускать патрипассіанство. Вотъ здѣсь-то, именно, и выступаетъ съ настойчивымъ заявленіемъ о себѣ христіанскій догмагъ о троичности Лицъ въ Богѣ, благодаря которому является возможною возвышеннѣйшая теодицея, равной или подобной которой не можетъ быть еще ни въ какой другой религіи. По смыслу этой теодицеи, не поступаясь Своею святостью и Своимъ правосудіемъ, Божественная Любовь посылаетъ на землю Сына Своего въ Жертву за грѣхъ міра и какъ его Искупителя; патрипассіанство такъ же устранено. И вотъ, второе Лице Пресвятыя Троицы, Единородный Сынъ Божій, «сходитъ съ небесъ, и воплощается отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчивается».

Для инстинктивно отвращающагося отъ страданій чело-вѣка, естественно, желать, чтобы Искупитель совершилъ Свое дѣло безъ страданій. Для чего, говорятъ, они? Развѣ не до-вольно было возвышеннаго ученія и примѣра святой жизни для наученія чело-вѣка истинному Богопознанію и для возро-жденія его къ святой жизни? Но, отвѣтимъ совопросникамъ, будетъ ли насыщенъ голодный хотя бы самыми краснорѣчи-выми разсужденіями, или получить выздоровленіе больной отъ того, что около его одра будетъ находиться здоровый? Вѣдь грѣхъ, какъ мы уже сказали, является въ чело-вѣкѣ чѣмъ-то вродѣ его второй природы, и представлять себѣ искупленіе въ формѣ талантливаго учительства и назидательнаго примѣра— значить смотрѣть на дѣло сквозь розовыя очки крайняго опти-мизма. Грѣшники должны не только научиться истинному Бого-познанію, не только имѣть предъ собою примѣръ святѣйшей жизни, но еще болѣе: они должны *переродиться*, имъ необходимъ другой родоначальникъ, «новый Адамъ», какимъ и является, дѣй-ствительно, Христось-Спаситель. Святостью новаго родоначаль-ника обуславливалось Его безсѣменное зачатіе, и она же послу-жила причиной Его необыкновенныхъ страданій и крестной смерти.

Законъ явленія теперъ для насъ болѣе или менѣе ясенъ. Но за то мы стоимъ въ необычайномъ изумленіи предъ тай-ною *Лица*, вмѣстѣ божескаго и чело-вѣческаго, для разгадки которой совершенно недостаточны наши мѣры. Ибо рѣчь идетъ не о какой либо скоропреходящей теофаніи, допущенной Богомъ для извѣстныхъ цѣлей въ домостроительствѣ чело-вѣческаго

спасенія, но предъ нами историческое Лицо, Человѣкъ, по свидѣтельству самого писанія, зачатый и родившійся въ определенное время, возростающій душевно и тѣлесно, нуждавшійся въ отдыхѣ и пищѣ, радовавшійся и печалившійся, страдавшій и умершій. Да, предъ нами совершенный Человѣкъ, но объ этомъ Человѣкѣ говорится въ писаніи, что въ Немъ «тѣлеснѣ» обитала полнота Божества (Кол. II, 9), и что Само Божіе Слово «плоть бысть и вселися въ ны» (Ю. 1, 13. 14; Евр. II, 14). Божественное Лицо съ человѣческой природой и, однакоже, съ сохраненіемъ единства личнаго самосознанія,—это тайна. Какъ таковой, фактъ требуетъ послѣдовательности въ законѣ откровенія, если только здѣсь должно находиться концентрированное общаго откровенія: мы ищемъ только средствъ къ разумнѣю его осуществленія. Можетъ быть, само писаніе даетъ намъ ключъ къ нахожденію искомаго въ словахъ: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ». Это свидѣтельство небеснаго Отца воплотившемуся Сыну Его, *Богочеловѣку* Христу. Все таинственное величіе, сколько содержится о немъ въ словахъ: «Сынъ Мой еси Ты» (Евр. 1, 5; Пс. II, 9), все оно почиваетъ въ единствѣ историческаго человѣческаго Лица нашего Спасителя, и если мы хотимъ держаться истины, то приведенныя слова должны относиться ко Христу и какъ къ человѣку, и, даже, преимущественно какъ къ человѣку. Что же особеннаго получимъ мы въ такомъ случаѣ? Въ видѣ *человѣческаго богоусмысленія* должно выразиться Богосыновство Христово, а по своей высочайшей сущности только и можетъ проявиться въ такомъ видѣ, не смотря на очевидное ограниченіе. Если Богъ открывається посредствомъ человѣчества, то Богъ открывається, какъ Сынъ Отцу, уже по силѣ тварнаго порядка въ соответствующей такому откровенію основной формѣ, ибо человѣчество имѣетъ одно великое преимущество предъ всѣмъ сотвореннымъ: «чадомъ», а не просто рабомъ именоваться въ домѣ Отца своего. Въ этомъ цѣль всего человѣчества: именно, въ концѣ времени оно должно быть почтено: «ты еси сынъ Мой» (Откр. XXI, 7). И здѣсь основной законъ откровенія.

Въ теченіе Своей земной жизни Христосъ только благодѣтельствовалъ людямъ: «Онъ проходилъ благодѣтельствуя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ» (Дѣян. X, 38) и, даже, на крестѣ молился за Своихъ враговъ. И, однако же, на Его безмѣрную любовь люди отвѣчали самую непримиримую злобой

и ненавистью, пережившими Его крестныя страданія и доселѣ еще съ новою и съ тѣмъ еще большею силою возгорающимся въ сердцахъ этихъ несчастныхъ, именно «обладаемыхъ діаволомъ». Это—фактъ и, какъ таковой, не столь поразительный, если только принять къ свѣдѣнію то, что въ преступномъ свѣтѣ нельзя появиться высокочестному, откровенному и неизмѣнному другу всего великаго и прекраснаго, невозможно обнаружиться человеку съ рѣшительнымъ характеромъ безъ того, чтобы не навлечь на себя страшной зависти и вражды. Что же касается «исхода» Спасителя, то глубочайшимъ источникомъ принципиальной къ Нему вражды людей служило въ Немъ совершенное откровеніе Божественной святости. Но этого-то и не можетъ переносить міръ, потому что чувствуетъ себя наказуемымъ ею и судимымъ.

Притомъ, если бы Христосъ выступилъ противъ грѣха только во всеоружіи грозныхъ рѣчей, тогда горькія чувства слушателей, особенно фарисеевъ, говоря человѣчески, имѣли бы для себя нѣкоторое основаніе. Но ищущая, спасающая, благодѣющая любовь—это уже слишкомъ сильный поводъ къ ненависти. Озарявшая кроткимъ свѣтомъ потребность грѣшниковъ въ искупленіи, эта любовь являлась вмѣстѣ и неумытною обличительницею грѣха. Свѣтъ ея такъ же ненавистенъ для міра (Іоан. III, 19. 20). Жало грѣха въ лицѣ враговъ Христовыхъ коснулось проявленныхъ въ Немъ любви и святости Божіихъ. Эта любовь и эта святость проявились въ наиболѣе располагающей къ себѣ человѣческое сердце формѣ, — какъ *благодать*, всесильная къ уврачеванію всякихъ и всѣхъ человѣческихъ немощей. Ожесточаться противъ благодати есть грѣхъ, окаменение, такой тяжкій грѣхъ, для котораго нѣтъ прощенья: ибо онъ есть грѣхъ противъ св. Духа. Отверженіе Христа свидѣтельствовало только объ ожесточеніи Израиля. Слѣдующимъ моментомъ грѣха здѣсь служить совершеніе послѣдняго людьми, облагодѣтельствованными преимущественно предъ всѣми другими, такъ что самый грѣхъ является выраженіемъ самой черной неблагодарности со стороны «своихъ». Отверженіе Бога въ раю свидѣтельствовало о неблагодарности людей къ творческой благодати, тѣмъ болѣе, что прародители были надѣлены высокими дарованіями по душѣ и тѣлу; но самое преступленіе заслуживало снисхожденія въ виду еще не отвѣданныхъ преступниками горькихъ плодовъ его. Но въ теченіе прошедшихъ съ той поры тысячелѣтій человечество уже слишкомъ вкусило этихъ горькихъ плодовъ;

особымъ водительствомъ Промысла Израиль, преимущественно предъ другими, научаемъ былъ цѣнить потерянное блаженство и, притомъ, не рѣчами только проповѣдниковъ, а еще болѣе дивными событіями своей жизни. Божественная любовь проявляется теперь уже не въ творческой благодати, но въ наивысшей степени, какъ искупающая благодать. Но и въ такомъ видѣ люди отвергли ее: «во своя пріиде, и свои Его не пріяша». Въ томъ и состоитъ послѣднее и высочайшее завершеніе грѣха. Все, что между тѣмъ произошло, и чему суждено еще совершиться въ проявленіи вражды противъ Бога и Его царства, есть только повтореніе уже совершеннаго надъ Христомъ въ лицѣ Его Самого и вѣрующихъ въ Него. Онъ отовсюду окруженъ врагами: «поистинѣ собрались они въ городѣ семь на святаго Отрока Твоего Иисуса, Котораго Ты помазаль, Иродъ и Понтій Пилать съ язычниками и съ народомъ израильскимъ» (Дѣян. IV, 27). А Онъ смиренно даетъ ланиты Свои на заушенія, почти не возражаетъ ни на единое слово Своихъ ненавистниковъ, не отклоняетъ отъ Себя предопредѣленной свыше чаши и вышиваетъ ее даже до послѣдней капли. Въ совершенномъ послушаніи Отчей волѣ, Онъ проситъ поднести Ему желчи и оцта, всѣмъ Своимъ любящимъ сердцемъ желая испить послѣднюю каплю древле начавшейся вражды между человѣкомъ и Богомъ, только чтобы ея не оставалось болѣе въ этомъ мірѣ. Поистинѣ, предъ нами единственное и безпримѣрное въ своемъ родѣ зрѣлище во всемирной исторіи!

Отъ внѣшней обстановки событія перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію его внутренняго содержанія. Если гдѣ либо на свѣтѣ происходило что нибудь подобное съ какимъ либо добродѣтельнымъ человѣкомъ, то, съ кѣмъ приключалось трагическое, тотъ обыкновенно принималъ его на себя, какъ свыше ниспосланный жребій. И когда этотъ жребій принимается во смиреніи и съ полною покорностью, тогда мы прославляемъ человѣческое великодушіе. Здѣсь дѣло обстоитъ совершенно иначе. Христосъ не только все предвидѣлъ и предсказалъ до малѣйшихъ подробностей о Своихъ страданіяхъ, признавая въ нихъ исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ (Ис. LIII; Пс. XXII.), мало того: Онъ Самъ вызвалъ на свѣтъ Свой жребій и какъ бы вытребовалъ его съ такой настойчивостью, что Ренанъ не хочетъ здѣсь ничего видѣть, какъ только роковое заблужденіе гениальнаго мечтателя. Но истина въ томъ, что съ полнымъ спокойствіемъ и въ непомянутомъ сознаніи, свидѣтельствующими о находде-

ній Его выше обстоятельствъ, и съ поразительными проявленіями дух. власти и могущества стоитъ Испытатель предъ Своими врагами. Неотразимою силою фактическихъ доказательствъ Онъ подтверждаетъ Свои неоднократныя свидѣтельства о томъ, что Свою жизнь, которую никто не могъ насильно отнять у Него, Онъ Самъ теперь добровольно отдаетъ за животь міра (Іоан. X, 18; XIX, 11; XVIII, 5). Единственный моментъ въ жизни Спасителя представляется, на первый взглядъ, доказательствомъ душевной слабости и чуть не отчаянія истомленнаго Страдальца. Но этотъ, именно, моментъ открываетъ предъ болѣе глубокимъ наблюдателемъ совершенно обратное, свидѣтельствуя о необыкновенной силѣ воли Того, для Котораго весь, предносящійся Его внутреннему взору, ужасъ величайшихъ страданій служить только поводомъ къ тѣмъ болѣе рѣшительному ихъ принятію. Часъ геесиманскихъ скорбей объясняетъ намъ, что крестныя страданія были уже заранѣе предуставлены въ Совѣтѣ Божіемъ, что они были опредѣлены въ своей точной мѣрѣ и объемѣ и восприняты Сыномъ по безконечной Его любви къ падшему міру и изъ послушанія Отчей волѣ. Какъ внѣшнія событія, страданія Спасителя служили только подтвержденіемъ предвѣчнаго Совѣта и безпримѣрно-трагическимъ выраженіемъ внутренне, въ Своей душѣ, уже пережитыхъ Спасителемъ скорбей. Не люди, а Самъ Богъ Отецъ назначаетъ жребій Своему Сыну, и все, происшедшее потомъ, есть только исполненіе Высшей Воли. Подобно тому, какъ Авраамъ восходилъ на гору для жертвоприношенія сына своего Исаака, и сынъ не противился отцу, когда тотъ связалъ и возложилъ его на жертвенникъ, такъ — если только небесное можетъ хоть сколько нибудь уясняться посредствомъ земного — такъ поступаетъ и Богъ, премірный и нисшедшій къ падшему человѣчеству, святая мѣра всѣхъ вещей и до преизбытка на всѣхъ ступеняхъ самоотверженная любовь, такъ въ Геесиманіи и на Голгоѣѣ Отецъ съ Сыномъ совершаютъ великое дѣло искупленія міра. Все человѣчество, въ лицѣ іудеевъ и язычниковъ, обезображенное всяческимъ проявленіемъ грѣха, наложило свою преступную руку на неповинную Жертву. Но это только средство, только лицезная сторона дѣйствія, а величайшій актъ примиренія между Богомъ и міромъ происходитъ въ святой тишинѣ, такъ сказать, съ глазу на глазъ между Богомъ Творцомъ и Судьею міра и вочеловѣчившимся Испытателемъ.

Посмотримъ теперь на «кончину Праведника». Въ первые

три часа Его крестныхъ страданій человѣческая жизнь въ Немъ еще боролась со смертью; Онъ произносилъ еще трогательныя слова примиренія: «Отче, прости имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ!» Слова попеченія о Своихъ: «Жено, се сынъ твой!» Слова обѣтованія: «аминь, глаголю тебѣ, днесъ со Мною будеши въ рай!» Но когда, въ полдень, начала покрывать Его смертная сѣнь, когда померкло солнце и настала полная «власть тьмы», когда самъ князь преисподней выступилъ на рѣшительную брань съ Пришедшимъ сокрушить его державу,—ибо онъ вѣдалъ: «теперь рѣшительный часъ: или я навѣки буду поверженъ въ страшное мѣсто мученія, и у меня отнимутся мои плѣнники, или же, наоборотъ, Онъ долженъ будетъ уступить мнѣ полную власть, въ случаѣ, если не вынесетъ крестныхъ страданій»...—и когда Богъ «оставилъ» висящаго на крестѣ Бога и,—такъ бываетъ съ нейтральными зрителями,—окруженный тьмами Своихъ ангеловъ, какъ бы ожидалъ рѣшительнаго момента: тогда-то, именно, и произошло безпримѣрное въ мировой исторіи, грандіознѣйшее въ своемъ процессѣ и спасительнѣйшее по своимъ плодамъ единоборство между сильнымъ «княземъ тьмы» и «Крѣпчайшимъ» Жизнодавцемъ. Пусть теперь самое смѣлое воображеніе представитъ себѣ, что пригвожденный ко кресту Богъ хотя бы мало поколебался въ Своемъ намѣреніи и, въ исполненіе требованія толпы, рѣшился бы сойти со креста, предоставивъ сатанѣ полную власть надъ падшими грѣшниками:—что произошло бы тогда? Тогда предъ изумленными взорами римскихъ воиновъ и неистовой толпы (да простятъ намъ это предположеніе) крестъ мгновенно обратился бы въ прахъ, и Распятый, какъ свѣтлый лучъ, поднялся бы къ Своему Отцу, а торжествующій сатана окончательно завладѣлъ бы покинутымъ міромъ. Но этого не произошло. «Мужъ скорбей» былъ «послушливъ даже до смерти, смерти же крестныя» (Фил. II, 8), и вышелъ изъ Своихъ испытаній съ побѣднымъ «совершилось!» Что за смыслъ этого восклицанія, въ чемъ состояла эта великая и на цѣлые вѣки простирающаяся побѣда, объ этомъ можно судить уже потому, что она нѣкогда будетъ вѣчной темой славословія всѣхъ блаженныхъ духовъ въ небесномъ царствіи!

Нѣкоторые, даже и изъ вѣрующихъ, думаютъ, что Христу, какъ Богу, не трудно было переносить всякія страданія. «Вѣдъ Ты, Спаситель нашъ, былъ Богъ! Поэтому Тебѣ можно было переносить ихъ; я же—бѣдный, слабый человѣкъ!» Но такое пред-

ставленіе дѣла совершенно ложно. Наоборотъ, вѣчный законъ природы состоитъ въ томъ, что тѣмъ больше страданія и радости чувствуетъ извѣстное существо, чѣмъ на болѣе высшей ступени находится оно въ іерархіи другихъ существъ. Низшіе организмы проявляютъ часто такое равнодушіе къ боли, что наблюдатель склоняется къ мысли объ ихъ нечувствительности къ послѣдней. У болѣе высшихъ и чувствительность къ ней повышается. Наболѣе тонко организованное существо—человѣкъ особенно глубоко чувствуетъ какъ радость, такъ и горе, физическое благосостояніе и физическую боль. Дѣйствительно, даже тончайшіе оттѣнки различія между людьми въ этомъ отношеніи зависятъ отъ ихъ болѣе утонченной или болѣе грубой организаціи, и каждый чувствуетъ справедливость слѣдующаго заключенія: «эта нѣжная и тонко организованная натура должна была испытывать необыкновенныя страданія въ данныхъ обстоятельствахъ». Поэтому мы ближе подойдемъ къ истинѣ, если замѣтимъ: когда Христось принялъ человѣческій образъ, тогда, вмѣстѣ съ человѣческою душой, Онъ принялъ также и человѣческую плоть, не съ неба принесенную Имъ, но образованную св. Духомъ во чревѣ Богоматери, и потому, стало быть, Онъ имѣлъ не божественныя нервы и мускулы, а человѣческіе; подобно тому, какъ Онъ нуждался въ пищѣ для продолженія жизни, долженъ былъ совершать движеніе для перемѣны мѣста, спать для предоставленія покоя Своему тѣлу, такъ и посредствомъ нервовъ Онъ испытывалъ боль или пріятныя чувства, и посредствомъ мозга—радостныя или горестныя представленія; а такъ какъ тѣло Его не было испорчено грѣхомъ, чувства не были притуплены, а богочеловѣческая душа отличалась абсолютно—совершенною воспримчивостію къ самымъ тонкимъ и нѣжнымъ впечатлѣніямъ, то, безспорно, во время Своей земной жизни и на крестѣ Онъ испытывалъ неизмѣримо большія страданія, чѣмъ сколько можетъ испытать ихъ обыкновенный смертный. Представимъ себѣ, что мы спустились въ мрачное подземелье къ самымъ отъявленнымъ злодѣямъ; проклятія и брань постоянно оглашаютъ воздухъ; въ непрерывныхъ ссорахъ и спорахъ, исполненные глубокой ненависти, только и думающіе, что о грабежахъ да убійствахъ, эти отпѣтые люди влачатъ свою жизнь въ невообразимой грязи и порокѣ. И въ такомъ обществѣ, какъ бы прикованный къ нему, долженъ былъ бы проводить свои дни и питаться скудною пищею благовоспитанный, нѣжный и чувствительный человѣкъ,

возросшій въ благородномъ христіанскомъ семействѣ, съ изысканнымъ вкусомъ ко всему прекрасному и доброму! Одна только мысль о такомъ, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчающемся на землѣ, несчастномъ положеніи глубоко потрясаетъ наше сердце. Кто еще не потерялъ способности безпристрастнаго взгляда въ глубину своей души, тотъ долженъ признать справедливость укоризненныхъ словъ пророка: «отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ у нихъ здороваго мѣста»; и если наша праведность является предъ Богомъ подъ образомъ загрязненной одежды, то чѣмъ же оказываются наши грѣхи? Представьте себѣ теперь безчисленное множество злодѣяній, совершаемыхъ въ одинъ день, или хотя только въ одинъ часъ; прислушайтесь къ раздирающимъ воплямъ и воздыханіямъ, день и ночь восходящимъ отъ земли къ небу, и вы согласитесь, что мы употребили еще слабое сравненіе для выраженія мысли о тяжести неповиннаго страданія. Вы убѣдитесь, что намъ не достаетъ словъ для обозначенія впечатлѣній и чувствованій Бога, страствующаго по нашей юдоли плача, называемой землею,—увидите и то, что подлинно только божественное всемогущество въ состояніи было перенести всѣ, предназначенныя Единородному Сыну, тягчайшія страданія.

Вообще, такое воззрѣніе, по которому Богъ можетъ переносить страданія и скорби, такъ сказать, съ шутливою легкостью, не смущается сомнительнымъ родствомъ съ раціонализмомъ, для котораго Богъ является самозамкнутымъ и неспособнымъ ни къ какому живому проявленію абсолютномъ. По мнѣнію раціоналистовъ, непристойно приписывать Богу человѣческія возбужденія, гнѣвъ или любовь, ревность или мщеніе; это значило бы низводить Его въ разрядъ смертныхъ существъ; Онъ есть абстрактное, идеальное, совершеннѣйшее Существо; всякая же дѣятельность и впечатлительность представляетъ собой одностороннее, несовершенное и недостойное Высочайшаго Существа явленіе. И, вотъ, они предлагаютъ челоуѣчеству мрачный образъ Будды, какъ высочайшее воплощеніе Божества. Погруженный въ свою нирвану, онъ равнодушно смотритъ на земныя страданія и рѣшительно отрицаетъ всякое участіе (несуществующаго) Промысла въ ихъ уничтоженіи, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніи. Но если почтенный званіемъ божества Будда не способенъ ни къ какому гнѣву, то такъ же неспособенъ онъ и ни къ какой любви; равнодушный къ челоуѣческимъ прегрѣшеніямъ, онъ не слышитъ такъ же и ни-

какихъ молитвъ; ни любить его, ни бояться мы, поэтому, не можемъ, не должны также надѣяться и на полученіе отъ него чего-либо, а только корректно проводить свою жизнь по естественнымъ законамъ тяжести и движенія, свѣта и электричества, ибо у такого бога, который не чувствуетъ ни радости, ни скорби отъ человѣческой жизни, нѣтъ никакой моральности. А что, именно, такой богъ пользуется преимущественнымъ уваженіемъ у современниковъ,—это вполне понятно. Для всецѣло пропитаннаго грѣхомъ и, притомъ, съ сожженной совѣстью человѣка, такой богъ несравненно сговорчивѣе, чѣмъ личный, живой и горящій ревностью библейскій Богъ, Который есть «поядающій огонь», Который не считаетъ грѣшника невиннымъ, Который «посѣщаетъ грѣхи отцовъ до четвертаго колѣна» въ потомствѣ ихъ и Который въ свое время потребуетъ отъ всѣхъ людей отчета въ ихъ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ. А такъ какъ люди сознаютъ, что они заслужили гнѣвъ святого и правосуднаго Бога, то и стараются себя утѣшить тѣмъ, что заслоняютъ истиннаго Бога воображаемымъ, подобно нѣкоторой птицѣ, прячущей свою голову въ песокъ съ цѣлью укрыться отъ охотника. Впрочемъ, они немного приобрѣтаютъ этимъ, такъ какъ вѣруютъ ли они въ гнѣвнаго или въ равнодушнаго Бога, отъ того не уменьшатся мірскія несчастія и скорби. Рано ли, поздно ли, но каждый изъ насъ долженъ будетъ покинуть все, что дорого ему въ земномъ мірѣ. Что намъ приэтомъ должно служить великимъ утѣшеніемъ сознание, по которому страданіе происходитъ не поущеніемъ прогнѣваннаго нашими грѣхами Бога, а только стихійнымъ дѣйствіемъ разумной и заботливой природы, или цѣлесообразно развивающихся изъ матеріи законовъ,—этого понять мы не можемъ. Да! Если ужъ мы должны страдать, то намъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлось бы знать: почему, для какой цѣли и отъ кого, именно, происходитъ страданіе, а не мучиться постоянной заботой о томъ, что мудрая, но слѣпая природа губитъ насъ внезапно и незаслуженно. Однимъ словомъ, намъ болѣе великимъ и желаннымъ является живой Богъ Откровенія, чѣмъ какой-то бездушный пестукапъ!

Но почему же крестная смерть? Потому, именно, что эта смерть считалась позорнѣйшимъ наказаніемъ, а крестныя страданія по ихъ мучительности еще не имѣютъ себѣ равныхъ. Для насъ, благодаря Распятому, крестъ является величайшей святынею и предметомъ набожнаго поклоненія. Но, чтобы представить себѣ

хоть сколько нибудь ужась и позоръ крестныхъ страданій, поставьте себя, если то возможно, на точку зрѣнія, напр., римлянина-язычника и спросите: чѣмъ *ему* долженъ былъ представляться крестъ? Мы немного приблизимся къ его пониманію, если на мѣсто креста поставимъ инквизиціонное колесо, или висѣлицу, или что-либо подобное. Римлянинъ не зналъ ничего болѣе позорнаго по сравненію съ крестными страданіями, такъ что, по словамъ Цицерона, даже «самое названіе креста да удалится не только отъ тѣла римскаго гражданина, но и отъ мыслей его, отъ очей и слуха»: *nomen ipsum crucis absit non modo a corpore civium Romanorum, sed etiam a cogitatione, oculis, auribus*. Тотъ же писатель называетъ распятіе *crudelissimum terribilissimumque supplicium*. *Facinus est, vinciri civem romanum; scelus, verberari; prope parricidium, necari: quid dicam in crucem tolli? verbo satis digno tam nefaria res appellari nullo modo potest*. Для іудеевъ ужась креста выражается словами: «проклятъ всякъ, висѣй на дрѣвѣ!» Подлинно, Распятый на Крестѣ служилъ «іудеямъ соблазномъ, еллиномъ же безуміемъ!» Осмѣлимся ли послѣ этого сказать, что еще не переполнена была горечью чаша Его страданій, и что Онъ не до конца возлюбилъ человѣческій родъ? Теперь же отрѣзаны всѣ пути къ такого рода возраженіямъ, и, разумѣется, ни исламскій, ни буддійскій лжепророки никогда не могутъ выдержать никакого съ Нимъ сравненія. Эта позорная и тягчайшая смерть нужна была для пригвожденія къ вѣчному позору грѣховъ и злобы человѣческихъ, для того, чтобы тяжестью Его крестныхъ страданій законопреступные люди измѣряли страшную глубину грѣховной бездны, въ которой они мучились долгіе вѣки, и которая готова была поглотить ихъ навсегда. Этою смертью проповѣдуется безмѣрное милосердіе Божіе и вышеотеческая Его къ намъ любовь, потому что Онъ предалъ за насъ на смерть Своего возлюбленнаго Единороднаго Сына, добровольныя страданія Котораго еще болѣе убѣждаютъ насъ въ неопѣненномъ величій и значеніи Самой Жертвы.

Но почему же Онъ непремѣнно долженъ былъ вкусить смерть, а не былъ снятъ со креста, или не сошелъ съ него, чтобы впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ продолжать Свое благовѣстіе? Потому и для того нашъ Спаситель вкусилъ смерть, чтобы сразиться съ ней и притупить ея жало. Если бы Онъ не умеръ, то и не совершилъ бы дѣло человѣческаго искупленія. Онъ умеръ — если смотрѣть на событіе только исто-

рически—потому, что Его смерти добились враги Его, оказавшіеся безчувственными къ Его страданіямъ и тѣмъ подписавшіе свой смертный приговоръ: «кровь Его на насъ»... Онъ не сошелъ со креста по совершенной бесполезности этого чуда для обращенія окаменѣлыхъ сердець, хотя безумные распинатели и говорили между собою, сами не зная, къ чему: «иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти; аще Царь Израилевъ есть, да спидеть нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него» (Мѡ. XXVІІ, 42). Говорили, можетъ быть, допуская эту страшную для себя возможность: «а если Онъ сойдетъ? Ужели мы дозволимъ Ему опять ходить по странѣ и учить народъ?» И, надо полагать, что, въ противномъ случаѣ, т. е., если бы Онъ тогда сошелъ со креста и продолжилъ бы Свое общественное служеніе, послѣднее было бы для Него горше перваго въ разсужденіи Его душевнаго спокойствія и враждебнаго отношенія къ Нему враговъ. Тогда мы увидѣли бы предъ собою Страдальца, обреченнаго на, быть можетъ, долготѣнныя скитанія по городамъ и селеніямъ палестинскимъ, постоянно гонимаго и мучимаго непримиримыми врагами, которые, по причинѣ неистощимой изобрѣтательности человѣка—особенно—въ совершеніи злодѣяній, нашли бы поистинѣ адскіе способы къ усиленію Его страданій, пока они не завершились бы тою же Голгоою.

Но причемъ же—продолжаютъ возражатели—правосудіе, когда *одинъ* умираетъ за всѣхъ? *Мы*, въ лицѣ своего прародителя, преслушали волю Божію, *мы* грѣшили, прилагая беззаконія къ беззаконіямъ, а платить за нихъ другое Лицо,—божественное, правда, но только не мы сами.—Справедлива-ли *такая* уплата? Возможна ли она, по суду неумытной правды Божіей?

Изъ разсмотрѣнія невозможности для человѣка самоискупленія, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, легко получить отвѣтъ и на это возраженіе. Только смерть праведника и, притомъ, такого, какимъ является Единородный Сынъ Божій, могла искупить человѣчество и даровать ему вѣчную жизнь. Слѣдовательно, выходъ изъ дилеммы: или всѣ должны навѣки погибнуть, или за нихъ долженъ пострадать Единородный Сынъ Божій,—если дѣйствительно должно было состояться искупленіе,—открывается только въ сторону Голгооы: Онъ *одинъ* долженъ былъ пострадать за всѣхъ. Смущающее возражателей замѣстительство въ страданіяхъ не даромъ было искони сродно человѣческому сердцу, иначе мы не встрѣчались бы съ нимъ

не только въ подзаконной, но и въ языческихъ религіяхъ. Припомнимъ пророчество и вмѣстѣ отъ вѣчности предопредѣленную о нашемъ искупленіи истину, такъ рѣшительно выраженныя іудейскимъ первосвященникомъ: «уне есть», говорилъ онъ, «да единъ человекъ умреть за люди, а не весь языкъ погибнетъ». Это правило, повторяемъ, было общимъ почти у каждаго народа, и въ исторіи не мало примѣровъ, служащихъ его подтвержденіемъ. Сыновья праотца Іакова продаютъ невиннаго своего брата въ Египеть—съ мыслью: «лучше пусть одинъ умреть за братьевъ». Принявшіе на свой корабль пророка Іону пловцы бросаютъ потомъ его, по жребію, въ море съ тою же мыслью: «лучше пусть одинъ умираетъ за всѣхъ», и спасаются отъ страшной бури. Въ пылу благочестивой ревности внукъ Аарона, Финеесъ, поражаетъ израильянина за безстыдную связь съ моавитянкой,—и смерть одного спасаетъ весь станъ народа Божія: «не весь языкъ погибаетъ». Въ войнѣ съ филистимлянами Израильяне выставляютъ на единоборство съ Голіафомъ Давида, и побѣдою послѣдняго надъ первымъ рѣшается исходъ войны, безъ столкновенія враждебныхъ силъ. Не одинъ ли Моисей предстательствуетъ за свой народъ на Синаѣ и племенной молитвой умоливаетъ прогнѣвленнаго Бога, хотѣвшаго истребить вѣроотступниковъ? Все это были люди,—и, однако, съ такимъ могущественнымъ дерзновеніемъ предъ Богомъ!

Что же касается древне-языческой религіи, то и въ ней встрѣчаются трогательные примѣры замѣстительства въ страданіяхъ невиннаго за виновныхъ. Такъ, наприм., въ *Эсхиловомъ* «Прометей» Меркурій обращается къ скованному плѣннику съ такими словами: «не думай, чтобы твоя казнь окончилась прежде, чѣмъ Богъ принесетъ Себя въ жертву, чтобы *замѣнить тебя* въ твоихъ страданіяхъ, и добровольно захочетъ снизойти ради тебя въ жилище Плутона, въ мрачныя бездны тартара». Знаменитый *Эврипидъ* посвятилъ цѣлыхъ четыре трагедіи непоколебимой вѣрѣ древнихъ въ замѣстительство страданій. Одна изъ его героинь, *Альцеста*, идетъ на смерть за своего жениха, другая *Ифигенія*,—за греческую армію и пр. Изъ устъ всего до—христіанскаго человечества раздается, по характерному выраженію одного изъ апологетовъ, согласная *la mélodie des soupirs*, чаганіе святого Искупителя, имѣющаго Своими страданіями очистить людей отъ грѣха и примирить ихъ съ Богомъ.

Итакъ, мысль о замѣстительствѣ въ страданіяхъ не представляетъ собою чего-либо противорѣчущаго житейскому опыту и человѣческому сознанию, особенно, если принять въ соображеніе аналогичные случаи распространенія въ человечествѣ всевозможныхъ знаній, открытій и изобрѣтеній, которыми пользуются всѣ, и, однако, никто и никогда не сомнѣвался въ своемъ правѣ—наслѣдовать не имъ, а другими пріобрѣтенныя блага.

У возражателей остается еще одна (какъ было уже показано выше, не непреступная) позиція, съ которой они продолжаютъ свои нападенія на «жесткое» ученіе объ искупленіи, это—страданіе и смерть *Невиннаго* за виновныхъ. Не отрицаемъ законности протеста со стороны естественнаго человѣческаго чувства при видѣ страшной голгоѣской Жертвы. Логика разсужденія здѣсь пряма и ясна: страданія и смерть суть «оброки» грѣха и, въ этомъ смыслѣ, они совершенно умѣстны по отношенію къ грѣшникамъ; но предъ нами невинный и святѣйшій изъ самыхъ святыхъ, Богочеловѣкъ—Христосъ: почему, для чего-же *Онъ*, именно, страдаетъ и вкушаетъ мучительнѣйшую смерть?

Въ только что сказанномъ нами выше содержится уже неполный отвѣтъ и на эти вопросы. Исторически, въ данныхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, среди такихъ, именно, людей, какими въ большинствѣ былъ окруженъ Спаситель, по всему складу Его земной жизни, произошло именно то самое, что и должно было произойти. Но, кромѣ исторической, надо имѣть въ виду еще и другую, болѣе важную въ настоящемъ случаѣ, *догматическую* (поскольку, конечно, можно въ отвлеченіи мыслить догматъ отдѣльно отъ исторіи) точку зрѣнія на предметъ, съ которой совершенно удовлетворительно разрѣшаются вышеуказанныя недоумѣнія. Искупить насъ отъ грѣха съ его послѣдствіями могъ *только Безгрѣшный* Христосъ Спаситель, потому что, если бы (предполагаемый возраженіемъ) нашъ Искупитель имѣлъ на Себѣ хотя едва уловимую тѣнь грѣха, то не только не могъ бы сдѣлаться нашимъ Искупителемъ, но, первѣе насъ, еще и Самъ нуждался бы въ искупленіи. Но, говорятъ, невинная Жертва, всетаки, громко вопіеть къ Божію правосудію, подобно тому, какъ, по словамъ Самого Бога, кровь невинно убіеннаго Авеля вошляла къ небу о возмездіи преступному братоубійцѣ. Итакъ, предъ нами трудный *вопросъ о правосудіи Божіемъ*.

Правосудіе, говорятъ, состоитъ въ наказаніи преступныхъ

и въ награжденіи добродѣтельныхъ и, притомъ, такъ, чтобы первое и послѣднее находились въ точномъ соотвѣтствіи съ порокомъ и добродѣтелю. Слѣдовательно, кто убиваетъ, тотъ и самъ повиненъ смерти. «Нѣтъ»,—восклицаютъ (особенно теперь, поощряемые «нанятою совѣстью!») тысячи другихъ, «это—варварское наказаніе, которому отошло время. Кара не должна стирать преступника съ лица земли, а только дѣйствовать на него въ воспитательномъ смыслѣ».—«Это совершенная ложь», возражаютъ третьи: «кто умерщвляетъ, тотъ долженъ и самъ быть умерщвленъ». «Око за око, зубъ за зубъ», таково мое понятіе о правосудіи». Такъ образомъ, въ началѣ спора—и столь рѣшительная противоположность взглядовъ! Но пойдемъ дальше: «око за око, зубъ за зубъ». На первый взглядъ все это такъ ясно и опредѣленно; совершенно естественно: одинаково преступленіе со стороны всѣхъ и равное правосудіе для всѣхъ. Однако, при болѣе вдумчивомъ отношеніи, дѣло обстоитъ далеко не такъ. Представимъ себѣ, что, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, бѣднякъ и миллионеръ похитили извѣстную сумму денегъ. Должны ли похитители подвергнуться одинаковому наказанію, или не должны? «Нѣтъ, восклицаетъ одинъ, это было бы несправедливо. Этотъ рабочій укралъ по необходимости, онъ не получилъ надлежащаго воспитанія и, слѣдовательно, едва ли давалъ себѣ полный отчетъ въ значеніи своего нехорошаго проступка; при этомъ надо имѣть въ виду горе его жены и дѣтей, которыя, вѣдь, ни въ чемъ неповинны. Наоборотъ, миллионеръ не терпѣлъ никакой особой нужды; онъ вѣдалъ, что творилъ, и потому, безъ особыхъ заботъ о сытой семьѣ, можетъ отсидѣть значительно большій, по сравненію съ назначеннымъ для бѣдняка, срокъ тюремнаго заключенія». «Вотъ ужъ, именно, наоборотъ», возражаетъ слѣдующій: «миллионеръ наказывается несоразмѣрно строго по сравненію съ рабочимъ. Подумайте только о томъ, что пролетарій нисколько не смущается своимъ наказаніемъ. Что за наказаніе ему тюрьма, когда въ ней содержаніе его несравненно лучше, чѣмъ дома?! Совсѣмъ въ иномъ положеніи богатый. Онъ гораздо болѣе страдаетъ въ тюрьмѣ, да, сверхъ того, представьте себѣ тяжесть прорывающихся отсюда для соціальнаго положенія богатаго послѣдствій, срамъ для его семейства и пр.»—Но вотъ еще примѣръ. Предъ нами два лица въ совершенно одинаковомъ положеніи, одного воспитанія, равныя по своему состоянію, ровесники и по возрасту. Они совершаютъ одинаковое преступленіе и подвергаются равному наказанію.

Но кто же думаетъ, что наказаніе одинаково для обоихъ? Со-отвѣтственно съ большей или меньшей чувствительностью и наказаніе однимъ будетъ перенесено легче, чѣмъ другимъ. Если мы хорошенько объ этомъ поразмыслимъ, то должны будемъ согласиться съ тѣмъ, что еще никогда человѣкъ не произносилъ безусловно-праваго суда! — «Болѣе всего зашпала меня одна мысль», — говорить по личному опыту нашъ великій писатель, — «которая потомъ неотвязчиво преслѣдовала меня во все время моей жизни въ острогѣ, — мысль отчасти неразрѣшимая, — неразрѣшимая для меня и теперь: это о неравенствѣ наказанія за одни и тѣже преступленія. Правда, и преступленіе нельзя сравнить одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримѣръ, и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены всѣ обстоятельства обоихъ дѣлъ; и по тому и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ, напримѣръ, зарѣзалъ человѣка такъ, за ничто, за луковицу: вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него то и всего одна луковица. «Чтожь, батька, ты меня посылаешь на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашель». — «Дуракъ! Луковица — анъ копейка! Сто душъ—сто луковицъ, вотъ-те и рубль!» — А другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невѣсты, сестры, дочери. — Одинъ убилъ по бродяжеству, осаждаемый цѣлымъ полкомъ сыщиковъ, защищая свою свободу, жизнь, нерѣдко умирая отъ голодной смерти; а другой рѣжетъ маленькихъ дѣтей изъ удовольствія рѣзать, чувствовать на своихъ рукахъ ихъ теплую кровь, насладиться ихъ страхомъ, ихъ послѣднимъ голубинымъ трепетомъ подъ самымъ ножомъ. И что же? И тотъ и другой поступають въ ту же каторгу. Правда, есть варіація въ срокахъ присуждаемыхъ наказаній. Но варіацій этихъ, сравнительно, не много; а варіацій въ одномъ и томъ же родѣ преступленій—безчисленное множество. Что характеръ, то и варіація. Но положимъ, что примирить, сгладить эту разницу невозможно, что это своего рода неразрѣшимая задача—квadrатура круга, положимъ такъ. Но еслибъ даже это неравенство и не существовало,—посмотрите на другую разницу, на разницу въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія... Вотъ человѣкъ, который въ каторгѣ чахнетъ, таетъ, какъ свѣчка; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу и не зналъ даже, что есть на свѣтѣ такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ,

напримѣръ, человѣкъ образованный, съ развитой совѣстью, съ сознаниемъ, съ сердцемъ. Одна боль собственнаго его сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудитъ за свое преступленіе безошаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ ни разу о совершенномъ имъ убійствѣ, во всю каторгу. Онъ даже считаетъ себя правымъ. А бываютъ и такіе, которые нарочно дѣлаютъ преступленія, чтобы только попасть въ каторгу и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волгѣ» (*Достоевскій*, Полное собр. сочин. Спб. 1883 г. Т. 4, «Записки изъ мертв. дома», стр. 45—46).

Итакъ, будучи не въ состояніи произвести правый судъ въ нашихъ житейскихъ дѣлахъ, осмѣлимся ли предписывать Богу образъ Его правосудія? «Дѣло, которое дѣлается нашею жизнью», справедливо разсуждаетъ выводимый другимъ нашимъ писателемъ нѣкій князь, «все дѣло, весь смыслъ этого дѣла непонятенъ и не можетъ быть понятенъ мнѣ... Все это понять, понять все дѣло Хозяина не въ моей власти». Мы не въ состояніи правильно взвѣсить нашу вину по отношенію къ Богу, не можемъ опредѣлить ея глубины и размѣра, ея рода и свойства; для этого мы должны были бы основательно знать Его существо. Но мы знаемъ только одно, что мы виновны! Теперь, Христось, вѣдающій размѣры и послѣдствія нашихъ грѣховъ, добровольно хочетъ взять ихъ на Себя и удовлетворить за насъ требованію вѣчной Правды. Это ли несправедливо? Но въ многовѣковой исторіи человѣчества (это мы уже видѣли) находится большое число примѣровъ самопожертвованій, какъ и теперь ихъ довольно встрѣчается въ жизни, — когда мать спасаетъ своего младенца, мужъ—жену, другъ—своего друга: назовемъ ли мы это несправедливостью? Вотъ человѣкъ, добровольно дающій поруку за другого; разумѣется, поручитель долженъ исполнить свое слово: назовемъ ли мы и это несправедливостью? Вотъ, командующій военнымъ отрядомъ видитъ, что, по ошибкѣ его сотоварища, войско подвергается страшной опасности; тогда онъ выводитъ изъ засады своихъ солдатъ и, съ опасностью для жизни, бросается на спасеніе ближнихъ: назовемъ ли мы это несправедливымъ? Или еще: сердобольный богачъ уплачиваетъ большой долгъ за немущаго бѣдняка: справедливо ли это, или и здѣсь поспраніе всякаго правосудія?.. Но вотъ приходитъ въ міръ Господь и какъ бы такъ говоритъ грѣшникамъ: «вы

находитесь въ неоплатномъ долгу предъ Моимъ небеснымъ Отцомъ. Я Самъ уплачу за васъ, а вы послѣ того будете Моими». Мы, во всякомъ случаѣ, свободны или принять даръ святой любви, или отказаться отъ него словами: «не хотимъ Твоей помощи, да и не думаемъ, чтобы мы были что-либо должны Твоему Отцу; мы надѣемся обойтись своими собственными силами». Но такъ говорить о божественномъ правосудіи—значитъ допускать завѣдомую ложь, ибо понятія: грѣхъ, вина, правосудіе, отвѣтственность, наказаніе, посредничество, безконечно превышаютъ нашъ ограниченный разумъ въ своемъ божественномъ совершенствѣ и въ таинственной неизслѣдимости...

Положенное во гробъ пречистое тѣло Господа, по свидѣтельству Писанія (Дѣян. II, 27), не подверглось тлѣнію. Это служить фактическимъ доказательствомъ того, что смерть Его не представляла собой окончательнаго отпаденія тѣла отъ жизненнаго союза съ душою. Но это была дѣйствительная, а не мнимая смерть, потому что дѣйствительно наступило то раздѣленіе души съ тѣломъ, по причинѣ котораго послѣднее освобождается отъ своего служебнаго, въ значеніи органа, отношенія къ душѣ, такъ что тѣло и душа, будучи предоставлены самимъ себѣ, опредѣленное время пребываютъ въ покоѣ. Поэтому можно сказать, что воскресеніе разрѣшило Ему узы смерти. Крестныя страданія закончились моментомъ смерти, и воскресеніе указываетъ на нихъ, какъ на уже завершившіяся (Дѣян. II, 24). Истинная смерть, но не побѣда смерти надъ Умершимъ, и въ смерти болѣе уже никакого суда, какъ наступаетъ онъ для умирающаго грѣшника въ тлѣніи его тѣла. Она есть смерть въ смерти, неотразимое и для всѣхъ равное испытаніе жала смерти. «*Безсмертный*», по словамъ церковной пѣсни, «*смерть погубилъ смертію Своею*» (Ирм. 8 гл. въ субб. на утр. п. 5, Слава). Для обыкновеннаго человѣка, который провелъ свою жизнь согласно съ Закономъ Божиимъ, правда, еще до смерти наступающее тлѣніе можетъ представляться желаннымъ благомъ, ибо тлѣніемъ-то, именно, и обуславливается прославленіе. Подобно тому, какъ пшеничное зерно не можетъ произрости, если не сгніетъ въ землѣ (Іоан., XII, 24), такъ и человѣческое тѣло. Но этимъ же тлѣніемъ свидѣтельствуется и о тяготѣи страшнаго проклятія надъ грѣхомъ (Быт. III, 19), ибо въ тлѣніи особенно сильно заявляетъ себя ужасъ смерти. Что посѣяно, то сѣется, правда, съ надеждой, однако, сѣется не въ честь (1 Кор. XV, 43). Совершенно въ *иномъ* состояніи нахо-

дился погребенный Спаситель. Пречистое тѣло Его не должно было для своего прославленія подпасть тлѣнію. Какъ Его смерть была несомнѣннымъ фактомъ, такъ, не смотря на разлученіе съ душею и на окончательное прекращеніе всякой дѣятельности въ мірѣ, бездыханное *тѣло* Его динамически поддерживалось жизненною силой Его духа; ибо только потому тѣло подпадаетъ тлѣнію, что остается покинутымъ жизненною силой духа. Даже и та малая частица нашего праха, съ которой нѣкогда начнетъ прославленіе нашихъ тѣлъ, отнюдь не динамическимъ дѣйствіемъ нашего духа преобразуется изъ ислѣнія въ нетлѣніе: это творится исключительно однимъ *Божіимъ* всемогуществомъ. О Христѣ же глубокомысленно и правильно такъ выражались древніе отцы и учителя церкви: тѣло и духъ Спасителя, даже и въ разлученіи одно отъ другаго, содержались Его Божествомъ. Этими словами выражается мысль, что и самый духъ Его динамически способствовалъ нетлѣнному состоянію Его тѣла. Честью и плодоношеніемъ жизни было нисшествіе Спасителя въ царство мертвыхъ; честью и благоуханіемъ ея былъ такъ же и могильный сонъ Его тѣла. Залитая потоками слезъ и крови, мать-земля приняла теперь со креста въ свои нѣдра *первое тѣло*, отъ котораго не пролились въ нее, какъ отъ грѣшныхъ ея насельниковъ, потоки тлѣнія. И отъ крови этого праведнаго Авеля земля, правда, взяла свою долю въ часы Его ужасныхъ страданій и крестной смерти, но взяла, какъ безцѣнный залогъ своего будущаго прославленія, ибо и неодушевленная тварь имѣетъ участвовать въ «откровеніи сыновъ Божіихъ» (Рим. VIII, 19) и по-своему наслаждаться плодами голгоэскаго жертвоприношенія. Итакъ, земля приняла какъ бы въ залогъ Его пречистое тѣло, а въ преисподнемъ мірѣ Онъ пребывалъ Своею душею. Но вскорѣ долженъ былъ наступить обмѣнъ залоговъ, знаменующій собою начало прославленія.

Воскресеніемъ Своимъ Христосъ перешелъ въ прославленное состояніе. Впрочемъ, послѣднее начинается нѣсколько ранѣе того радостнаго утра, въ которое Воскресшій явился мироносицамъ и апостоламъ. Когда Писаніе говоритъ о нисшествіи Спасителя въ преисподнюю для освобожденія томившихся тамъ узниковъ (Еф. IV, 8—10), то словами: «плѣнилъ еси плѣнъ» и пр. ясно свидѣтельствуетъ не о покоѣ, а объ искушительномъ *подвигѣ* Побѣдителя ада и смерти. Церковь не безъ основанія заключила, что Своимъ нисшествіемъ во

ады Господь обезоружилъ князя тьмы,—событіе, по свидѣтельству того же писанія, несомнѣнно соединяемое съ побѣдой Христа надъ смертью (Кол. II, 15) и предпосылаемое Его прославленію (1 Петр. I, 22; Тит. III, 16). А все это есть уже проявленіе дѣятельности и свидѣтельствуеъ о побѣдѣ Христовой надъ смертью. Если же, въ концѣ концовъ, писаніемъ указывается на особое явленіе Христа душамъ, находившимся въ узахъ со времени всемірнаго потопа при Ноѣ, то данными указаніями мы уполномочиваемся заключить, что все это произошло лишь по окончаніи промежуточнаго покоя и, слѣдовательно, послѣ соединенія Богочеловѣческой души съ органомъ ея дѣятельности. Это, именно, настойчиво свидѣтельствуется при упоминаніи о послѣднемъ событіи: подлинно *«оживотворенный»* духомъ Христосъ явился упомянутымъ душамъ (1 Петр. III, 18 сл.). Какъ вѣрно то, что въ указанномъ мѣстѣ Петрова посланія Онъ называется «умерщвленнымъ по плоти», такъ и оживленіе Его духомъ состояло въ томъ, что Его тѣло опять было воспринято духомъ и перешло къ прославленной пневматической жизни,—въ состояніе, которое дѣлало Его болѣе близкимъ къ царству духовъ, чѣмъ къ еще не преображенной землѣ. Что же касается воскресенія, то оно служить откровеніемъ Его прославленнаго состоянія для земли, подобно какъ и явленіе тѣхъ умершихъ, которые восприняли въ себя благодатныя силы новой жизни, свидѣтельствуется только въ значеніи чудеснаго слѣдствія воскресенія Христова (Мѡ. XXVII, 53). Началомъ прославленія служить прославленное оживотвореніе тѣла, которое само по себѣ находится внѣ связи съ еще не преображенною землею.

Воскресеніемъ Христовымъ опять открылся рай, «паки обновленъ истлѣвшій страстьми» человѣческой «образъ»; въ собственномъ Своемъ Лицѣ новый Адамъ являетъ послѣднюю цѣль нашего развитія, которое такъ злополучно было прервано пратеческимъ паденіемъ. Подобно тому, какъ помазанный Св. Духомъ Христосъ былъ возведенъ въ пустыню для искушенія отъ діавола (Мѡ. IV, 1 сл.), такъ и прославленный тѣмъ же Духомъ Святымъ Онъ является Своимъ ученикамъ лишь послѣ того, какъ побѣдилъ исконнаго врага человѣческаго спасенія. Нельзя земными мѣрами времени и мѣста опредѣлять дѣйствія Христовы въ преисподней. Мы въ состояніи только означить предѣлъ, раньше котораго не могло произойти таинственное соединеніе между собою Его души и тѣла: это—пачало третьяго дня.

Прежде чѣмъ раннимъ утромъ мироносицы нашли пустой гробъ, можетъ быть, въ тотъ часъ ночи, когда потрясались самыя основанія земли (Мѡ. XXVIII, 2), и произошло—первѣе всего въ царствѣ духовъ—торжественное откровеніе славы Воскресшаго. А потомъ уже Онъ явился и на землѣ, благовѣтствуя миръ и радость вѣрующимъ въ Него. Ни изъ евангельскаго повѣствованія, ни по смыслу самаго событія воскресенія не слѣдуетъ, чтобы кто нибудь видѣлъ Христа *выходящимъ* изъ гроба. Наоборотъ, таинственнымъ отваленіемъ камня доказывается то, что гробъ былъ пустъ. Самъ Воскресшій Своимъ первымъ явленіемъ женамъ выступаетъ въ сферу видимости изъ Своей духовной сокровенности. Такимъ образомъ, явленія Воскресшаго на землѣ представляютъ собой скорѣе неизбѣжныя покровенія уже совершившагося Его прославленія, какъ того, именно, требовали условія Его существованія на еще непрославленной землѣ. Всѣ Его явленія посятъ на себѣ неизбѣжный отпечатокъ принадлежности ихъ Высшему Существо, изъятому изъ сферы дѣйствія земныхъ законовъ пространственности и тѣлесности. Подобно тому, какъ предъ крестными страданіями ученики видѣли нѣсколько мгновеній пренебесную славу Господа на Оаворѣ, такъ, по воскресеніи, они встрѣчаютъ Его преображеннымъ въ великолѣпную славу—непреходящій образъ Его бытія и явленія. Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что *Одинъ* достигъ цѣли человѣческой жизни и, такъ сказать, присталъ къ тихому берегу вѣчности. Что же приносить Онъ, являющійся теперь, подобно внезапному посѣтителю, изъ далекой страны, пока еще находящимся въ земномъ странствованіи? Воскресшій приноситъ «цѣлованія», привѣты отъ вѣчности, залого будущаго прославленія людей и всей твари. Онъ даруетъ теперь подлинно то, въ чемъ особенно нуждалось человѣчество, осужденное безъ этого откровенія на безнадежное блужданіе между своихъ гробницъ. Торжественно засвидѣтельствованнымъ передъ цѣлымъ свѣтомъ должно было явиться то, о чемъ, хотя и во мракѣ заблужденій, мечтали язычники, и чѣмъ жилъ богопросвѣщенный Израиль. Не трудно догадаться, почему неоднократныхъ явленій Воскресшаго удостоились только тѣ, у которыхъ не совсѣмъ помрачены были очи ихъ вѣры, и которые смиренномудренно воспитали въ себѣ приблизительное разумѣніе дѣлъ Божіихъ.

По особому дѣйствию Промысла и для утвержденія Хр. вѣры, эти явленія располагались такъ, чтобы впослѣдствіи считаться (разумѣтся, невѣрующими) за наглый вымыселъ или за обманъ

чувствъ учениковъ. Отрицатели чудесъ требуютъ для признанія до-
 стовѣрности за послѣдними предварительнаго засвидѣтельствова-
 нія ихъ компетентною комиссiей изъ ученыхъ специалистовъ. До-
 пустимъ, что предъявленное требованiе было исполнено, и ком-
 миссiя изъ наилучшихъ специалистовъ засвидѣтельствовала бы
 дѣйствительность чуда воскресенiя Христова. Но что значать спе-
 циалисты перваго вѣка нашей эры по сравненiю съ современ-
 ными естествовѣдами? Да и, вообще, какой вѣкъ въ этомъ от-
 ношенiи можетъ претендовать на компетенцiю для будущихъ
 поколѣнiй? А если такъ, то предъявленное требованiе является
 только ничтожною отговоркой. И, въ самомъ дѣлѣ: что пользы
 произошло бы изъ того, если бы Христа, какъ именно Вос-
 кресшаго, увидѣлъ весь Иерусалимъ, и если бы Самъ Воскрес-
 шiй допустилъ произвести надъ Собой всевозможные экспери-
 менты, съ цѣлью убѣдить мiръ въ томъ, что Онъ дѣйствительно
 былъ мертвъ, а потомъ ожилъ и пребываетъ въ вѣчной славѣ? Ка-
 кими, спрашивается, медицинскими инструментами можно удосто-
 вѣрится въ прославленномъ состоянiи тѣла? Окажется ли, вообще,
 прославленiе реальностью для признающаго только одинъ чув-
 ственный опытъ? Но замѣчательное дѣло! Можетъ быть, къ ни-
 какому еще другому чуду не относятся съ такимъ предубѣж-
 денiемъ, какъ, именно, въ Воскресенiю Христову. Самыя по-
 вѣствованiя евангелистовъ въ отношенiи событiя воскресенiя и
 явленiй Воскресшаго допускаютъ такое, на первый взглядъ не-
 согласующееся между собою, разнообразiе, какъ оно совер-
 шенно естественно для людей, оказавшихся неожиданно въ
 бурномъ потокѣ столь новыхъ, столь неожиданныхъ и смущаю-
 щихъ человѣческую душу событiй, но за то и врагамъ вѣры
 они же даютъ въ руки самое подходящее оружье. И, однако,
 самые выдающiеся авторитеты оппозицiи, наприм., представи-
 тели тюбингенской школы, вынуждены согласиться съ тѣмъ,
 что Павловы посланiя, въ подлинности которыхъ они убѣж-
 дены, представляли бы собою вообще историческую невозмож-
 ность и необъяснимое явленiе, если бы не основывались на
 дѣйствительныхъ фактахъ, послужившихъ живымъ источникомъ
 апостольской вѣры въ то, что они, именно, апостолы, своими
 глазами видѣли Воскресшаго изъ мертвыхъ. Далѣе, если упомя-
 нутые факты принадлежать къ визионернымъ, то откуда же
 могла произойти вѣра въ *тѣлесное* воскресенiе Христова? По-
 чему апостолы не удовольствовались представленiемъ о такомъ
 явленiи Воскресшаго, какое было Павлу на пути въ Дамаскъ?

Откуда могло получиться, наперекоръ всѣмъ ходячимъ въ то время представленіямъ и вѣрованіямъ насчетъ появленія умершихъ въ этомъ мірѣ, не имѣвшимъ даже въ зародышѣ основного догмата христіанства,—получиться совершенно выработанное понятіе воскресенія тѣла, того самаго тѣла, которое погребено и которое въ воскресеніи прославляется? Единственно только изъ самаго *событія* воскресенія Христова и изъ личнаго убѣжденія въ немъ ап. Павелъ почерпаетъ все содержаніе 15-й гл. своего 1-го посл. къ Коринѳянамъ. Болѣе пяти сотъ братій видѣли Воскресшаго въ Галилеѣ. Многие были еще въ живыхъ, когда ап. Павелъ писалъ упомянутое посланіе (1 Кор. XV, 6). Онъ, прежній гонитель, предпочтительно предъ всѣми былъ уполномоченъ безпристрастно оцѣнить эти свидѣтельства. Мало найдется еще такихъ историческихъ событій, которыя удостовѣрялись бы одинаково многозначительными, разносторонними и бесспорными документальными данными, какъ воскресеніе Христово. Къ такому заключенію обязываетъ придти объективное разслѣдованіе дѣла наиболѣе осмотрительныхъ (и—замѣтимъ это—склонныхъ къ раціонализму!) ученыхъ теологовъ. Однимъ изъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ въ пользу воскресенія Христова является основаніе новозавѣтной церкви. Дарующая всему міру спасительное обновленіе и высочайшее блаженство истина отнюдь не могла произойти изъ безпримѣрной лжи и обмана. Но апостольская проповѣдь, которой міръ обязанъ своимъ обращеніемъ, вся зиждется на спасительномъ событіи воскресенія Христова.

Если бы сопоставленіе трехъ жизней происходило предъ глазами неискалѣченныхъ, непредубѣжденныхъ, непресыщенныхъ и нравственно чистыхъ наблюдателей, то мы считали бы свою задачу отчасти исполненной. Но, къ величайшему прискорбію, мы, жители XX в., особенно въ лицѣ нѣкоторыхъ новѣйшей формации интеллигентовъ, зазнались своимъ высокимъ положеніемъ; насъ,—да позволено будетъ такъ выразиться,—пепомѣрно избаловала современная (и лучшею своей стороною обязанная, именно, христіанству) культура; мы слишкомъ не въ мѣру отвѣдали ея плодовъ и не знаемъ, что дѣлать съ своею свободой; подчасъ намъ не угодно даже хотя бы пальцемъ двинуть въ интересахъ истины и правды; насъ окутала густая мгла всякихъ пороковъ и преступленій, чтобы мы еще могли не простирать своихъ рукъ

къ «богу чуждому» и цѣнить вѣренную намъ Промысломъ драгоценную «жемчужину» христіанской вѣры. Справедливо замѣтилъ еще Цицеронъ, у котораго потомъ взяли его мысль и хр. писатели, что, если бы нѣкоторые люди съ самаго ихъ рожденія постоянно содержались въ темномъ подземельѣ, ничего не слыша о мірѣ и красотѣ его и никогда не видя ни одного изъ его существъ,—и, вотъ, если бы такіе узники были внезапно выведены на Божій свѣтъ и увидѣли, какъ онъ прекрасенъ днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, какими великолѣпными цвѣтами одѣты въ немъ луга, какъ восхитительны эти зеленые лѣса и золотыя пивы, какіе въ немъ разнообразны звѣри и птицы, какъ величественно это, украшенное луной и безчисленными звѣздами, ночное небо,—тогда, заключаетъ свою рѣчь языческой философъ, выведенные зрители не могли бы удержаться отъ величайшаго восторга и нашли бы міръ исполненнымъ самыхъ разнообразныхъ и поразительныхъ чудесъ. Такъ разсуждаетъ мудрый язычникъ. Въ его словахъ сказывается глубокой психологъ-наблюдатель, у котораго было бы полезно поучиться и тѣмъ изъ нашихъ умниковъ, которые чуть не постоянно и, притомъ, безъ всякой нужды отправляются за поисками религіозно-нравственныхъ идеаловъ къ буддійскому мудрецу, или рѣшительно безъ всякаго достаточнаго основанія вдругъ начинаютъ выражать свою неудовлетворенность христіанствомъ и, даже, что-то вродѣ неудовольствія на него. Но развѣ христіанство виновно въ этомъ? Совсѣмъ не оно и никто кромѣ тѣхъ, которымъ не угодно «волю Его творить, чтобы разумѣть объ ученіи: отъ Бога ли оно?»

Совершенствомъ дѣятеля измѣряется совершенство его дѣла. Эта общеизвѣстная истина особенно приложима къ религіозной области, поскольку очагъ вѣры возжигается въ сокровенныхъ нѣдрахъ человѣческаго сердца: «сердцемъ бо вѣруется въ правду». Здѣсь, гдѣ, по словамъ ветхозавѣтнаго мудреца, находится «источникъ жизни», пробивается такъ же и родникъ религіозной жизни, служащей, поэтому, въ качествѣ самой честной, чуждой рѣшительно всякихъ дипломатическихъ ухищреній и компромиссовъ, поистинѣ неподкупной свидѣтельницы за или противъ первоносителей этой жизни, иначе говоря, основателей ложныхъ религій. «По плодамъ ихъ узнаете ихъ». «Не можетъ дерево доброе приносить худые плоды, ни худое дерево—добрые плоды». Христосъ—Спаситель, какъ мы видѣли это на пространствѣ всего нашего изслѣдованія, обладаетъ не

относительнымъ только, но безусловнымъ, божественнымъ совершенствомъ, слѣдовательно и принесенное Имъ христіанство имѣеть такъ же не относительное только превосходство надъ буддизмомъ и мохаммеданствомъ (какъ и надъ всякою другою религіей), но безусловное и совершенное; другими словами: христіанству принадлежитъ *божественное* совершенство.

Итакъ, вопросъ о божественности христіанства можно считать рѣшеннымъ совершенно удовлетворительно, ибо не подлежитъ сомнѣнію божественность его Основателя. Наоборотъ, совмѣщеніе только относительныхъ достоинствъ съ бросающимися въ глаза великими недостатками, пороками и заблужденіями въ основателяхъ буддизма и мохаммеданства роковымъ образомъ отразилось и на ихъ религіяхъ, имѣющихъ поэтому не болѣе, какъ только относительную цѣну и значеніе сравнительно съ христіанствомъ.

Но, можетъ быть, скажутъ иные (и сколько, впрочемъ, уже говорятъ объ этомъ!), и для послѣдняго, наконецъ, пробьетъ свой смертный часъ, когда оно отстанетъ отъ стремительно несущейся впередъ культурной жизни, окажется не въ силахъ удовлетворительно отвѣчать на ея запросы и будетъ представлять собою развѣ только архаическую цѣнность. Что на это отвѣтить? Неужели, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, и надъ христіанствомъ пронесется ангелъ смерти, чтобы истребленіемъ его освободить мѣсто для новаго и болѣе совершеннаго Откровенія? На эти и подобные имъ недоумѣнные вопросы надо отвѣтить самымъ рѣшительнымъ «нѣтъ!» Уже потому одному не явится и не можетъ явиться другой, высшій, по сравненію съ Господомъ Спасителемъ, пророкъ, что послѣ Христа ему нечего дѣлать,—невозможно открыть ни единой религіозно-правственной истины, которая не была бы преподана намъ несравненнымъ «Единымъ Учителемъ».

«Богъ есть Духъ», «Богъ такъ возлюбилъ міръ, что и Сына Своего Единороднаго далъ, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную», «а Я говорю вамъ, что всякій, смотрящій съ вождѣніемъ на женщину, уже любодѣйствовалъ съ ней въ сердцѣ своемъ», «а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ» и проч. Отвѣйте по чистой совѣсти: можно ли представить себѣ что-либо болѣе высшее по сравненію съ приведенными истинами? Можно ли представить какого либо дѣятеля болѣе совершеннымъ по сравненію съ Христомъ? А Онъ, въ Своемъ

Богочеловѣческомъ Лицѣ, представляеть Собою, вѣдь, цѣлое откровеніе! Пока въ человѣкѣ находится еще бодрствующая совѣсть, пока его умъ не зарвался въ поискахъ за предметами этого чувственнаго міра и комфортабельнаго устройства жизни, пока онъ не забылъ о высочайшемъ смыслѣ своего земного бытія, пока религія не перестала служить главной пружиной всѣхъ его стремленій и дѣяній, пока онъ не преклонился въ слѣпомъ раболѣпствѣ предъ автономною моралью и такою же культурой, до тѣхъ поръ христіанство не перестанеть служить для него высочайшей религіей, а Христось—Единымъ Учителемъ и Спасителемъ, съ Которымъ не могутъ, даже и въ самой отдаленной степени, сравниться никакіе еще учителя и религіозные дѣятели въ родѣ человѣческомъ, «ибо никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христось».

2007041651